

ВЕСТНИК
ШКОЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Общая тетрадь

Рига 2022

Издание выходит
раз в квартал

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

С.А. Васильев

А.В. Макаркин

М. Мертес (ФРГ)

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

Ю.П. Сенокосов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинз (Великобритания)

Главный редактор *Ю.П. Сенокосов*

Литературный редактор *А. Заматаева*

Верстка *В. Матисон*

Содержание

№ 2 (85) 2022

К читателю

Вызовы и угрозы жизни
Юрий Сенокосов 5

Тема номера

Интервью Владимира Зеленского российским журналистам 10
Каким бывает нейтралитет и на что ориентироваться Украине
Александр Гольц 26
Рост популизма и возрождение демократии
Славомир Сераковский 32

Глобальная экономика

Почему мы заботимся об экономическом развитии
Йеспер Роин 45

Дневник войны

Война и интеллект
Анатолий Ахутин 70
*«Города центра и запада Украины
будут разрушены...»*
Александр Фукс 78

Точка зрения

О политическом конфликте
Александр Морозов 81

Опыт истории

О философских изобретениях
Юрий Сенокосов 90
Охота на Гутерриша
Андрей Зубов 95
О вероятности войны с Западом
Станислав Кучер 98
Почему именно демократия
Валдис Биркавс 101
Священные писания, литературные каноны
Юрий Слёзкин 107

К н и г и

Ретроградные физиономии
Андрей Симбирцев 116

Контрапункт
Дмитрий Травин 120

Nota bene

59-й день войны
Илзе Дзеновска 125

Совесть, благородство и достоинство
Чулпан Хаматова 126

Слова победы
Виктория Матисон 128

Вызовы и угрозы жизни

Юрий Сенокосов,
главный редактор
журнала
«Общая тетрадь»

Жизнь — это вызов и одновременно неопределенность не только для молодых людей, когда встают вопросы о выборе профессии, возможной семейной жизни, здоровье. С этим встречается каждое поколение. Однако XXI век вносит в это привычное для нас восприятие жизни явную угрозу. И избежать ее, видимо, не удастся, полагаясь только на результаты и успехи научных открытий, технических изобретений и знания менеджмента. То есть на веру в научно-технический прогресс, сформировавшуюся за последние триста лет.

Известно, что в самом начале XX века на Земле было чуть больше полутора миллиардов человек, а по состоянию на начало 2021 года уже около 7,836 миллиарда. И за это же время было совершено около 300 фундаментальных открытий и изобретений (в XVII веке около 30). То есть, суммируя изобретателей и остальных людей, фактически миллионная доля процента от общего количества всех живущих на планете. И эта миллионная доля обеспечила соответствующие рабочие места (благодаря множеству патентов на изобретения технологических процессов), высокие темпы развития промышленного производства, огромный рост городского населения, и все это, конечно, не могло не оказать негативного влияния на биосферу и климат. Потому что человечество относилось и продолжает относиться к природе потребительски. А само потребление стало по сути принудительным после появления в начале 1960-х годов общества потребления и государства всеобщего благосостояния.

Неудивительно, что произошло это после Второй мировой войны, когда человечество, освобождаясь от пережитого ужаса и страданий, поверило в

провозглашенный в 1945 году в Уставе ООН призыв избавить грядущие поколения от бедствий войны.

Удивительно другое, что достижение ясно поставленных целей обернулось вскоре холодной войной и началась гонка вооружений, так как оказалось, что одни победители продолжали верить в свободу человека, а другие победители в успех полицейского государства. И верующие в свободу не только помогли восстановить экономику побежденных, но и начали Пагуошское движение за разоружение. Тогда как приверженцы полицейского государства после «покорения космоса» направили в 1963 г. к берегам США корабль с ракетами.

Не говоря уже о том, что еще в 1961 году Н. С. Хрущёв в докладе на партийном съезде о новой программе КПСС провозгласил: в СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей — советский народ. Они имеют общую социалистическую Родину — СССР, общую экономическую базу — социалистическое хозяйство, общую социально-классовую структуру, общее мировоззрение — марксизм-ленинизм и общую цель — построение коммунизма.

И эта «новая общность» была обязана продолжать исповедовать марксизм-ленинизм с его установками: уничтожением частной собственности на средства производства; классовой борьбой как движущей силой общественного развития; диктатурой партии — до полного уничтожения классового общества и буржуазного права и морали, в рамках которой «морально лишь то, что отвечает интересам рабочего класса».

Это и было целью дальнейшего международного развития социализма на

его собственной, им созданной основе и его перехода ко второй, высшей фазе коммунистического общества.

Результатом такой политики и такого мировоззрения и стал распад СССР. Тогда как творцы и сторонники капитализма, плодами успешного развития которого пользовался в это время остальной мир, стали переносить с начала 1960-х годов свое производство и опыт государства всеобщего благосостояния сперва в небольшие страны Юго-Восточной Азии (где возникло «азиатское экономическое чудо»), а позже — в Китай, который, в свою очередь, стал отправлять свои компании в Африку. По состоянию на конец 2017 года их общее количество там превышало 10 тыс. и продолжало расти.

За годы холодной войны мир тем не менее достиг известной упорядоченности. В рамках геополитики появилось два лагеря — коммунистический и капиталистический — во главе с СССР и США. Китай при этом остался в изоляции, а остальной мир — бывшие колонии, которые обрели независимость и были слаборазвитыми, — объединился под эгидой Движения неприсоединения, участники которого стремились уйти из-под влияния соперничающих сверхдержав. И к 2000 году, после российской перестройки, когда казалось, что самые опасные конфликты были урегулированы, страны мирового сообщества поддержали «Декларацию тысячелетия Организации Объединенных Наций».

Я обращаю внимание на этот документ (о нем можно прочитать во втором номере нашего школьного журнала «Общая тетрадь» за 2021 год), потому что впервые все страны мира, обсуждая его, согласовали ряд амбициозных

политических целей и задач, способствующих улучшению условий жизни и укреплению международной безопасности. Но после того как по ряду намеченных в декларации важных направлений деятельности удалось достигнуть прогресса, 11 сентября 2001 года началась, как известно, «война с террором».

А теперь посмотрим на весь XX век.

В своей замечательной книге, изданной три года назад Школой, «Что дальше? Выживание в XXI веке», британский политик, последний губернатор Гонконга (1992–1997), в настоящее время канцлер Оксфордского университета и эксперт Школы Кристофер Паттен пишет: «За прошлый век люди оказали на нашу планету влияние больше, чем все остальные существа, вместе взятые. Воспользовавшись дешевой энергией, доступом к чистой воде и относительно стабильным, благоприятным климатом, мы стремительно расплодились и увеличили мировую экономику в четырнадцать раз».

И дальше автор предпринял попытку описать большинство глобальных проблем, с которыми сталкиваются, по его словам, национальные государства. И его заключение: всеобъемлющего и глобального ответа на эти вопросы не существует. Но мы можем выработать, продолжает он, наиболее оптимальные способы противодействия: «Нам нужно четкое осознание важности более тесного сотрудничества национальных государств на региональном и глобальном уровне. Мы должны смириться с необходимостью передачи определенной доли суверенитета на международный уровень и даже согласованного внешнего вмешательства в

сферы, которые долгое время относились к суверенной юрисдикции... Ничто из перечисленного не драматично по сути, но драматичным может стать сам процесс реализации этих мер, подобно тому как для формирования импульсов, позволивших нам создать Организацию Объединенных Наций и Бреттон-Вудские учреждения, понадобилась Вторая мировая война».

И последняя цитата: «Значимость нависшей над нами сегодня проблемы ничуть не уступает значимости войны — с той только разницей, что проблема климата коснется всего человечества, его настоящего и будущего. Для ее решения потребуется сотрудничество между национальными государствами на поистине беспрецедентном уровне и признание того, что государства не смогут определять свою внутреннюю политику самостоятельно, так как последствия будут важны для судьбы всего человечества. И это вопрос не только экологической политики или экономики как таковой. Это вопрос всей политики — политики настолько всеобъемлющей, какой только она может быть. А во главе стран должно встать настолько отважное и находчивое политическое руководство, какого мы еще никогда не видели».

Повторяю: «какого еще никогда не видели».

Утопия... Но мы ведь тоже бываем утопистами, полагаясь на свои чувства. Поэтому я и делюсь паттеновским и своим чувством уверенности, напомнив, что Школа создавалась 30 лет назад как место для дискуссий и размышлений о смысле человеческой жизни в эпоху появившегося интернета и возросшей потребности в просвещении.

Крис Милк, Аарон Коблин (Chris Milk, Aaron Koblin). Интерактивная экспозиция «Проект Джонни Кэши». 2014

Почему взрослой?

Потому что просвещение — это не только образование, как и мир, в котором мы живем, не мир сам по себе, а общественная среда жизни, которая позволяет нам, раздвигая рамки профессий, говорить на одном из самых востребованных сегодня языков — языке гражданского просвещения — о том, что человечеству больше нельзя враждовать.

Известно, что понятие «просвещение» обретает современное значение развития умственных и нравственных сил в XVIII веке. Но я хочу процитировать в этой связи еще двух авторов, чтобы были понятнее причины научной революции XVI–XVII веков и начавшегося тогда движения европейцев в области культурной и духовной жизни за Просвещение.

Первая цитата принадлежит английскому философу, автору знаменитого афоризма «Знание — сила» Фрэнсису Бэкону (1561–1626): «Научные открытия должны иметь своей целью

не только интеллектуальное просвещение, но и облегчение человеческого существования» («Две книги о восстановлении наук», 1605 г.).

Поскольку наука в то время продолжала подвергаться критике, Бэкон решил разобраться в религиозных критических аргументах и пришел к выводу, что Бог не запрещал человеку познание природы. Наоборот, Он дал ему ум, который не может не познавать. Но при этом люди должны понять, что существует два рода познания: познание добра и зла и познание сотворенных Богом вещей. Познание добра и зла Бог дает через Библию. А познавать сотворенные вещи человек должен с помощью ума. И предназначение науки, заключает Бэкон в своем сочинении «О достоинстве и приумножении наук», изданном в 1623 г., в том, чтобы обеспечивать людям богатую и достойную жизнь.

«Природа создает отношения братства в семье... — напишет Бэкон в этом сочинении, — и, конечно, невозможно,

чтобы точно таким же образом благодаря наукам и просвещению не возникло бы и благородное братство среди людей, ибо сам Бог носит имя “отца света”».

Фрэнсис Бэкон не совершил, подобно своим современникам Галилео Галилею, Декарту и Исааку Ньютону, великих открытий в науке, но, являясь отцом-основателем английского эмпиризма, по единодушному мнению историков, проложил путь, являясь философом, для будущего бурного развития естественных наук, так как видел их важнейшую задачу в покорении природы и целесообразном преобразовании культуры на основе познания природы.

«Трудно назвать в истории другой пример, — сказал о Бэконе академик П. Л. Капица, — когда философ мог оказать такое большое влияние на ход развития естественных наук». И с этим невозможно не согласиться, так как мы видим наглядно плоды научно-технического прогресса в эпоху современного торжества кибертехнологий, которые, несомненно, наделяют нас все большей свободой, если не обращать внимания на то, как власть лишает граждан в авторитарных государствах естественных прав, подрывая основу международного права.

Вопрос: нужно ли в таком случае просвещение, имеющее опосредованное отношение к научному познанию?

Вторая цитата из книги современного французского историка и философа Этьена Жильсона (1884–1978) «Философия в средние века» (из введения): «Христианская религия вступила в контакт с философией во II веке — как только среди обращенных в христианство появились представители

греческой культуры». И дальше: «Греческие философские учения, сложившиеся под влиянием греческой религии, суть философия необходимости, тогда как философские учения, находящиеся под влиянием христианства, суть философия свободы».

То есть поскольку древние греки поклонялись десяткам разных не только олимпийских богов, они всегда находили причины для объяснения событий своей жизни и любых материальных и нематериальных явлений в действиях и поступках того или иного небесного жителя. А христианская религия с ее идеалом любви, который предстает в виде некоего абсолюта — добровольного однажды и навсегда искупления Христом человеческих грехов, — не требует повторения Его пути крестных мук, а предполагает понимание этого пути как свободы. И именно такое понимание породило философские учения о жизни и свободе.

Так что появление Школы в России в конце перестройки было естественно. Мы видели ее смысл создания для молодых людей (прежде всего депутатов) и их встреч с известными европейскими, американскими и российскими политиками, предпринимателями, журналистами, юристами. И уже в 1995 году у нас появился девиз «Обществу граждан — гражданское просвещение!».

Главную задачу Школы мы продолжаем видеть и сегодня в просвещении гражданина — свободной и ответственной личности — и появлении общества, не считающего государство хозяином или врагом. И уверены, что российское государство также поймет важность гражданской активности, гражданской легальной оппозиции.

27 марта 2022 г. президент Украины Владимир Зеленский дал большое интервью российским СМИ. Разговор В. Зеленского с журналистами из России был первым после начала войны. Вопросы президенту задавали главные редакторы «Медузы» Иван Колпаков и телеканала «Дождь» Тихон Дзядко, журналист и писатель Михаил Зыгарь (он передал Зеленскому также вопрос от главреда «Новой газеты», нобелевского лауреата Дмитрия Муратова) и специальный корреспондент «Коммерсанта» Владимир Соловьев (не путать с пропагандистом российского ТВ). Российские власти в лице Роскомнадзора еще до этой публикации потребовали запретить интервью к показу.

Владимир Зеленский,
президент Украины

Интервью Владимира Зеленского российским журналистам*

М. Зыгарь: Вопрос Дмитрия Муратова. Зачитываю: «Уважаемый господин президент, думаю, вам известна шутка, что буквы V и Z, которые сейчас широко используются в России, означают ваши инициалы. Является ли, по вашему мнению, извините за прямоту, «окончательное решение проблемы Зеленского» одной из основных целей нападения на Украину?»

В. Зеленский: Я слышал много различных мыслей по поводу того, что мое устранение планируется... Наверное, было несколько попыток, [предпринятых] разными людьми.

(Голос за кадром: «Имеется в виду политическое устранение.»)

В. Зеленский: Это неважно... смысл любого слова я хорошо понимаю. Я очень спокойно к этому отношусь. Для этого в Украину направлялись какие-то люди, в частности, группа Медведчука, кума действующего российского главы. Они находили политические форматы устранения, было много различной пропаганды. В общем, они понимали, что центральная власть теряет крепкое — я бы сказал, достаточно крепкое — влияние российской политики на украинскую политику. И они избрали другую тактику — тактику победы в регионах. Почему?

У нас на местах долгое время существовала мажоритарная система на выборах в парламент. И там,

* Публикуется с сокращениями. Полный текст см. на <https://meduza.io/feature/2022/03/27/eto-ne-prosto-voyna-vse-gorazdo-huzhe>

как правило, были те или иные группы, финансовые и политические, я бы их назвал — «закоренелые политики», которые на местном уровне влияли на правоохранительные органы, на политику, да на все! Соответственно, вы можете выиграть и контролировать — в нормальном, демократическом смысле слова контролировать — центральную власть, иметь полномочия, которые вам дал народ на легитимных, справедливых выборах, но на местном уровне решить ничего не можете. Вы можете делать реформы, которые просто туда не доходят. Такой, знаете, «политический дуршлаг». Тебе кажется, что вот ты пришел, у тебя куча идей, амбиций, огромная энергия и достаточно молодые люди (я сейчас не про возраст, а про команду людей с молодой и светлой головой), но ты не можешь добежать до регионов, потому что там все это просто заблокировано. Поэтому они избрали тактику влияния на регионы. Мало того, нам известно, как они ходят на местном уровне скупать франшизы других партий. Денег там много, и, насколько мне известно, Российская Федерация по тем или иным каналам всегда помогала этой политической структуре.

Затем — конкретные первые шаги в этом направлении. В тех или иных советах, районных или областных, они выходили с какими-то ультимативными вещами. Где-то заблокировать, где-то снести представителей правящей партии. В общем, это была их идеология — из местных советов пойти дальше. Где-то противодействовать реформам под предлогом того, что, мол, они здесь сами разберутся. Начать с местных советов и пойти дальше, к перевыборам в парламенте: вот чего они хотели. Для этого даже объединялись левые с правыми, да и с кем угодно. Объединялись, чтобы снести управляемость процесса.

Почему? Потому что... Мы сейчас плавно перейдем к домыслам — или к реальности. Физического устранения. Потому что когда нестабильная ситуация в стране, нестабильная экономика, все валится, когда хаос в Верховной Раде... В общем, нужна была дестабилизация, чтобы, имея крепкую региональную силовую управляемость, перейти к тому, чтобы их партии раскололи монобольшинство. Хаос в экономике страны и политическая нестабильность в Украине привели бы к эскалации со стороны Российской Федерации и к правлению сегодняшнего президента Российской Федерации. В таком случае они могли бы гораздо быстрее оккупировать нашу страну, и именно это точно входило в их планы. Мы имеем дело даже не с данными разведок других стран, а прежде всего с данными нашей разведки и, соответственно, понимаем, как к политике Украины относятся в России, в Кремле. К сожалению, они там не видят самостоятельности Украины. Я считаю, это трагедия — восприятие нас не как самостоятельного государства, а как какого-то продукта, части какого-то большого организма, во главе которого видит себя действующий президент России. Мы же считаем себя самостоятельным государством с большой глубокой историей и нравственностью.

Эта дестабилизация не прошла. Но и в планах внутри нашей страны тех политических групп, про которые я вам сказал, и в планах внешних групп именно [из] Российской Федерации была эскалация. Я не знаю, что там, в России, докладывали наверх, наверное, что-то вроде: «Нас тут ждут с цветами и с улыбками. Действующего президента не поддерживают, действующую партию не поддерживают. Значит, можно!» Я уверен в этом на 99,9 процента. А когда увидели, что все «немножко не так идет», естественно, сочли, что параллельный выход — максимально нейтрализовать тех, кто стабилизирует ситуацию во власти. А когда война — кто может гарантировать стабильность? Только президент в силу его полномочий и действующего законодательства независимой Украины.

«Мы обязательно вернемся»

Т. Дзядко. Владимир Александрович, я бы хотел спросить как раз о том, что происходит в эти дни: о боевых действиях, о войне. В последние недели одна из самых страшных горячих точек — это Мариуполь. Мы знаем и о том, что город практически полностью разрушен, о гуманитарной катастрофе, которую переживает население Мариуполя. Тем не менее — кто контролирует город? Приходят противоречивые на этот счет сообщения.

В. Зеленский: Противоречивости нет. Хаос информационный — понятно, чем он вызван. Реальность такова: город заблокирован российскими военными. Заблокированы все въезды и выезды из Мариуполя. Заминирован порт. Гуманитарная катастрофа внутри города — заехать с продуктами питания, лекарствами и водой туда невозможно. Российские военные обстреливают гуманитарные конвои, убивают водителей. Что происходит с этими грузами — я вам не могу сказать. Многие из них были отвезены назад.

Все запорожско-бердянское направление, вся Запорожская область — это сложное направление. 100—120 сложнейших километров, постоянно идут обстрелы. Были достигнуты какие-то договоренности. Происходила деблокация во время выезда гражданского транспорта, пассажирского из Мариуполя в сторону Украины. Силовой вывоз людей из Мариуполя не в нашу сторону, а в сторону, так сказать, обратную, тоже происходит. По нашим данным, вывезено более двух тысяч детей. Их точная локация нам неизвестна. Их вывозят с родителями и без. В общем, это катастрофа. Это страшно. Они держат их как души для обменного фонда. У меня просто нет слов, одни эмоциональные буквы...

Почему информационный хаос? Потому что внутрь Мариуполя зашли, куда смогли, российские войска. А в какую-то часть города они не зашли. Там есть наши ребята, которые отказались откликаться на их призывы. Я разговаривал с этими ребятами, раз в два дня точно выхожу

на связь с этими ребятами, очень стараюсь находить для них время, для меня это важно. Я им говорил: «Я все понимаю, ребята. Мы обязательно вернемся. Но если вы чувствуете, что вам нужно выйти, если вы чувствуете, что так правильно и что так вы можете выжить, сделайте это». Я им дал это право выбора. Они сказали: «Мы не можем уйти, тут раненые люди. Мы не бросим раненых». Мало того, они сказали: «Мы не бросим убитых». Чтобы вы поняли: в городе валяются трупы на дорогах, на тротуарах. Просто валяются трупы, их никто не убирает — трупы российских солдат и граждан Украины. Всех!

Понимаете, это страшно. А наши военные не готовы оставить даже мертвых. Где-то их похоронить, закопать, извините меня, как мусор они не готовы. Они защищают город, защищают раненых, защищают мертвых, которых они хотят похоронить. Мы просили российскую сторону разрешить нам вывезти трупы. Нам не дали вывезти ни трупы, ни раненых — никого. Я не знаю, везут ли они русских солдат в ту, другую сторону, куда они вывозили наших детей. Это мне неизвестно. Информация разная и имеет такой... блуждающий характер, поэтому я не готов подписаться под этими словами. Но все остальное, что я сказал, — это правда.

М. Зыгарь: Что касается противоречивых сведений, в том числе о количестве погибших, — почему такие разные оценки? Что происходит с телами российских солдат, которые погибли? Вывозят ли их на родину, хоронят ли их на месте? Есть ли у вас какие-то списки этих погибших?

В. Зеленский: Составляются списки. Наши военные ребята, я знаю, составляли списки. Все, кто в плену находится, — о них данные есть.

М. Зыгарь: Вы будете списки публиковать или передавать кому-то?

В. Зеленский: Я думаю, что все списки у российской стороны есть. Военные наши обращались к ним по поводу обмена — как и российская сторона обращалась к украинской стороне. Чтобы вообще говорить о каких-либо обменах, показываются списки, и списки показывали. Мы в большинстве своем не держим в секрете, кто у нас военнопленный. Я предложил: давайте обменяем всех на всех. И необязательно следовать каким-то общепринятым канонам, мол, дождемся конца войны или что, мол, «надо еще пленных набрать». Я не понимаю: зачем это? Я считаю, что есть договоренность менять всех на всех. Вот есть там сегодня столько-то — давайте поменяем на столько-то. Не мериться 10 на 10, 11 на 11, ой, подождите, мы еще подсобираем. А то, что они делают сейчас с гражданскими людьми, просто свинство какое-то. Я сказал, что если они будут воровать детей, это закончится тем, что не будет никаких переговоров.

Потому что это скотство я уже видел в минском процессе. Я уже тогда назвал это скотством. Мы договорились с Путиным в 2019 году, что

поменяем всех на всех (*имеются в виду пленные, появившиеся в результате конфликта в Донбассе. — Прим. ред.*) в ближайшие два месяца. Встреча у нас была в декабре. У нас был прекрасный обмен — по-моему, около 110 человек. Нужен был еще и список с их стороны, а они все никак не могли дать список тех, кто из их людей в наших тюрьмах. Наши списки мы передали, копию отдали в специальную мониторинговую миссию ОБСЕ. Я отдал все копии, так как там были вопросы еще и по крымским ребятам. Мы передали списки туркам, немцам, французам, русским. Но никого они нам не обменяли, никакое «всех на всех» тогда не сработало. Информация по обменному фонду?.. Нам нечего скрывать. Я не знаю, насколько она публичная, я, честно говоря, не задавался пока этим вопросом. Я просто не уверен, что им эти списки нужны. Потому что в тех списках пацаны, просто дети 2003—2004 годов рождения. Мы хотим списки передать, мы хотим, чтобы они забрали трупы. А они сначала отказывались, потом еще что-то говорили, потом какие-то мешки нам предлагали, мусорные пакеты. Слушайте, даже когда собака или кошка умирает, так не поступают! Я не понимаю! У нас люди набили бы морду такому главе района или чего-то там, если бы в мешке привезли тело, или не захотели его забирать, или захотели скрыть... Это я вам говорю как президент страны, воюющей с русскими солдатами, которые сюда пришли и которых мы ненавидим за то, что они делают. Это страшно. Я считаю, что это дикость. И все это плохо закончится. В Украине мы понимаем, во имя чего все, а что у вас?

Вот эти ваши дети... да, они присягу давали. Но многие ли знали, куда они едут? Я разговаривал со многими из них. Конечно, многие сначала врут с перепугу, не зная, что с ними будет. А потом, когда видят, что к ним нормальное отношение — насколько это возможно, потому что война и по-разному бывает, — многие в шоке. Они звонят родителям: «Заберите нас!» Мы перехватывали множество телефонных звонков, в которых звучало: «Я сегодня прострелил себе ногу», а какой-то «Паша сломал себе...» Или: идет колонна из 200 танков, наши подорвали 30 — все, считайте, колонны нет! 70 танков бегут. Эти ребята не воины, их заставили воевать. На убой послали, и все.

Но вернемся к Мариуполю. Мариуполя нет, просто нет! Волновахи просто нет. Небольших городков под столичным Киевом, где дачи, где люди живут, не существует: выжженная земля. Просто выжженная земля. Это выглядит... думаю, вы какие-то фотографии видели, но вы всего не видели. Это невозможно показывать! В том числе и нашему народу. В Волновахе просто ничего нет — никаких улиц, никаких домов. Ничего! То есть едут и выжигают, просто выжигают. А Мариуполь... Представьте, в городе с населением в полмиллиона 90 процентов зданий поражено! Их нет. Они сожжены. Но там хотя бы многоэтажки и вы можете себе представить, что тут когда-то было.

Или: по какой-то причине вчера прилетело шесть ракет во Львов. Шесть крылатых ракет! Что-то там военизированное они искали. Бьют там по различным нефтескладам, нефтебазам. Прекрасно понимают, что сейчас посевная. Какое отношение это имеет к посевной? Украина кормит часть Европы, половину арабского мира. Ни у турок — ни у кого там подсолнечного масла нет, зерна нет, нам не дали вывезти к ним грузы с зерном!

«Это не просто война. Все гораздо хуже»

И. Колпаков. Господин президент, как с 24 февраля 2022 года изменилось ваше личное отношение к россиянам? Остались ли у вас в России люди, чье мнение для вас по-прежнему значимо? И самый сложный вопрос: как вы считаете, удастся ли когда-нибудь украинцам и россиянам нормализовать отношения?

В. Зеленский: Первое. Несмотря на то, что я президент, я должен быть достаточно прагматичным человеком. Отношение к россиянам после 24-го числа ухудшилось. Ухудшилось очень сильно, потеряна положительная эмоциональная составляющая в отношении Российской Федерации, в отношении народа. Даже народа, хотя я понимаю умом, что много людей в России поддерживают Украину. Я им благодарен, потому что без сарафанного радио, без работы честной журналистики, без внутреннего потенциала русского человека, который за справедливость и за Украину... да, пусть он будет прежде всего за себя, но в данной ситуации это значит, что он будет и за Украину... потому что война на нашей территории не принесет ничего хорошего этому русскому человеку. Отношение к россиянам ухудшилось у всех жителей Украины.

В 2014 году, когда все началось, русскоговорящие, скажем так, районы Украины (или русскоговорящие семьи, если хотите) питали надежду, что вот-вот все это закончится. Что много всего произошло из-за недопонимания, которое долгие годы нарастало. Кто-то верил, что еще можно... что-то как-то можно. Именно так, как я вам говорю, — «что-то как-то», без конкретики, потому что уже шла война. Когда я пошел в президенты, у меня уже было понимание, что нужно сделать все, чтобы остановить войну, нужно бороться с пропагандой. Своим примером надо показывать, что ты хочешь изменить страну, изменить отношения с соседями, вернуть... в каком-то смысле даже вернуть все назад, до 2014 года. Прийти к пониманию, сесть за стол переговоров.

Но сегодня, за этот месяц, произошел глобальный, исторический, культурный раскол. Глобальный! Это не просто война. Все гораздо хуже.

Да, какие-то люди, с которыми я поддерживаю отношения, в России остались. Есть люди культуры, люди искусства, «читающий процент нации», которые сами во всем разберутся. Но мое глубокое разочарование связано с тем, что высокий процент населения поддерживает действия

России в силу различных причин. Скажут: виноваты «информационная война», «промывка мозгов». С одной стороны — да. Но с другой стороны, ссылаться на пропаганду — это же тоже оправдывать себя. Нельзя не замечать войну в течение стольких лет и говорить потом, что нам, мол, рассказывали одно, а происходило другое. Понимаете?.. Если бы я действительно хотел понять, что происходит, я бы копал, копал и сам бы нашел ответ. Но если я не хочу, то я — не хочу. Потому что мне легче поддерживать действующий режим.

И, я считаю, пришло вот это страшное разочарование. Разочарование, перешедшее в ненависть народов.

У меня нет ответа, можно ли вернуть прежние отношения и вернуться ли они когда-либо вообще. Я не пророк.

М. Зыгарь: Владимир Александрович, я хотел бы услышать короткое уточнение, буквально на уровне «да» или «нет»: поддерживаете ли вы бойкот российских художников, музыкантов, спортсменов? Мы все слышали недавно про Сергея Лозницу, который выступил против бойкота и был исключен из украинской киноакадемии. Вы как считаете — нужно ли бойкотировать всех?

В. Зеленский: Я считаю, что бойкотировать, к примеру, Лозницу — неверно. Я даже не знаю причины, по которой его откуда-то исключили, мне кажется, произошла какая-то ошибка. Не знаю. Но Лозница — художник, который имеет проукраинскую позицию (это то, что я слышал, хотя я могу не знать всего), позицию справедливую. Проукраинскую — это не значит «доносить свою позицию на украинском языке». У нас такого вообще нет, это же какой-то информационный пузырь, в котором живут граждане России. Я спокойно говорю с вами, и когда кто-то говорит со мной по-русски в Украине, я перехожу на русский язык. Я, президент.

Но ненависть ко всему русскому будет расти однозначно. Хотел еще сказать по поводу языка. Самый большой ущерб русскому языку нанесли Владимир Владимирович Путин. Я считаю — непоправимый ущерб. Люди за пределами России будут стесняться говорить по-русски. Так и будет. Такое уже происходило после той или иной войны, виновником которой, агрессором был признан кто-то конкретный.

А эти наши города, как я вам сказал, русскоязычные... именно эти города стерты с лица земли. Смотрите, в 2014 году, когда все началось, в Мариуполь перевозили Донецкий государственный университет, высшие учебные заведения, образовательные колледжи, школы, спортивные секции. Люди переезжали. Повторю: они верили, что вот-вот все закончится и они вернуться. Теперь они там, в Мариуполе, заблокированы, оттуда не выехать.

А вот по поводу российских спортсменов — бойкотировать их или нет... Я считаю, что вы не можете ощутить ту боль, которую чувствуем

мы, но вы должны хотя бы знать и почувствовать на себе хоть какой-то дискомфорт. Понять, что вы не такие, как все. И поэтому международное бойкотирование тех или иных российских спортсменов, хотя они напрямую не имеют к политике никакого отношения, — решение верное. Потому что они, к сожалению, имеют отношение. Они, может быть, даже не чувствуют этого до конца, но должны понять, что они — инструмент международного имиджа страны. Бойкотирование — оно для того, чтобы поняли, что, когда там умирают, вам должно быть хотя бы дискомфортно.

И если происходит изоляция — культурная, спортивная, какая-либо другая — сказать, что все уехавшие и оставшиеся невиновны, это нечестно. Потому что если человек ни разу не подал свой голос, хотя бы одним постом в соцсетях, ни разу не вышел на площадь, он тоже виноват. Не надо поджигать автомобиль, не надо стрелять ни в кого, не надо принуждать. Нет, просто поддержать, просто сказать: «Я не могу так, я не хочу так! Я хочу, чтобы мой голос был услышан!» И даже если его услышит один-единственный человек — это все равно будет «плюс 1», а не «минус».

«Они готовились к параду на Майдане»

В. Соловьев: Господин президент, от гуманитарной, очень важной составляющей я бы хотел перейти к не менее важной — дипломатической. Потому что переговоры идут, они начались довольно быстро, но о существенном прогрессе мы узнаем, например, из заявления президента Турции Эрдогана. Который говорил, во-первых, о том, что обсуждаются шесть пунктов на этих российско-украинских переговорах, а во-вторых — что по четырем уже есть прогресс. Это пункты, которые касаются невступления Украины в НАТО, демилитаризации, гарантий безопасности и защиты русского языка. А вот по статусу Донбасса и статусу Крыма прогресса пока нет. Можете ли вы объяснить: где действительно что-то подвигается? И еще — пояснить вашу идею о референдуме. Потому что не очень понятно, как в случае достижения каких-то компромиссов воюющая или только что вышедшая из войны страна может проводить референдум.

В. Зеленский: Первое. Почему риторика строится на шести пунктах? Потому что первая бумага была ультиматумом со стороны Российской Федерации. Я бы даже не назвал ее «бумажным ультиматумом» — это был публичный ультиматум. Как обычно, где-то что-то «слилось» в информационное поле. Вот там были эти пункты, о которых вы сказали. Там, правда, были еще слова «демилитаризация», «денацификация» — много всего, что связано с «де-». И мы ничего во всем этом не видели, кроме как «впрыска» в информационное поле: Россия якобы что-то делает и задает повестку дня. Поэтому, значит, эти впрыски. Реакция

Турции несколько некорректна, и мы об этом говорили с президентом Эрдоганом. Там есть и тонкости в переводе его заявления, и тонкости в риторике.

Иначе говоря, еще одна «информационная пуля». Мы во время минских переговоров к этому привыкли: они всегда затягивали процесс в надежде очень скоро и быстро нас оккупировать. Вы знаете, что мы нашли парадную форму военных?.. Это было бы смешно, если бы не было так трагично: они готовились к параду на Майдане Независимости, готовились пройти танками на третий или четвертый день войны.

Я сказал, что мы вообще не сядем за стол переговоров, если вести речь о какой-то «демилитаризации», «денацификации». Для меня это абсолютно непонятные вещи.

Т. Дзядко: То есть это не обсуждается на переговорах?

В. Зеленский: Мы не обсуждаем. Я согласился, чтобы наша группа поехала на встречу в Беларуси, потому что я давно, еще до войны, говорил, что сторонам нужно разговаривать. Я не против этих разговоров, лишь бы был результат. Российская сторона считает победой то, что эта встреча состоялась, что это добавляет некой субъектности Александру Григорьевичу Лукашенко. Да ради бога! Если мы сможем закончить войну, а Александр Григорьевич будет чувствовать, что он снова в доме хозяин, — ради бога! Мне, честно говоря, все равно. Это вообще выбор белорусов, а точно не наш.

Поэтому я согласился на встречу — если она будет предметной. Встреча состоялась, но предметной я бы ее не назвал. Наши стороны сказали, что фразы о «демилитаризации» и «денацификации» быть не может, а что касается пунктов о защите русского языка, я сказал, что каждый следующий день войны ставит вообще под вопрос употребление у нас русского языка. Люди не захотят читать, смотреть кино, говорить по-русски. Через кровь передать нам «любовь» к русскому языку?!

У нас в стране живут люди больше ста национальностей. У нас все говорят, как хотят, на любом языке.

Но мы настаиваем на зеркальном уважении. На договоре о зеркальном уважении к истории, к языкам, к культурным ценностям всех соседей. Это я принимаю. Я уверен, что и наш народ это примет, если захочет. Все равно все будет так или иначе голосоваться народными избранниками. Что это значит? Хотите русскую школу, хотите по-русски учиться — вот вам приватная школа, пожалуйста, открывайте. Но с условием: вы открываете у нас, а мы открываем у вас. Что-то там издаем — значит, и тут издаем. Хотите уважительного отношения к русскому языку? Да, но это ваш язык, государственный язык Российской Федерации. А наш государственный язык — украинский. И все!

В. Соловьев: Вы сейчас, я прошу прощения, просто со стола смахнули как минимум три пункта из тех, что озвучивались как предмет

переговоров. Демилитаризация не обсуждается, денацификация, что бы это ни значило, не обсуждается, русский язык не обсуждается. А что же тогда там обсуждается?

В. Зеленский: Русский язык обсуждается в том ключе, о котором я вам и сказал: об уважении к языкам народов-соседей. Я хочу подписать такой договор со всеми соседними странами. Меня интересуют Россия, Венгрия, Польша, Румыния и так далее.

Отдельный вопрос — о гарантиях безопасности и нейтральном, безъядерном статусе нашего государства. Мы готовы пойти на него. Для Российской Федерации, насколько я помню, это первый принципиальный пункт, и, насколько мне помнится, россияне именно из-за этого начали войну. Правительство России заявляло, что «расширяется НАТО и россияне не согласны с тем, куда вы идете, это вне наших договоренностей с Западом, которым уже много лет. Этот вопрос — главный, и от него зависит наша безопасность». Этот пункт — о гарантиях безопасности для Украины и, как они утверждают, о гарантиях безопасности России — мне понятен. Вопрос обсуждается, он глубоко проработан. Но важно, чтобы это не была еще одна «бумажка» а-ля Будапештский меморандум. Договор обязательно должен быть ратифицирован в парламентах стран-гарантов. И обязательно должен пройти референдум в Украине, как этого требует украинский закон. Изменение того или иного статуса, а гарантии безопасности предполагают нейтральный статус, — изменение конституционное. Конституционные изменения потребуют двух сессий, две сессии — это год.

Референдум можно провести быстрее, чем изменить Конституцию, потребуется всего нескольких месяцев. Вот о чем я говорю!

М. Зыгарь: Простите, а беженцы, которые покинули Украину, тоже будут участвовать в референдуме?

В. Зеленский: Конечно! У нас есть заграничные избирательные участки, все работает, и на президентских, парламентских все это было.

Но никто не стал бы подписываться в качестве гарантов, ни Джонсон, ни Байден, ни Дуда, ни Эрдоган, пока у нас стоят войска. Поэтому, как я считаю, войну нужно быстро закончить, и тянут с этим только Путин и его окружение. Войска должны быть выведены, и тогда гаранты все подпишут. Дальше — ратификация в парламентах, референдум, потом — изменения в Конституции.

В. Соловьев: А если на референдуме народ Украины заявит, что не хочет для Украины нейтрального статуса?..

В. Зеленский: Как бы там ни было, референдум невозможен, если на территории страны находятся войска, вооруженные незаконные формирования или незаконные формирования другого государства без какого-либо юридического фундамента. Это невозможно. Это то, что случилось в Крыму.

И. Колпаков. Позвольте еще один вопрос про переговоры. На днях *Wall Street Journal* написал, что вы якобы просили президента Байдена не вводить санкции в отношении российского бизнесмена Романа Абрамовича. Одновременно разные наши источники говорят, что осуществляются какие-то параллельные контакты между Украиной и Россией, якобы в переговорах участвуют люди, близкие к бывшему президенту России Борису Ельцину, что якобы в переговорах участвуют со стороны Украины разные культурные деятели. Звучало, в частности, имя Александра Роднянского, режиссера. Скажите, пожалуйста, есть ли какие-то параллельные переговоры, есть ли какие-то иные контакты помимо тех переговоров, о которых мы сейчас говорили?

В. Зеленский: Я отвечу вам так. То, о чем вы говорите, в какой-то степени имеет право на жизнь и уже действует. Осуществляется огромное число различных контактов. Я не уверен, что это какие-то официальные переговоры. Но как только началась война, многие хотели нам как-то помочь. Вы говорите про Александра Ефимовича Роднянского, есть и другие культурные деятели. И когда начали вводиться санкции, некоторым большим бизнесменам Российской Федерации стало некомфортно. Конечно, все они ищут выход. Но достучаться до правительства России было нереально. Хотя, может, кто-то там до чего-то достучивается...

Что касается моего разговора с Байденом, это в силу разных причин наши приватные разговоры, я не готов их сейчас обсуждать.

К нам обращались и с предложениями помогать восстанавливать Украину после войны: «Мы готовы дать деньги. Мы, живя сейчас в Англии или в Швейцарии, готовы перевести бизнес в Украину. Возможно ли это в обход санкционного списка?» Некоторые из граждан Российской Федерации, прося не называть их фамилий, заявляют, что они хотят помогать нашей армии...

И. Колпаков: Ваш офис координирует эти переговоры? Они как-то стекаются к вам?

В. Зеленский: Я получаю сигналы, но я бы не сказал, что наш офис координирует их. Они идут отовсюду, эти сигналы. Мое отношение к ним достаточно простое: любому человеку, любому бизнесмену России, неважно какого калибра, который сегодня готов давать деньги на поддержку украинской армии, мы готовы обеспечить безопасность, потом обеспечить ему работу, развитие его бизнеса.

И. Колпаков: Освобождение от санкций обсуждается?

В. Зеленский: Я обсуждаю то, что, будучи гарантом Конституции, я способен и могу сделать. Я говорю конкретно о санкциях внутри нашего государства. Это можно обсуждать.

«Нам не нужен замороженный конфликт»

Т. Дзядко: Вчера была встреча в Варшаве министров обороны и иностранных дел Украины с господином Байденом, президентом США. По этому поводу у меня два вопроса. Во-первых, есть ли какие-то конкретные результаты этой встречи — помимо политической поддержки? Речь в первую очередь о поставке вооружений. И второй вопрос: президент Польши господин Дуда выступил за ввод миротворцев НАТО на территорию Украины. Вашингтон, насколько мы понимаем, против какого-то своего военного присутствия, что называется, *on the ground*, на территории Украины. Известна ли позиция Байдена по поводу миротворцев НАТО в Украине? Насколько реалистичным это вам представляется?

В. Зеленский: Я отношусь к этому вопросу однозначно. С началом вторжения и понимая риски, связанные с нашими атомными электростанциями, с другими предприятиями, которые имеют стратегическое значение, мы предполагали возможность присутствия в том или ином виде миротворческих сил. Но мы этого не дождались. Пока это так. Это идея Польши — вводить на территорию Украины миротворческие силы. Я пока не понимаю до конца этого предложения. Нам не нужен замороженный конфликт на территории государства, о чем я и говорил на нашей встрече с польскими коллегами. Я знаю, что они не отступили от своей риторики. Но, к счастью или к сожалению, пока это наша страна наших граждан и я ее президент. И мы будем решать, будут ли тут те или иные силы.

Что касается встречи министров обороны и министров иностранных дел с госсекретарем Блинкеном, вопросом номер один был, конечно же, вопрос о вооружении. О деталях я говорить не готов.

В. Соловьев: Господин президент, я хотел бы попросить вас прокомментировать документы, обнародованные Минобороны России, датированные 22 января, за подписью Николая Балана. Из них, как заявила российская сторона, следует, что вооруженные силы Украины планировали упреждающий удар, планировали первыми напасть на Донбасс. Объясните, пожалуйста, что это за документы.

В. Зеленский: Ну, это какой-то фейковый документ. Конечно, таких планов не было. Начиная с 2019 года я говорил и президенту Путину, и разным каналам, о которых вы сегодня упоминали, что мы не собираемся военным путем забирать наши территории. Я хочу договориться. Мало того, я хочу найти приемлемый для России и Украины формат, в котором можно было бы пожить какое-то время.

В. Соловьев: Но эти документы — их не существует?

В. Зеленский: Я не знаю, что это за документ. Но фейковость всех документов, которые говорят о нападении Украины на Донбасс,

стоцентная! И вообще, кто имеется в виду? Бывший начальник нацгвардии Микола Балан? У него же нет полномочий такого рода. Нацгвардия входит в состав министерства внутренних дел, значит, и подпись там должна быть министра внутренних дел. А какое отношение имеет к наступательным позициям министр внутренних дел? Бред!

Это раз. Второе. Недавно был еще один документ — вот этот я уже видел. Его показал как раз Соловьев, не тот, что сейчас здесь, а ведущий российского телеканала. Так вот он продемонстрировал документ — мой приказ по захвату Крыма.

М. Зыгарь: Там еще ордена предлагалось давать «За взятие Крыма».

В. Зеленский: Да-да. Вот я и хочу, чтобы вы обратили внимание на одну вещь. Я действительно Владимир Александрович. Там все написано по-украински, и обратите внимание на якобы мою подпись: В.А. Зеленский. Но «А» быть не может! Я на украинском не В.А., а В.О. И таких, как этот «документ» Балана, много.

М. Зыгарь: Владимир Александрович, хочется уточнить историю про русский военный корабль. Вы посмертно, кажется, наградили украинских военных, которые были на острове Змеиный, а потом появилась информация, что они все выжили. Скажите, что на самом деле произошло? Живы они или нет?

В. Зеленский: Часть погибла. Часть была взята в плен. Тех, кто был взят в плен, — их обменяли. Произошел обмен на военных Российской Федерации, Россия вышла с этим предложением. Мы не задумываясь их обменяли. Вот и все. Те, кто погиб, — они для нас герои.

Т. Дзядко: Прошу прояснить еще один момент, который активно поднимается российскими официальными лицами и российскими телеведущими, и об этом же писала газета Daily Mail: о биолобораториях.

В. Зеленский: Это — анекдот. Объяснять тут нечего. Ну нет их у нас! Ядерного оружия нет, биолобораторий и химического оружия нет. Не существует этого. Как мы могли вообще кого-то фигней какой-то травить? Да мы и с врагами так никогда не поступали, вы же знаете, какой у нас народ! Философия ядерного разоружения верная, правильная. Но нельзя же за счет слабости одних выстраивать свою империю. Это просто невозможно. Потому что империи строятся на экономике, а не на запугивании.

И. Колпаков: Как бы вы сейчас сформулировали военную цель Украины? Как вы себе представляете (если представляете) военную победу?

В. Зеленский: Максимально уменьшить количество жертв. Сократить сроки этой войны. Вывести войска Российской Федерации на компромиссные территории — туда, где они были до 24 февраля, до нападения. Я понимаю, что заставить Россию полностью освободить территорию

невозможно, это приведет к третьей мировой войне. Я это прекрасно понимаю и предлагаю компромисс. Вернитесь туда, откуда все началось, и мы попытаемся решить вопрос Донбасса, сложный вопрос Донбасса.

Я хочу закончить эту войну, я не хочу, чтобы у нас были сотни тысяч погибших. Я этого не хочу. И поэтому силового нападения я не рассматривал — ни на Донбасс, ни на Крым. Потому что глубоко понимаю, сколько бы наших людей погибло и какой была бы цена этих территорий, пусть даже отвоеванных. Вот сейчас русские вышли со своей мощью, но, извините меня, не вошли внутрь Киева. Пока не вошли. И вряд ли войдут. Чтобы войти, им надо иметь армию тысяч в сто. Невозможно иначе справиться с таким городом. В Киеве ведь три миллиона живых жителей!

В. Соловьев: Господин президент, пока мы с вами говорим, пришла новость: глава ЛНР заявил, что намерен провести референдум о вхождении в состав России. Предполагаю, что скоро, наверное, и власти ДНР последуют этому примеру. И какое тогда может быть решение или обсуждение проблемы Донбасса?

В. Зеленский: Мы же с вами живем... во всяком случае, пытаемся жить в некоем пространстве легитимности, правильно? Когда кто-то что-то говорит, нужно же, чтобы этот «кто-то» что-то представлял из себя. Или представлял ту или иную территорию на законном основании. А закон в понимании международных институций имеет в виду всю территорию, а не ее отдельные оккупированные части. Поэтому что-то там заявлять — это право каждого человека (если это, правда, человек). Мы слышали сигналы от этих «товарищей», «спортсменов», как мы их называли в девяностые годы, когда я учился в университете. Это не те, кто действительно медали завоевывает, [они] просто ведут себя так, будто уже великие. Такие вот «спортсмены в спортивных штанах». А потом эти «спортсмены» переоделись в костюмы и стали теми, кем они стали. Но они так и остались, под этими костюмами, в спортивных штанах и майках в полосочку. Поэтому что они представляют и что там заявляют — я не знаю.

Т. Дзядко: Владимир Александрович, представители вашего офиса говорили, что за последние недели вы пережили больше десяти попыток покушений. Вы можете рассказать об этом более подробно? Что это было, где, когда и как?

В. Зеленский: Мне нечего сказать. Наша охрана занимается этими вопросами и устранением проблемных элементов, которые приходят сюда на охоту. Больше мне сказать нечего.

«Мы точно хотим мира»

М. Зыгарь: Время нашей встречи заканчивается. Может быть, у вас есть какое-то обращение к тем гражданам России или к тем русским людям, которые будут смотреть на самых разных каналах наш с вами разговор? Что бы вы сказали им сейчас?

В. Зеленский: Я думаю, важно, чтобы все-таки люди поняли: несмотря ни на что мы понимаем, что среди граждан России (или среди тех, кто покинул страну, неважно, навсегда или ненадолго) наверняка есть люди, которые поддерживают правду. Я не призываю их говорить, что они поддерживают Украину, важно, что они поддерживают правду. Потому что в правде надо разобраться самим и самим расставить все точки над *i*. Конечно, есть большой процент людей, поддерживающих политику действующего президента Российской Федерации. Но я хочу, чтобы те стороны, которые больше поддерживают правду и Украину, больше анализировали, стучались к своим соседям, родным, близким. Потому что без этого невозможно одолеть информационный занавес, который раньше был железным, а теперь стал информационным. Невозможно сделать это без журналистов, людей культуры, искусства, писателей, актеров, учителей, которые несут детям знания. Знаю, что для них это риск, но без этого ничего не закончится. Война не закончится. Вы же помните слова профессора Преображенского о том, что разруха — она в головах. Поэтому война закончится тогда, когда все захотят принять, что эта операция была большой ошибкой российской власти, что она привела к катастрофе для российского народа и к трагедии в отношениях между украинским и русским народами. Когда это произойдет — только тогда можно будет говорить о том, затянется ли эта рана когда-либо.

Нужно думать о своих детях и внуках. А взрослые люди, как мы с вами, уже друг другу ничего не простят. Я в это больше не верю, я видел, как реагируют россияне, сколько поддерживающих Путина (не его самого, а его действия). Но за детей и за внуков надо бороться. Это большой шанс, потому что мы понимаем, что с этих земель никуда не переедем — ни мы, ни вы. Поэтому надо стучаться во все возможные двери, в закрытые человеческие двери, говорить об этом.

На самом деле под бомбами, под выстрелами, под «информационной бомбардировкой» сложно во всем разобраться. Я не знаю, что страшнее — эта информационная бомбардировка долгие-долгие годы или пули? И то, и то страшно. Но надо людям понять, что это трагедия, и пытаться решить ее.

А мы точно хотим мира. Если бы мы не хотели — поверьте мне, мы бы завтра были в Крыму. «Война! Вперед! Мы побежали, ура!»? Да нет никакого «ура!» Мы на своей территории их бьем. Один наш военный

бьет десять российских, потому что те не понимают, что они у нас делают. Вот и все. А наш точно знает, что его жена с ребенком сейчас где-то в Польше. Или что в Волновахе семью вчера раздавили. Поэтому когда Россия заявляет, что в документах должно быть обозначено, что мы военным путем не станем забирать Крым... Да не будем — людей жалко! Хотя за эти десять лет в Крыму ничего не сделано. Что там построили? Отели, как в Дубае? А что в Донбассе? Что там с затопленными шахтами?! Там катастрофа с подземными водами. Там вообще катастрофа! Думаете, Путин не знает этого? Думаете, ему нужен Донбасс? Да чтобы там навести порядок, нужны огромные деньги! Чтобы люди там не травились и пили чистую воду, чтобы решить, что делать с затопленными шахтами. Шахту закрыть или взорвать — это же надо уметь. Иначе катастрофа. Катастрофа социальная, гуманитарная, экологическая.

И. Колпаков: Как вы считаете, зачем все это Владимиру Путину? Какая первая мысль приходит вам в голову, чтобы объяснить происходящее?

В. Зеленский: Смотря что объяснять. Что значит «одна мысль»? У Путина многовекторный подход к вопросу о России, ее месте в мире, лидерству РФ и всех тех, кто от России ушел, кто имеет право быть не-Россией. За всем этим целая история, понимаете? Кавказ, Грузия, Молдавия — это все разные истории. И опасная со многих точек зрения Украина. Во-первых, потеря влияния русского языка: Путин уже потерял несколько миллионов русскоязычного населения и хочет вернуть их силой. Во-вторых — геополитическое положение Украины и азартный и трудолюбивый народ Украины, который экономически, конечно, «выпрыгнет». А россияне могут задаться неудобным вопросом: чем Россия хуже?

Много разных причин, почему Путин так действует. Я считаю, его планы, к сожалению, — они не стратегические. Стратегия — это то, что будет через сто лет с государством, которое он возглавляет четверть века. Я Путину и русскому народу точно не советчик, но я считаю, что стратегия — это не то, что «будет после меня», а то, что будет через пять поколений.

Но у Путина другой подход. Чтоб сегодняшнее запомнили, чтоб был монумент, мавзоль, памятник, грамота. Я считаю, что это все ошибка. Но не одного Путина — ошибка его окружения.

И Абхазию, и много чего потеряет, конечно же, Россия. Но проблема же в чем: а как потом там людям сживаться? Это так же, как нам с Донбассом, где детям десять лет промывали в школе мозги: вот какие они нацисты! И как нам потом с этим быть?

Это я вам отвечаю на вопрос «а что дальше?» Что будет через три поколения, через пять? Это проблема. Что толку с того, что повбивали гвозди, раскололи все? Вечеринка была хорошая, ребята, а кто убирать будет?

Александр Гольц,
военный обозреватель,
заместитель главного
редактора «Ежедневного
журнала»

Противоречия современного мира слишком серьезны, чтобы уповать только на добрую волю и традицию соблюдения договоров в деле обеспечения безопасности страны. Поэтому институт нейтралитета переживает сегодня очевидный кризис.

Каким бывает нейтралитет и на что ориентироваться Украине*

Российская «специальная военная операция» заставляет порой задуматься над вопросами, суть которых раньше была интересна исключительно узким специалистам. И это отнюдь не только вопросы военной стратегии или тактико-технические данные тех или иных вооружений. Переговоры между Украиной и Россией подняли тему о формах нейтралитета в Европе. Киев предлагает обеспечить Украине австрийский или шведский вариант демилитаризованного государства, имеющего собственную армию, заявил глава делегации России, помощник президента Владимир Мединский. «Обсуждается целый комплекс вопросов, связанных с размером украинской армии», — сказал он.

Если перефразировать классика, можно сказать, что все страны — участницы военных блоков похожи, а все нейтралы — разные. Главные примеры последних на Европейском континенте — Швеция, Швейцария, Ирландия, Финляндия и Австрия. Каждая из этих стран пришла к пониманию необходимости неприсоединения к военным альянсам, отказа от участия в оборонных союзах в результате собственного исторического развития. Для кого-то это был свободный выбор, для кого-то — единственный выход в конкретных обстоятельствах. Поэтому условия и ограничения, которых придерживаются эти государства, сугубо индивидуальны. Равно как и те средства, к которым нейтральные страны намерены прибегнуть в случае агрессии.

* Republic, 28 марта 2022 г.

Выбор по доброй воле

Первой из европейских государств, провозгласивших нейтралитет, была **Швейцария**. Это было так давно, что о точной дате спорят историки. Большинство ученых склоняется к тому, что идея нейтралитета возникла практически одновременно с идеей объединения отдельных областей — кантонов — в единое государство. В течение XVI и XVII веков швейцарские кантоны поставляли европейским феодалам наемников. Часто получалось, что швейцарские солдаты удачно одновременно служили у разных феодалов, враждовавших друг с другом. Это был своего рода «нейтралитет наоборот», отличавшийся «ненахождением» целиком и полностью на чьей-либо стороне. И в конце концов в 1709 году в крупнейшей в XVIII веке битве при городе Мальплаке произошло кровавое столкновение между швейцарцами, служившими во французском и голландско-английском лагерях. Это подтолкнуло швейцарские кантоны к переходу от политики балансировки, чреватой распадом страны, к политике полного нейтралитета.

И тут же нейтралитет стал приносить ощутимые политические дивиденды. В качестве нейтрального государства Швейцария принимала активное участие в процессе урегулирования последствий войны за испанское наследство (в ходе которой и случилась битва при Мальплаке), а один из мирных договоров был заключен в швейцарском городе Баден. Это было первое выступление Швейцарии на международной арене как нейтрального государства. Участие Швейцарии в послевоенном урегулировании не только впервые позиционировало ее в качестве нейтральной силы на Европейском континенте, но и замкнуло накопленный внутри- и внешнеполитический опыт в единую национальную концепцию нейтралитета. В XVIII веке нейтральная позиция Швейцарии стала настолько привычной, что изменить ее уже едва ли представлялось возможным.

Многочисленно Швейцария выступала посредником в урегулировании военных конфликтов. Ей удалось сохранить нейтралитет во время двух мировых войн. Не случайно города Швейцарии стали местом важнейших переговоров в годы холодной войны. Именно там благодаря нейтральному статусу разместились штаб-квартиры многих международных организаций.

Швеция тоже приняла решение о суверенитете самостоятельно, без внешнего давления, исходя из внутреннего развития страны. В начале XIX века король Карл XIV Юхан решил консолидировать общество, отказавшись от войн. В 1814 году, сразу после успешной войны с Норвегией, будучи на тот момент кронпринцем, Карл XIV Юхан объявил о формальном неприсоединении страны к военным блокам и неучастию в европейских войнах. Уже в 1818 году он впервые озвучил принципы неприсоединения в обращении к риксдагу. Окончательно Швеция

утвердилась в качестве нейтрального государства, когда в 1834 году, в момент очередного обострения отношений между Великобританией и Россией, король отправил соответствующие меморандумы правительствам обеих стран, в которых объявил о намерении своей страны сохранить нейтралитет в возможном конфликте.

И вот уже 200 лет Швеция не участвует в войнах, считая главным национальным достижением изобретение разводного ключа, а вовсе не славные победы в кровопролитных боевых действиях. Стране удалось избежать участия и в мировых войнах. В 1949 году риксдаг сформулировал сущность нейтралитета, который был определен как «политика неприсоединения к военным союзам в мирное время и нейтралитет в войне». Шведская модель безопасности включала в себя три условия: неприсоединение к военным блокам, независимая оборонная система, общественная поддержка.

Исходя из обстоятельств

Нейтралитет **Республики Ирландия** появился как следствие борьбы за независимость. Сепаратисты заявляли, что независимая Ирландия будет нейтральной, но одновременно для достижения независимости были готовы вступить в союз с врагами Великобритании, что нашло отражение в максиме «трудности Англии — это возможности Ирландии». Во время Первой мировой сторонники отделения от Великобритании выдвинули лозунг «Мы служим не королю и не кайзеру, но Ирландии». В 1922 году при получении независимости Республика Ирландия записала в Конституцию: «За исключением случая фактического вторжения, Ирландское Свободное государство... не должно принимать активного участия в какой-либо войне без согласия *Oireachtais* (парламента)».

Во время Второй мировой войны Ирландия старалась придерживаться нейтралитета. В Дублине действовало немецкое посольство. Летчики люфтваффе, которые были сбиты во время «Битвы за Англию», интернировались в Ирландии, посольство оплачивало их содержание. Что касается сбитых британских пилотов, то их быстро передавали Лондону. Самолеты ВВС США, следовавшие в Северную Африку, заправлялись в аэропорту Шеннон. В ходе войны около 70 000 граждан Ирландии служили добровольцами в британских вооруженных силах. При этом некоторые дезертировали из ирландской армии, чтобы служить в армии британской. Когда же они вернулись в Ирландию после войны, были лишены жалованья и пенсионных прав и в течение семи лет им запрещалась любая работа, которая оплачивалась государственными или правительственными фондами. В отличие от других долго не воевавших государств, Ирландия не объявляла войну Германии, когда исход был уже ясен. И поэтому не захватывала никаких немецких активов. Ирландия сохраняла нейтралитет в годы первой холодной войны.

Верн Априятно (Veri Apriyatno). Возвращение в ничто. 2012

При этом ирландские военнослужащие участвовали в действиях коалиции в Афганистане.

Для **Финляндии**, которая была военным союзником гитлеровской Германии, и для Австрии, бывшей частью рейха, нейтралитет стал единственным спасением их государственности. 19 сентября 1944 года, проведя успешные секретные переговоры с СССР, финские руководители объявили о выходе из войны против Советского Союза. И немедленно начали боевые действия против вчерашних союзников-немцев, дабы разоружить те части вермахта, которые находились на территории Финляндии.

После окончания войны Хельсинки делал все возможное, чтобы не раздражать Москву. Президент Юхо Паасикиви вполне откровенно заявлял о «легитимном, продиктованном целями безопасности, обоснованном интересе СССР на финляндском направлении», пытаясь учесть советские интересы, но и избегал ситуаций, при которых советское руководство могло бы увидеть в Финляндии потенциального нового члена соцлагеря.

В результате удалось добиться практически невозможного. В подписанном в 1948 году Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой (который, как следует из названия, был вроде бы соглашением о военном союзе) СССР косвенным образом признавал право на нейтралитет, обещая принять во внимание «стремление Финляндии оставаться в стороне от противоречий между интересами

великих держав». Эту специфическую форму нейтралитета, который гарантировался лишь одной страной и которая строилась на стремлении ничем не раздражать Москву, порой презрительно именовали «финляндизацией». Надо сказать, что уже в 1960-е ситуация стала существенно меняться. Политика нейтралитета вызывала все больше доверия, обеспечила Финляндии международный авторитет. Показательно, что Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе был подписан в Хельсинки.

Пожалуй, только об **Австрии** можно сказать, что ее суверенитет гарантирован великими державами (подозреваю, что именно такая форма может удовлетворить Украину). Десять лет, до 1955 года, войска СССР, США, Великобритании и Франции оккупировали эту страну. В результате очень непростых переговоров (не будем забывать, первая холодная война была в разгаре) удалось разработать Государственный договор о восстановлении независимой и демократической Австрии, который и был подписан державами-победительницами и Австрией. Австрия была признана суверенным и независимым государством. В октябре того же года австрийский парламент принял конституционный закон, провозглашающий вечный нейтралитет, и отказ в будущем от участия в каких-либо военных альянсах, и запрет на размещение любых военных баз на своей территории. С этого момента Австрия строила свою внешнюю политику, отталкиваясь от принципа постоянного нейтралитета.

Но армию сохранить

Нейтралитет не означает отказа от армии. Все нейтральные страны располагают вооруженными силами. Самые мощные из них — швейцарские. Альпийская республика имеет уникальную систему военной организации — милиционную. Мало того, что все мужчины в возрасте от 18 лет до 31 года должны пройти первичную военную подготовку (от 4 до 6 месяцев), а потом в качестве резервистов находиться на службе около 30 лет, проходя переподготовку каждые два года. У каждого швейцарца дома хранятся оружие и военная форма, и он всегда готов прибыть в свою часть по первому приказу. При этом резервисты могут быть и рядовыми, и старшими офицерами. Именно поэтому в швейцарской армии всего 10 тысяч профессиональных военных при общей численности вооруженных сил в 120 тысяч военнослужащих. В армию в любой момент могут влиться свыше 200 тысяч резервистов.

У финской армии тоже чрезвычайно логичная система организации. Она основана на призыве. При общей численности вооруженных сил в 22 000 военнослужащих 16 500 из них — срочники. Те, кто отслужил, зачисляются в резерв первой очереди, в котором состоят закончившие службу в последние пять лет. Затем они переходят в резерв второй очереди. Всего же в случае войны под ружьем окажется

Анхель Дуарте (Ángel Duarte). Мировая увертюра. Лозанна. 1973

около 300 тысяч человек. При общей численности населения в 5 миллионов такая готовность к массовой мобилизации не выглядит излишней предосторожностью.

В отличие от Финляндии, соседняя Швеция практически упразднила срочную службу. В 2010 году она прекратила призыв, но в 2017-м вследствие осложнившейся международной обстановки возобновила его. Но и сейчас количество срочников не превышает 4 тысяч. При этом в вооруженных силах 60 тысяч военных профессионалов, число которых к 2025 году должно вырасти до 90 тысяч. Существенным фактором является и военно-промышленный комплекс, один из самых мощных в мире. Швеция обеспечивает своих военных практически всем спектром современных вооружений. По мнению экспертов, именно шведские вооруженные силы по подготовке и оснащению оперативно совместимы с американской армией. Австрийская армия имеет схожую структуру со шведской: из 53 тысяч военнослужащих всего 12 тысяч солдат срочной службы. У Ирландии и вовсе символические вооруженные силы — всего около 11 тысяч военнослужащих.

Будем откровенны: противоречия современного мира слишком серьезны, чтобы уповать только на добрую волю и традицию соблюдения договоров в деле обеспечения безопасности страны. Поэтому институт нейтралитета переживает сегодня очевидный кризис. Следует также отметить, что события в Украине привели к серьезным изменениям во взглядах как шведского, так и финского общества. В обеих странах все больше сомневаются, что нейтралитет обеспечит их безопасность, и говорят о возможности вступления в НАТО.

*Славомир Сераковский,
польский журналист,
литературный
критик, социолог,
директор Института
перспективных
исследований в Варшаве*

*Рост популизма и возрождение демократии**

У нас в Польше, как и в России, и в Украине, и в Беларуси, в еврейской диаспоре существует альтернативная традиция политического мышления, появившаяся еще в XIX веке. С нею непосредственно связан феномен интеллигенции. В этой среде не было доверия к государству. В государстве же не было достаточного количества независимых и крепких институтов, таких как университеты, профсоюзы, независимый политический класс.

В ответ на вопрос «Что такое популизм, в чем его опасность?» я бы сказал так: популизм — это, скорее, противоположность либерализму, а не демократии. Провозглашение демократии и объявление свободных выборов могут произойти в один день, как, например, в СССР после 1989 года. Это вопрос процедур. А для укоренения не просто демократии, а либерализма, политической культуры потребуются усилия нескольких поколений. Пока же популисты на нашей «части карты» имеют сильную базу, их мало что ограничивает и сдерживает. К примеру, в США или даже в Великобритании, в Италии популист может стать главой государства, но его будут ограничивать. Скажем, местный суд в Америке заявит, что такой-то закон нелегитимен, незаконен с точки зрения Конституции. И в таком случае тому же Трампу, например, придется отступить. А в Польше, когда Конституционный суд говорит, что «это незаконно», правительство просто не печатает закон. А раз он не опубликован, уже неважно, легитимен он или нет. Либерализм же гарантирует, что исполнительная власть и главы государств не вправе делать все, что им заблагорассудится. Это и позволяет демократии существовать и работать.

* Выступление на семинаре в Варшаве 9 ноября 2021 г.

Институты, основанные на разделении власти, — это, по Монтескье, независимые СМИ, гражданское общество, неправительственные организации, культура. То есть все то, что обычно относят к либеральной традиции, и входит в само определение либерализма. Либерализма, а не демократии. Так что вопрос о том, можно ли сохранить демократию при отсутствии либерализма, не случаен. Популисты умеют выигрывать выборы, поэтому они не враги демократии. Но у них два типа электората: один — фанатичный, а второй — циничный (отсюда название «циничные избиратели»).

У партии «Право и справедливость» в Польше, созданной братьями Качиньскими, всегда есть 25–30 человек в парламенте, у которых упоминание России, Германии и Украины вызывает разные фобии, и Качиньских считают героями. Однако вот что важно: есть второй, менее заметный электорат. Это люди, которые критически относятся к правящей партии, пропаганде, коррупции и так далее. И они открыто выражают свое мнение.

Мы проводили социологические опросы на эту тему. Эти люди критикуют так же, как и я, и партию, и Качиньского, но при этом добавляют: «Послушайте, мне же нужно оплачивать счета. Я живу в маленьком городке, и независимые СМИ, о которых вы говорите, здесь не присутствуют. Даже в киосках их нет. Почему мне надо отказываться от помощи моим детям и семье, идя на поводу каких-то независимых СМИ, с которыми я не имею абсолютно никакой связи?!»

Так что если вы помните американскую метафору *swing state* (колеблющийся штат), эти люди как раз представляют нечто вроде «штатов», в которых могут голосовать и за «фанатиков», и за «циников». И депутаты-популисты знают это и дают им как бы взятку, понимаете? Хотя, с другой стороны, винить их в этом невозможно. Правительство развращает людей.

После 1989 года в Польше и в других странах, включая Россию, была шоковая терапия, при которой в один момент всё было приватизировано и миллионы людей потеряли работу. О безопасности на улицах я уже не говорю, как и о разнице между левыми и правыми.

В 1989 году Фрэнсис Фукуяма, как известно, опубликовал эссе «Конец истории?», а в 1992 г. была издана его книга *The End of History and the Last Man* («Конец истории и последний человек»), получившая широкий резонанс в прессе и научной печати. Она о том, что нет больше альтернативы либеральной демократии, что коммунизм провалился и что нам нужно быть рациональными. Что «демократия плюс рыночная экономика» предполагает разделение не на левых и правых, а на правых и неправых. На самом деле это не очень демократично, если приходится говорить с людьми с позиции, что, дескать, есть единственный способ управлять экономикой — рациональность. Все, кто с вами не согласен,

при этом сразу же попадают в категорию «иррациональных граждан», «врагов демократии», «сторонников коммунизма» и так далее.

Популисты появились в конце девяностых, являя собой протест против отсутствия выбора. И на Западе, где коалиция христианских демократов и социал-демократов правит страной на протяжении многих лет, срок за сроком, популизм появляется как оппозиция всему политическому классу.

Но позвольте мне сказать о популизме. В XX веке опасностью для демократии были тоталитарные режимы, диктатура, кровавые диктаторы. В Испании, например, в других местах. И если сравнить с ними популизм, то он получается парадоксально прогрессивным. Если посмотреть на постидеологический период, то лучше популисты, чем то, что было в XX веке.

Я немного знаю историю России, и мне кажется, что, несмотря на ужасный режим Путина и его окружения, это все же один из наиболее либеральных периодов в истории России. И когда люди в Польше ждут момента, когда Путин уйдет, я пытаюсь сказать друзьям: «Послушайте, не думайте, что после Путина придет кто-то, кто будет лучше него, более демократичным». То же относится и к Польше, и к другим странам.

А вот вопрос, который я хотел бы задать: «Как вам кажется, популизм — это *идеология* или, скорее, *технология*? Можно ли быть во власти и не контролировать частную жизнь людей?»

У нас в Польше, к примеру, отношение к лайферам параноическое. Сейчас быть женщиной в Польше просто опасно для жизни, поскольку принят строгий закон в отношении абортгов. У женщины больше нет выбора. Два дня назад одна женщина умерла, потому что врачи так боялись ей помочь, что не приняли никаких мер. И эта женщина отправила сообщение своей матери: «Из-за нового закона врачи не хотят меня трогать, они ждут смерти эмбриона». В результате сепсис, заражение крови, женщина умерла.

В литературе феномен популизма вызывает две наиболее распространенные реакции. Одни говорят: «Нам следует относиться к популизму как к новой версии фашизма». И сейчас очень много книг посвящено этой теме. Есть книги о фашизме, о тирании, есть «ковид-фашизм», есть книга «Как работает фашизм» Джейсона Стэнли, профессора Йельского университета, в которой основные «действующие лица» — это Качиньский, Фидес (Венгерский гражданский союз) и Трамп. Я также стараюсь следить за тем, что пишет российская интеллигенция: Аркадий Островский, Сергей Медведев, российские писатели. Они открыто утверждают и пишут о российском правительстве как о фашистском правительстве, которое проводит жесткую политику в отношении ЛГБТ, меньшинств и вообще в отношении к гражданам страны.

Еще два замечания

Когда в XIX веке появился либерализм и когда закладывался фундамент либеральной демократии на Западе, что происходило в Восточной Европе? Там была некая версия мессианства. Лидеры государств воспринимались или декларировались как «спасители», как те, кто «обеспечивает независимость». И то же самое мы видим в XX веке — Пилсудский, Валенса, Иоанн Павел II. К ним относятся как к полубогам или как к королям, они не должны ни перед кем отчитываться. Тот же Качиньский, например, не заинтересован во встречах с иностранными политиками, ему не нужен престиж, он считает себя мессией, единственным человеком, знающим, что хорошо и полезно для страны.

Разные версии мессианства играют фактически ту же роль, что играл либерализм в западных странах. Это традиция, которая, как я считаю, есть и в российской политической культуре. Ну вы все слышали о Третьем Риме и тому подобном. Если мы хотим, чтобы у нас сохранилась и укрепилась либеральная демократия, нам нужно популяризировать эту традицию, доказать, что одно необходимо и невозможно без другого. Это займет много времени, и мы должны быть к этому готовы.

Что еще положительного в популизме? Популисты обычно терпят неудачу. Ну, по крайней мере, в Польше. Но предвидеть их поведение непросто, они все время делают что-то неожиданное, невероятное.

Когда я расспрашиваю членов и даже руководителей правящей партии в Польше, выясняется, что они друг к другу относятся не как к соперникам, которые должны друг у друга выиграть выборы, а как к врагам. Качиньский, на мой взгляд, враг страны, безопасности, благополучия, хороших отношений с нашими союзниками, и он считает, что такие люди, как я, должны исчезнуть. Потому что для них я враг страны. Это плохой фундамент для демократии. «Две Польши», нет общего дискурса, нет доверия. Совершенно нет доверия. Это действительно блокирует утверждение либеральной демократии в Польше.

Еще одна важная вещь. Нашему региону присущ нарциссизм маленьких наций, нарциссизм маленьких различий. И это вместо того, чтобы идти рука об руку с украинцами, белорусами, улучшать нашу экономическую, политическую, геополитическую ситуацию. На протяжении всей истории мы воевали, были окружены сверхгосударствами — Россией и другими, но следует помнить, что первыми жертвами России были не поляки, а сами русские. Нужно об этом помнить. Когда Красная армия несла огромные потери, в этой армии были и украинцы, и представители других национальностей, а не только русские. Германия, пытаясь наладить хорошие отношения с Россией, забывала о том, что люди, которых немецкая армия убивала, пыталась во время Второй мировой войны, были не только русскими. Но кто об этом думает в Польше, в Германии или в любой другой стране Евросоюза?..

И последнее. Мы много знаем о Западной Европе, мы знаем ее писателей, режиссеров, героев, лауреатов Нобелевской премии. А что они знают о достижениях Польши, Украины, Беларуси, об их писателях, традициях? Не так уж и много! Организация, которой я руковожу, думала об основании левой партии. Но вместо этого мы решили создать организацию, продвигающую либеральное мышление и популяризирующую историю нации, чтобы по возможности больше информировать об этом наше общество.

Благодарю за внимание. Жду ваших вопросов.

Вопросы из зала

Вопрос: Нынешняя волна популистского авторитаризма, в отличие от того, что было лет сто назад, действительно не идеологична. Мы в России видим это серьезное отличие: большевики были фанатиками, а у нынешних собственной идеологии как бы и нет. Но — по крайней мере в России — это замещается сверхвысоким уровнем коррупции. Иными словами, люди используют популизм даже не столько для того, чтобы получить власть или удерживать власть, сколько для того, чтобы получить контроль над собственностью и финансовыми потоками. В Белоруссии это в чуть меньшей степени, но тоже присутствует. Лукашенко и его окружение тоже в большой степени контролируют бизнес, собственность и финансовые потоки. В Центральной Азии происходит примерно то же самое. При этом, скажем, в Америке, у Трампа, насколько я понимаю, этого особо не было. То есть Трамп за время своего президентства не использовал отпущенные ему четыре года для того, чтобы присвоить еще какой-то бизнес и контроль над финансовыми потоками. В этой связи у меня вопрос касательно Польши, Венгрии, других посткоммунистических государств Центральной Европы, в которых сейчас тоже наблюдается движение в сторону авторитаризма. Качиньский, партия «Право и справедливость» или Орбан в Венгрии — насколько для них и для их окружения важен вопрос наживы? Используют ли они власть для того, чтобы взять под контроль бизнес и собственность?

Ответ: Спасибо за очень хороший вопрос. Тут много различий — больше различий, чем сходства. Я бы сказал, что Орбан больше проявляется как циник, циничный политик, а Качиньский — больше фанатик. Поэтому Польша наименее коррумпированная страна в регионе. Качиньский связан с коррупцией или коррупционерами не ради того, чтобы иметь или получать деньги. На самом деле у него даже банковского счета нет и семьи нет. Он как привидение, можно даже усомниться в том, что он существует. Между прочим, есть в польской литературе такая романтическая традиция, ее герой — царь-привидение. Это не значит, что у нас нет коррупции. Коррупция растет. Но Качиньский позволяет своему окружению воровать, потому что он подходит к этому как

Келу Абстракт (Kelu Abstract). Битва за ваши права... Граффити в поддержку Украины в Париже. 2022

к форме контроля или как к чему-то, по его мнению, необходимому. В Польше обыкновенно были и есть сейчас фанатики (их где-то 5%), были и фанатичные лидеры, и целая армия конформистов, циников. Именно они могут помочь лидеру руководить страной, коль скоро это люди без совести и их легко контролировать. У теперешней правящей партии нет четкого большинства в парламенте, поэтому каждый раз, когда там голосуют, нужен вот такой «планктон» — 20–30 человек в парламенте. Всякий раз, когда идет голосование, Качиньский их либо запугивает, либо коррумпирует. Он относится к ним как к необходимому ресурсу. И коррупция обеспечивает ему лояльность этих людей. Таким вот образом коррупция и растет.

Насколько я понимаю, в России проблема с коррупцией заключается в том, что люди знают о ее существовании, ненавидят ее, но никто не верит, что что-то можно изменить. Ну, за исключением разве что тех, кто находится в этом зале, я, однако, сейчас говорил о массах.

Тот же феномен наличествует и в Польше. Если никто не верит в то, что коррупция однажды исчезнет, не доверяет потенциальным лидерам, то в борьбу с коррупцией никто вовлекаться не будет. Люди просто воспользуются другими критериями, объясняя, кто и почему их любимый политик.

В Польше есть две партии, и предположим, одна обещает реформировать здравоохранение. Проведите опрос, спросите поляков: что нужно в первую очередь реформировать, какая самая большая проблема для вас? Всегда сначала прозвучит «здравоохранение», потом — «образование», потом — «пенсии». И вот происходят выборы. Одна партия

обещает вам реформы, другая партия — наличную поддержку. Поляки всегда выберут вторую партию, потому что не верят в то, что первая партия реально выполнит свои обещания о реформах. Почему? Потому что, например, когда «Гражданская платформа» руководила Польшей, а потом выиграла партия «Право и справедливость» (PiS), первое, что сделала PiS, она свела на нет все реформы, которые осуществляло предыдущее правительство. Как тут серьезно относиться к государству, ждать, что государство и впредь будет проводить реформы, если обычно реформы занимают больше времени, нежели один срок в парламенте? Получается, всё работает против интересов людей. Поэтому они и выбирают наличные. Наличные для них — это хорошо, за наличные можно купить хотя бы один-два частных визита к врачу или заплатить за обучение в школе. И то, что происходит, — это такая скрытая приватизация системы здравоохранения и образования. Она делает их еще менее доступными для большей части общества, включая тех людей, кто голосует за PiS.

В этом огромный парадокс популизма. В Америке в том числе. Были бедные американцы, поддерживавшие Буша. Или того же Трампа, который делал все, чтобы урезать налоги для более богатых американцев. Получается, люди обычно голосуют против собственных интересов. Поскольку ими движут разные формы фобий, паранойи. То, что сейчас происходит с беженцами на польской границе, — это шоу правительства с целью запугать жителей и чтобы показать, что правительство будет их защищать. Польское правительство ведь точно знало, что произойдет на польской границе, за месяцы до того. Это уже происходило в Литве и Латвии. Предприняло ли польское правительство что-либо в связи с этим? Нет! Ждали, пока беженцы придут сюда. Потом они, знаете ли, сменили униформу и послали танки против женщин, подростков и детей. Они фактически навязали чрезвычайную ситуацию и начали размещать срочные сообщения в твиттере, в фейсбуке, в СМИ: «Мы победим в этой конфронтации, у нас крепкие ребята, крепкие солдаты». В результате сейчас мы свидетели реальной серьезной проблемы на границе. Причем ее возникновение прогнозировали с высокой степенью вероятности, но эти прогнозы не приняли во внимание. Хотя мы знаем об утечках из электронной почты, о комментариях, которыми обменивались премьер-министр и глава его канцелярии. По ним четко видно, что они называли эти проблемы «чистым золотом» для себя. То есть они озаботились только опросами общественного мнения для склонения его в свою пользу. И это таки помогло им сколько-то повысить популярность, которую они теряли.

Итак, общая проблема Восточной Европы — и она существенно отличается нас от Западной Европы и Запада в целом — в том, что в ней гораздо ниже уровень доверия к государству и госучреждениям в целом. Если вы изначально не верите в то, что кто-то способен искоренить

коррупцию, вы руководствуетесь другими категориями при характеристике лидера: крепкий ли он, хорошо ли выглядит, решителен ли он. Если он при этом и коррумпирован — вам все равно. Потому что вы считаете, что в любом случае все коррумпированы.

Похожее происходит и в Польше, но с нашей «спецификой», с нашим особым «видом сумасшествия» — с *мессианством*, о котором я вам говорил. Например, почему мы утрачиваем согласие со всеми нашими союзниками в Западной Европе — Брюсселем, Берлином, Парижем, даже Вашингтоном? Потому что люди думают, что гарантия польской независимости и благополучия заключается не в союзниках, а в лидере. Лидер знает, что делать. Лидер — он как Пилсудский. Вот даже Туск вернулся в польскую политику после завидной карьеры в ЕС! Потому что хочет быть *спасителем*. Это правда! Лучший пост, который можно получить в Польше, — не президента, не премьер-министра. Пилсудский — вот спаситель, Иоанн Павел II — спаситель, Валенса — спаситель. То есть верх карьеры — это когда тебя признают *спасителем*. Кто, скажите, какой политик после председательства в Европе захочет потом ездить по Польше, ездить по селениям и пить водку с местными активистами? Неделю назад он встречался с Си Цзиньпином, с президентами, с главами государств, все его уважали, а теперь после великолепного карьерного взлета возвращаться в эту, извините, дерьмовую местную польскую политику?! Но причина понятна: если хотеть быть таким же влиятельным, как Пилсудский, Валенса и Иоанн Павел II, и если верить в реальность удовлетворения собственных амбиций, нужен не пост президента или премьер-министра. Надо быть спасителем! И либеральные избиратели воспринимают его как спасителя. Они не знают, как и что он может сделать, они просто верят, что он это сделает. «Он знает как». Такова наша, польская специфика.

Вопрос: В своем выступлении вы упоминали, что были на Майдане, потом в Минске. Вы общались с простыми людьми в тот момент, вы снимали их жизнь, процессы, протестующих. Вы обнаружили разницу либо что-то общее между протестами в Киеве и в Минске?

Ответ: Меня поразили оба протеста, и в Украине, и в Беларуси. Но я бы сказал, что гораздо удивительнее было то, что происходило в Беларуси. Это было как чудо. Люди за пределами Беларуси, в том числе и в Польше, практически ничего не знали об этой стране, вообще не задумывались о ее существовании. А потом они увидели настоящую революцию — сотни тысяч людей день за днем выходили на улицы. Врачи, пенсионеры, инвалиды, студенты, шоферы, объединенные общей солидарностью. Я поразился тому, насколько интеллигентен и умен был этот протест: ни одного разбитого окна, никаких конфликтов! (А мы в Восточной Европе конфликты любим.) Лидеры и обычные люди — все вместе. И я бы даже сказал, это был такой «протест без лидеров». Даже после того, как Светлану Тихановскую выдворили из страны, люди

продолжали выходить на улицы. Идеальная передача информации. Технологически циркуляция информации оказалась более продвинутой, чем во многих других регионах, а я видел другие протесты, ну, например, в Гонконге.

И еще одна вещь. Я не журналист и не политический комментатор. Так обо мне пишут в СМИ, но я никогда не работал на какую-либо газету, чтобы освещать новости. Я активист. И я там был одним из протестующих людей. Просто решил поехать в Беларусь и приехал — так же, как до того поехал на Майдан. Потому что я такой «сумасшедший поляк». Есть, знаете, в поляках такая романтическая традиция борьбы... Потом я хотел и в Россию поехать, но границы были закрыты из-за ковида. Кстати говоря, очень важно, что никто из протестующих в Беларуси ничем не провоцировал Россию. Так же, как никто не успокаивал нереалистичными ожиданиями поддержки Запада. Белорусы просто предлагали хорошие, действенные аргументы в свою защиту.

Помню, когда я был в Беларуси, для польских и международных СМИ я писал отчеты через день, но попутно брал интервью у экспертов, включая Адама Михника, у ведущих европейских политиков — в частности, у Дональда Туска. И Туск сказал мне кое-что важное. Я спросил у него: «Что вы будете делать для протестующих в Беларуси? Не просто же “выражать глубокую озабоченность”?» И Туск сказал мне (не для записи, неофициально): «Белорусская оппозиция получит в поддержку столько ресурсов и финансирования от Европы, сколько ей потребуется». Конечно, поддерживать белорусскую оппозицию не так-то просто, это опасно для самих оппозиционеров. Но белорусское общество доказало, что является нацией, и оно на самом деле преподавало урок. В Западной Европе считали: ну один раз выйдут люди на улицы, ну два, ну три раза, и потом им надоест. А потом мы увидели, что 15 августа вышли 500 тысяч людей. 500 тысяч — это был просто шок!

Разница между протестами в Беларуси и Украине, конечно, имела место. Украинцы могли проявлять какую-то агрессивность, ситуация там другая. Белорусы не могли позволить подобного, иначе было бы как в Грузии. Любые признаки агрессии стали бы предлогом для вмешательства России.

Что останется после этих революций? Свидетельство, что общество научилось бороться, что с протестующими солидарны многие. Это как «Солидарность» в 1999-м. Мы в Польше тогда тоже «считали» друг друга, убеждаясь, что мы не одиноки, что «со мной идут и другие». Революция в Беларуси, может быть, сейчас латентная, подпольная, но это только вопрос времени. Может быть, пять лет, может, восемь лет. Я думаю, что Россия сейчас теряет Беларусь. Потому что она теряет белорусов. Так же, как были потеряны украинцы.

Я был не только в Минске. Я ездил и в провинцию, я хотел знать, что там думают люди. Знаете, было непросто найти кого-то, кто бы

поддерживал Лукашенко. И я не знаю, как долго диктатор может управлять страной с сопротивлением его курсу 80% населения.

Возможно, я неисправимый оптимист, но тем не менее я был и остаюсь оптимистом. Я уверен, откроется новое окно возможностей. Это зависит от того, что произойдет в России, Путин же не вечно будет править Россией. Мы знаем, такое окно возможностей было в 1999 году. Однажды России придется задуматься и позаботиться о себе. И тогда в Беларуси найдутся люди, которые знают, что конкретно нужно делать в такой момент.

Вопрос: Идеологические левые, которых, как я понимаю, вы представляете или к которым вы близки, во многих европейских странах довольно прокремлевские, и обычно им свойствен антиамериканизм. Как же вы общаетесь с коллегами на Майдане, в Беларуси, с коллегами в Восточной Европе и других странах, которые являются не прокремлевскими?

Ответ: Не такой уж я особенно левый. Среди радикально левых есть, и я это знаю, просто геополитические идиоты. К счастью, у нас в Польше левые не такие сумасшедшие.

Вопрос: В России, так же как и в Польше, есть законы и институции, которые определенным образом присваивают себе историю и интерпретацию истории. Вот в России недавно вышел закон о том, что нельзя сравнивать Красную армию с нацистами. Скажите, есть ли какие-нибудь способы (может быть, у левых) вернуть анализ истории из области государственной частным людям?

Ответ: К вопросу о сравнении фашизма и коммунизма. В Польше правые всегда приравнивали коммунизм к фашизму, поскольку они были настроены антикоммунистически. А в целом... Мы обыкновенно что-то создаем, а потом протестуем против этого. У нас в Польше, например, был сильный антисемитизм, притом что евреев в стране оставалось немного, были сильные антикоммунистические настроения уже в период, когда больше не оставалось коммунистов. Очень сильно выступали против беженцев, когда еще не было никаких беженцев. Очень творческая у нас нация!

Да, примерно с 1948 до 1956 года у нас была сталинизация, но то, что произошло потом, не укладывается в определение «тоталитарный строй». Это, скорее, диктатура. Разница в том, что тоталитарный режим хочет контролировать и вашу частную жизнь. А коммунистов после 1956 года, в принципе, не интересовала частная жизнь: им нужно было, чтобы девизы были правильные, чтобы на бумаге все было правильно написано, а что вы там у себя дома делаете, это ваше личное дело. Наши коммунисты боялись еще двух вещей — очень сильной католической церкви и сильного сельского гражданского общества. Мы — страна, в которой не было коллективизации, как и в Германии. Сталин

предпочитал не заходить слишком далеко, потому что в каждом поколении у нас происходило восстание. Мы, может, и проигрываем, но мы знаем, как стать проблемой для России и других стран. Это у нас очень хорошо получается.

Вопрос: Вы различаете либерализм и демократию. Это очень важно. Пожалуйста, уточните различия между либерализмом и демократией.

Ответ: Либерализм больше связан с тем, насколько свободно общество. А демократия, скорее, зависит от того, кто управляет страной. То есть теоретически возможна даже «тоталитарная демократия», когда государство контролирует частную жизнь каждого человека. Или «демократическое представительство», которое тоже концентрируется на частной жизни, но якобы учитывает мнение отдельного гражданина. Последнего, конечно же, не происходит. Вопрос, как долго может существовать демократия, если уничтожаются либеральные институты? Вот Качиньский занят правовой системой и СМИ, будучи уверенным в том, что именно это необходимо.

Но реальное разделение власти, крепкое гражданское общество дают шанс действенной оппозиции. Вот ведь что происходит в Венгрии? Если нет свободных СМИ, если можно контролировать Конституционный суд, если денег у тебя гораздо больше, чем может собрать оппозиция, то можно «подписать под демократией».

Надо понимать, что дело не только в понятиях и определениях, дело и в политической практике. Разные ценности и формы образуют капитализм. Скажем, в Скандинавии, в Германии в 90-х годах и позже были предприняты значительные шаги в направлении рыночной экономики. Герхард Шрёдер в 2010 году проводил политику, которая стала важным шагом для регулирования либерального рынка. И так называемые «социалистические государства», «государства благосостояния» (в особенности Скандинавия) ныне, безусловно, менее социал-демократические, чем до 1989 года.

Вопрос: Прокомментируйте, пожалуйста, присуждение Нобелевской премии журналисту Дмитрию Муратову. По прогнозам, ее должен был получить Алексей Навальный. Я ни в коем случае не принижаю достоинства Дмитрия Муратова, он прекрасный человек, профессионал в своем деле. Но нет ли каких-то скрытых политических мотивов в присуждении премии именно ему?

Ответ: Муратов — потрясающий человек. Его «Новая газета» потеряла убитыми шестерых журналистов, и Нобелевский комитет хотел поддержать журналистов России. Это действительно необходимо, вы знаете, что в России происходит с независимыми СМИ — с «Эхом Москвы», с «Новой газетой». Я полагаю, что присуждение Нобелевской премии Муратову — своего рода акция в защиту российских журналистов. Вот ведь даже Песков поздравил Дмитрия.

А Навального на Западе и без того воспринимают как лауреата Нобелевской премии. Он — символ свободы. То есть у него уже есть это «прикрытие» благодаря интересу мира к его судьбе. Я уверен, что Навальный получит Нобелевскую премию. Его популярность на Западе наверняка не меньше 70%, там бы он победил на выборах. Но в России... Я не уверен.

И еще пару слов на тему. Я внимательно слежу за тем, что делает «Левада-центр», я очень уважаю «Леваду» и очень надеюсь, что центр выживет. Я понимаю, что результаты опросов общественного мнения при диктатуре должны интерпретироваться по-другому, иначе, чем в демократических странах. Если люди видят только одного политика, знают только об одном политике, у того есть шанс «выиграть» в любых опросах и подтвердить свою популярность. Но после того как Навальный пережил отравление, был заключен в тюрьму, уровень доверия к лидеру страны снизился. Это свидетельствует о том, что что-то все-таки в стране происходит.

Вопрос: Мне пришло в голову, что популизм — это имманентная часть демократии. Популизм существовал, в общем-то, на протяжении всех веков. Суть демократии в *vox populi*. В самом названии основополагающего принципа демократии содержится то, о чем идет речь. У меня вопрос: почему в Польше либеральные противники действующей власти не используют методы этого самого популизма, чтобы «одолеть дракона»?

Ответ: То есть должны ли мы тоже быть популистами, если хотим победить? Сложно сказать, популизм заразителен. Боюсь, если следующая партия, которая победит Качиньского, и придет к власти в Польше, у нее, конечно же, будет соблазн поддержать какие-то популистские решения, поскольку это даст ей еще большую власть. В Польше, конечно, будет бардак. Сейчас у нас две системы: одна конституционная, другая неконституционная. У нас уже миллион постановлений, которые фактически являются незаконными. У нас 500 судей, назначенных Анджеем Дудой, — незаконно назначенных. Но при всем при том нам, наверное, все-таки нужно сохранять различие между популистами и мейнстримными политиками. После того, как Качиньский потеряет власть и к власти придут мейнстримные политики, на следующий же день я начну их критиковать! Демократия все же нужна.

Вопрос: Представитель Федерального правительства от Восточной Германии заявил, что восточные немцы были социализированы диктатурой и поэтому навсегда потеряны для демократии. Это вызвало шквал критики, в том числе в его партии, в ХДС. А действительно, верно ли для всех постсоветских стран, что мы социализированы диктатурой и поэтому не доверяем демократическим институтам?

Ответ: Относительно Восточной Германии это правда. По крайней мере, частичная правда. И если посмотреть на компетентность, на доверие к институтам, на постматериалистические ценности — свободу искусства, свободу слова и так далее, то Восточная Германия ближе к Польше, к Украине, чем к Западу. Это действительно наследие диктаторства коммунизма, советизированного общества и экономики. Но что мы можем с этим сделать? Мы можем только работать и ждать, пока не исчезнут различия. Утверждать, что различий нет, я не могу — они есть.

Вопрос: У меня вопрос, связанный с той долей консервативно настроенных людей, которые, можно сказать, вынуждены выбирать PiS. Будет ли когда-либо выстроена какая-то альтернатива для традиционалистской, консервативно настроенной публики в Польше? Или это несбыточная мечта и поляризация, проявленная в польском обществе в последние 10 лет очень ярко, будет и дальше раскалывать общество? Насколько мне известно, существует достаточно большое число людей, которые мыслят себя все же консерваторами больше, чем либералами, при этом придерживаясь европейских ценностей.

Ответ: О консерваторах — это очень интересно. Первой жертвой Качиньского стали консерваторы. Потому что этноконсерватизм — старая традиция Польши. При этом она основана на уважении к государству, к праву, к праву собственности, к политике — всему тому, что Качиньский попытался уничтожить после прихода к власти. Сейчас Качиньский хочет быть как Пилсудский и другие выдающиеся деятели Польши, такой, знаете, «смесью» этих деятелей. Но хорошо бы иметь партнеров и с «другой стороны», в лагере католической церкви и консерваторов.

Вопрос: Скажите, насколько польский католицизм и приверженность католической церкви реальны? Или это очередной миф?

Ответ: Честно говоря, мне кажется, что наша страна никогда не была по-настоящему христианской. Люди не следуют заповедям. Могут бить жену, детей, ненавидеть беженцев, говорить о евреях, которые «правят миром», а в воскресенье, как ревностные христиане, они идут в церковь. Вот такие они «католики». Вообще же польский католицизм антиинтеллектуален. В большинстве католических стран мира есть, вероятно, некое «католическое мышление», но у нас его нет, наше очень примитивно. И все же католицизм сохраняется, потому что и таким образом можно контролировать общество. Есть и страх, что если уровень, качество католического мышления повысятся, это тоже может привести к потере контроля.

*Почему мы заботимся об экономическом развитии**

Когда я думал о теме своего выступления, мне сначала было страшно, поскольку тема обширная. Как и общая тема нашей сегодняшней встречи, посвященной глобальной экономике. Однако потом я вспомнил о начале своей научной карьеры. Тогда мне хотелось выглядеть очень умным и в исследовательской работе быть «на передовой». Я спрашивал и спрашиваю, что же происходит на самом деле? Что считать прогрессом в обществе? Что такое развитие? Может ли взгляд экономиста как-то помочь пониманию этих процессов? Почему экономисты настаивают, что надо применять такие, казалось бы, примитивные измерения, как валовой внутренний продукт (ВВП)? Почему вообще нас волнует ВВП? Как это связано с благосостоянием?

Особое внимание в своих исследованиях я уделяю проблеме неравенства. Я постараюсь показать, опираясь на цифры, что такое экономическое развитие. Почему так случилось, что у каких-то стран это получается хорошо, а у других плохо? И почему внутри страны одни люди добиваются успеха, а другие — нет?

Краткий обзор основных положений моей лекции сводится к следующему. Я хочу в количественном измерении, так сказать, с высоты птичьего полета, показать вам, что представляет собой экономическое развитие, когда говорят о глобальном прогрессе. Что имеется в виду под неравенством и бедностью и знаем ли мы, что значат бедность и неравенство. Почему проблема распределения богатства действительно является важной для понимания того, как вообще функционирует экономика. Попутно встает вопрос о взаимодействии экономического развития и политики.

Давайте начнем с пары вопросов, а именно: каковы самые серьезные проблемы общества, кто несет ответственность за решение этих проблем?

*Йеспер Роин,
заместитель директора
Стокгольмского
института переходной
экономики*

* Выступление на семинаре в Стокгольме 27 ноября 2021 г.

И — в качестве альтернативы им — к чему мы должны стремиться? Что означает прогресс? Как мы достигаем прогресса? Как нам понять, чего мы достигли? Есть ли какие-то объективные измерения того, что «что-то хорошо», а «что-то не так хорошо»?

Постараемся по возможности поискать ответы на эти и другие вопросы.

Два вопроса Эдвина Кеннана

Итак, «хорошее» развитие общества определяют следующие параметры:

1. Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах.
2. Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания, содействие устойчивому развитию сельского хозяйства.
3. Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте.
4. Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности для всех обучения на протяжении всей жизни.
5. Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек.
6. Обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех.
7. Обеспечение доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех.
8. Содействие неуклонному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех.
9. Создание прочной инфраструктуры, содействие обеспечению всеохватной и устойчивой индустриализации и внедрению инноваций.
10. Снижение уровня неравенства внутри стран и между странами.
11. Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и устойчивости городов и населенных пунктов.
12. Обеспечение рациональных моделей потребления и производства.
13. Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями.
14. Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития.
15. Защита, восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное управление лесами, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биологического разнообразия.
16. Содействие построению миролюбивых и открытых обществ в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для

всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях.

17. Укрепление средств достижения устойчивого развития и активизация работы механизмов глобального партнерства в интересах устойчивого развития.

Слайд 1

17 целей устойчивого развития

Но что такое «хорошее развитие»? Официальный ответ на этот вопрос мировым сообществом уже дан. На конференции ООН в сентябре 2015 года 193 страны договорились о целях устойчивого развития, которые носят комплексный неделимый характер, обеспечивая сбалансированность трех его компонентов: экономического, социального и экологического.

Меня как человека, занимающегося проблемами неравенства, радует, что в этом списке многие иконки, обозначающие цели развития, имеют к ним отношение. В частности, повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах — что это означает? Это означает, что надо заботиться о том, чтобы самые бедные в мире люди больше не были бедными. Хорошая, кажется, цель, но возникает вопрос: а что конкретно имеется в виду под «бедностью»?

Эдвин Кеннан, профессор Лондонской школы экономики, автор своего рода современной версии прочтения известной книги Адама Смита «Богатство народов», писал в 1905 году: «Две величайшие цели экономических исследований заключаются в предоставлении общих ответов на два вопроса: во-первых, почему целые сообщества богаты или бедны и, во-вторых, почему внутри каждого сообщества есть отдельные люди и семьи, благосостояние которых выше среднего, а других — ниже?» Как отвечают на эти два вопроса экономисты?

Вопросы в картинках

«Мне кажется, что основные интересы экономики как науки сводятся к двум вопросам: во-первых, как целые общества могут быть бедными или богатыми, а во-вторых, почему в любом обществе есть люди и семьи, чей уровень жизни выше среднего, и те, чей уровень жизни ниже среднего...»

Эдвин Кеннан, 1905

1990

2015

Где-то (Шэньчжэнь, Китай) происходит это...

1990

2015

...а где-то (Судан) наблюдается это.

1990

2015

Корейский полуостров. Вид из космоса.

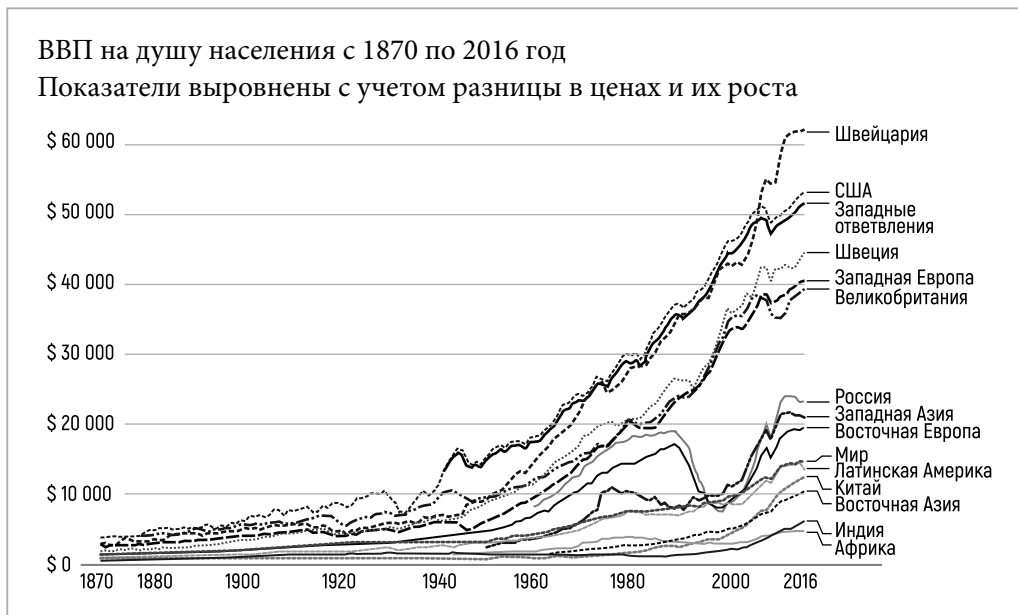

При этом в одной стране может наблюдаться и то, и то.

На слайде слева сверху — картинки из Китая. Справа сверху — из Судана. Слева внизу — фото Корейского полуострова, сделанное из космоса; интенсивность света здесь несомненное свидетельство экономической активности. На трех разных картинках разный уровень экономической активности.

Картинка справа снизу иллюстрирует материальную неравномерность распределения внутри страны. На картинке южноамериканский город, слева на ней — бедные фавелы, справа — зажиточные кварталы, все вместе — опять же, наглядное свидетельство неравномерности развития внутри одной и той же страны.

Стандартный «экономический аспект» Огромная разница между странами и регионами

Источник: Maddison Project Database (2018)

Примечание: Графики составлены с целью продемонстрировать разницу в ценах между странами и могут использоваться для сравнения дохода в разных странах в разные исторические периоды.

Так выглядит динамика развития мировой экономики за предыдущие 150 лет. Отметим очень большую во всем мире дивергенцию развития в плане ВВП. А также то, что в начале индустриализации, то есть в период первой промышленной революции конца XVIII века, самая богатая страна была богаче бедной в 8 раз. Сегодня самые богатые страны в сотни раз богаче самых бедных.

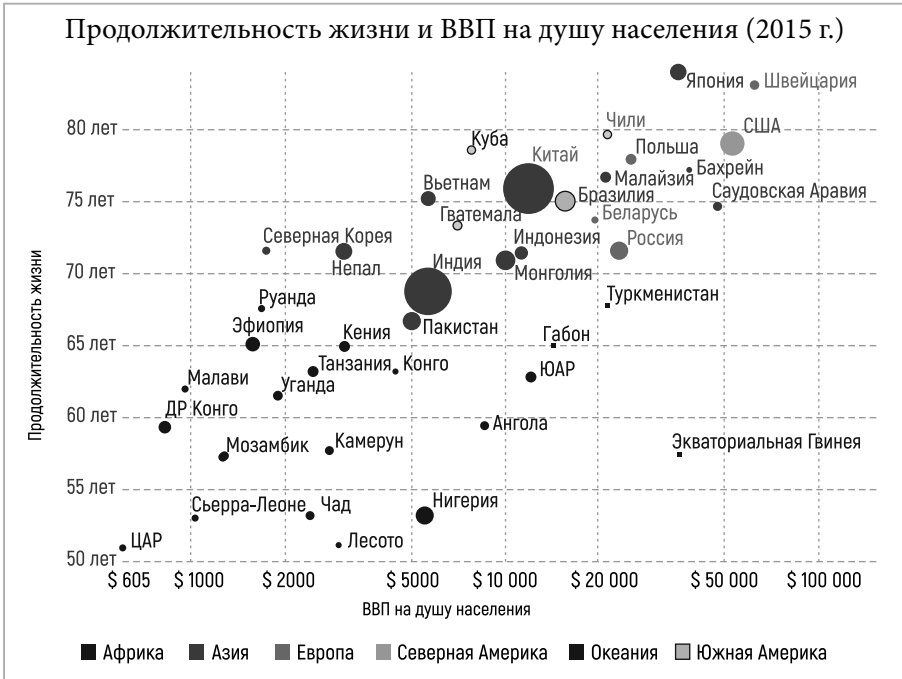
ВВП и то, что нас волнует

Однако можно ли утверждать, что экономическое развитие напрямую связано с благосостоянием? Кто-то полагает, что экономистов волнуют только деньги. Но, во-первых, это неправда. Во-вторых, многие экономисты не без оснований считают, что экономическое развитие само по себе, «автоматически» не является мерой измерения благосостояния, как и ВВП не является показателем благосостояния, и экономический рост не является показателем прогресса.

Саймон Кузнец, американский экономист, статистик, демограф и историк экономики, который во многом «несет ответственность» за современные национальные счета, говорил, что благосостояние нации едва ли можно вывести из показателя национального дохода. Многие экономисты это осознают. При этом мы по-прежнему основное внимание уделяем именно этим индикаторам. Почему? Должна же быть какая-то причина. И почему нас так волнует ВВП?

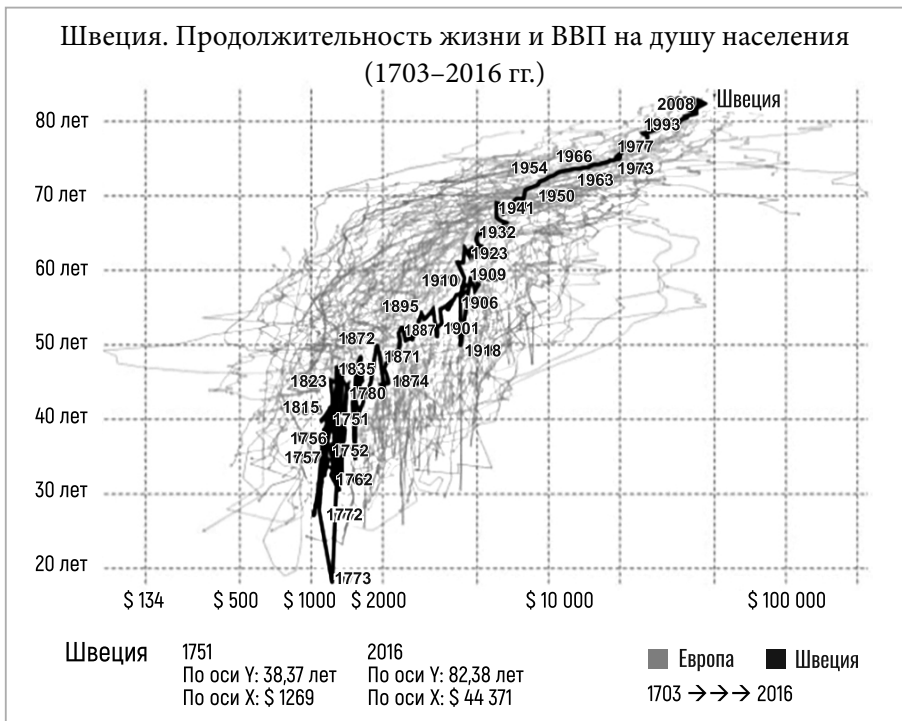
Объективно говоря, есть некоторые очень позитивные аспекты экономического развития. Например, посмотрим на индикаторы состояния здравоохранения.

ВВП и то, что нам важно

Источник: Clio-Infra & UN Population Division; Maddison Project Database (2018)

ВВП и то, что нам важно

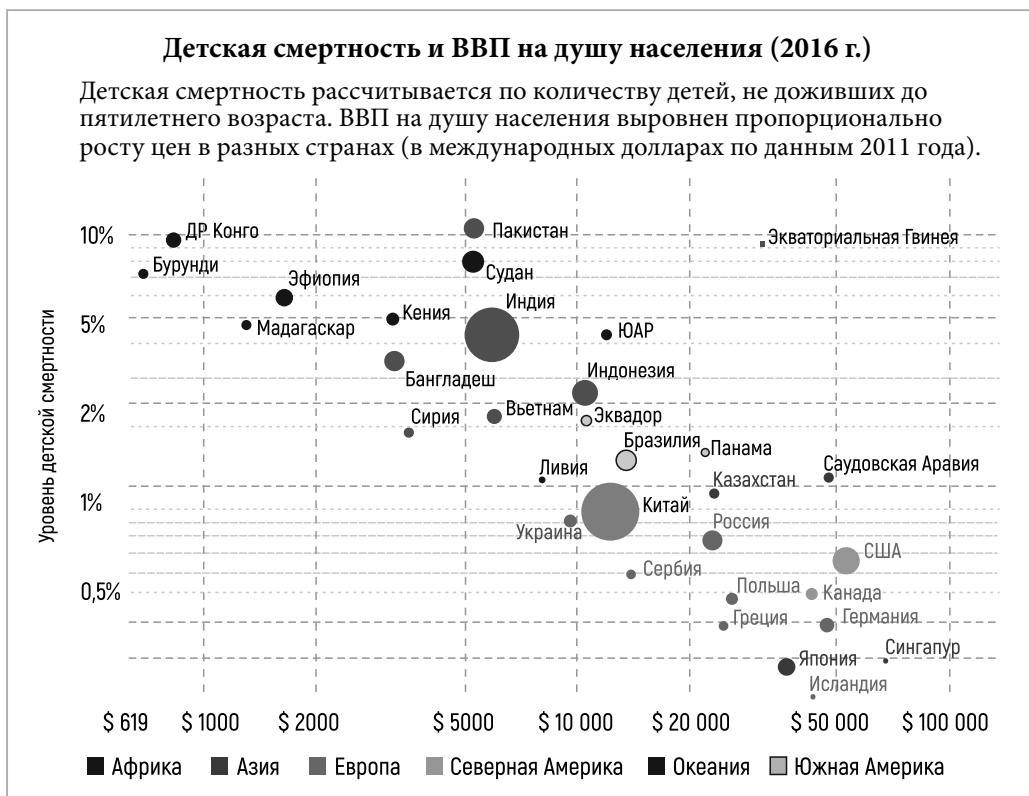
Источник: Clio-Infra & UN Population Division; Maddison Project Database (2018)

На слайде 4 хорошо видно, что продолжительность жизни выше там, где ВВП на душу населения больше. Но всегда нужно осторожно подходить к корреляциям, не надо заведомо видеть в корреляции одну-единственную причинно-следственную связь. На самом деле эта связь может быть другой. Например, может быть, люди живут долго не потому, что они богатые, а потому, что есть народы, склонные к долголетию, и поэтому они богатые? А вот пример Швеции (слайд 5).

Швеция с течением времени становится богатой страной, и именно по мере обогащения страны очень серьезно увеличивается показатель продолжительности жизни ее населения. Есть явная связь между этими двумя явлениями.

Слайд 6

ВВП и то, что нам важно

Источник: UN, Gapminder, Maddison Project

На слайде 6 видна связь детской смертности и ВВП. Чем страна богаче, тем там ниже детская смертность.

И еще один слайд:

Средняя продолжительность обучения и ВВП на душу населения (2017 г.)

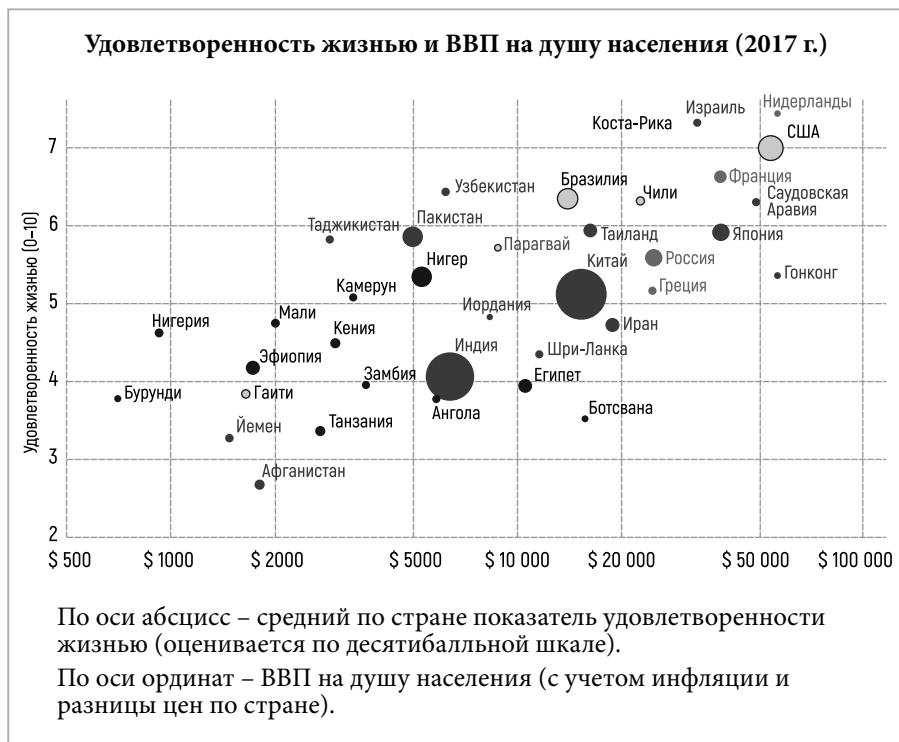
Источник: Lee-Lee (2016), Barro-Lee (2018) и UNDP, HDR (2018), World Bank

Есть среднее количество лет, затрачиваемое на получение образования. Большинство людей согласны с тем, что образование — это хорошо, что образование — нечто, безусловно, полезное. И что это также связано с ВВП на душу населения.

Однако моя мысль заключается в том, что ВВП и экономическое развитие не являются самоцелью. Наличие материальных ресурсов и экономического благосостояния (по крайней мере, в теории) позволяет улучшать жизнь общества как такового. И это не какой-то там «закон природы». Теоретически страна может считаться «очень богатой» даже в том случае, если все деньги принадлежат одному человеку, а все остальные пребывают в нищете. Теоретически, повторю, возможен и такой сценарий. Словом, прямой связи нет. Но за последние 200 лет экономическое развитие положительно отражалось на многих показателях благосостояния. Думая о будущем, важно это иметь в виду.

А вот слайд, на показателях которого мне хочется остановиться подробнее.

ВВП и ощущение счастья

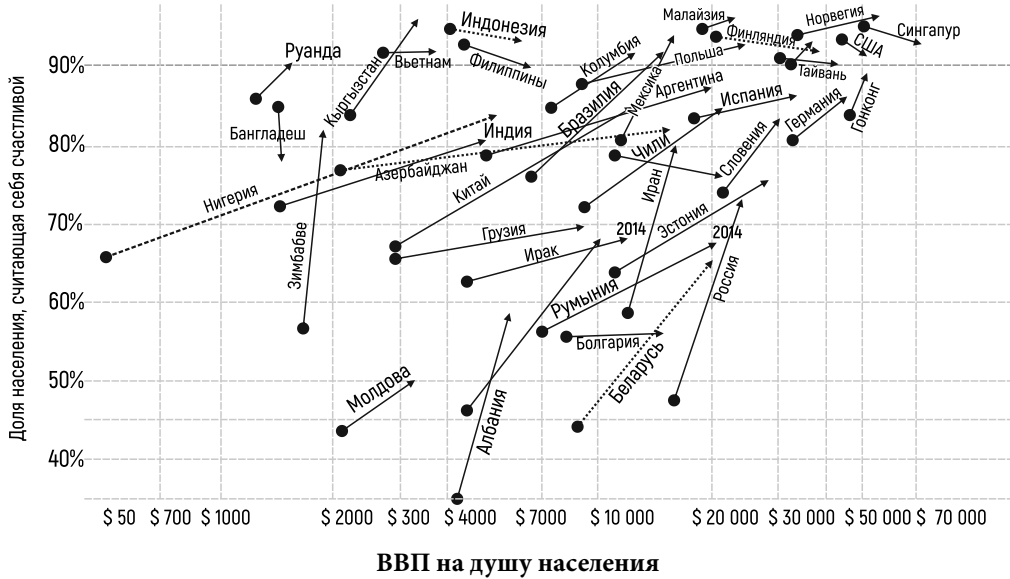
Источники: World Happiness Report (2019), World Bank

Я теперь часто участвую в дискуссиях, где речь идет о том, что экономическое развитие неустойчиво, поскольку оно вредит природе. Что со временем мы просто убьем сами себя, если будем продолжать в том же духе. Я с этим согласен и действительно считаю это проблемой. Но отказаться от экономического развития, как предлагают некоторые, значило бы вызвать катастрофические последствия, особенно в бедных странах. Думаю, важно попытаться разобраться, что именно в экономическом развитии полезно, понимая при этом, что есть пределы возможностей «терпения» окружающей среды и всей нашей планеты. Однако прекратить экономическое развитие и тем самым перестать загрязнять природу — это не выход.

Давайте отойдем от проблем и последствий экономического развития и сконцентрируемся на счастье. Как отвечают люди на вопрос, счастливы ли они и с чем связывают ощущение удовлетворенности жизнью? Оказывается, это тесно связано с экономическим благосостоянием страны. Может быть, здесь и нет прямой связи, но посмотрите на следующий слайд.

Ответы людей на вопрос об удовлетворенности жизнью и их доходы

Оценка собственного счастья в соотношении с доходами. По вертикальной оси – доля населения, считающая себя «очень счастливой» или «скорее счастливой». По горизонтальной – средний национальный доход. Каждая страна представлена линией, соединяющей первые и последние зафиксированные данные.

Источник: Self-reported happiness from the World Value Survey; GDP per capita from the Penn World Table

Оценка счастья прямо пропорциональна не только уровню, но и росту ВВП.

Вывод: не только уровень, но и рост ВВП на душу населения положительно коррелирует со счастьем. Люди в относительно благополучных с точки зрения экономики странах чаще всего ощущают себя более счастливыми. И во всех странах богатые люди, как правило, счастливее бедных.

Как «правильно» думать?

Мы уже убедились, что корреляция между хорошими социальными показателями и экономическим развитием в среднем положительная. Коротко говоря, экономическое развитие связано с положительными результатами, но его распределение также имеет значение! Далее речь пойдет о различном распределении денежных средств в разных регионах. Вот три утверждения, три альтернативы:

- Вполне возможно добиться «роста» положительных результатов в среднем, но при этом очень многие окажутся в числе отстающих.
- Кто-то наверняка скажет, что именно так часто происходит.
- Что мы знаем об этом и как мы должны думать об «отставании».

Давайте проведем небольшой эксперимент. Представьте себе, сколько денег у вас и сколько у других. Какой из вариантов вы выберете?

Мир, в котором денег:

1. У вас 25 000, у других 50 000?
2. У вас 24 000, у других 12 000?
3. У каждого по 12 000?

Есть ответ! 2-й?.. Почему вы выбрали 2-й вариант?

Голос из аудитории: Ну так функционирует общество, особенно в Украине. У нас даже есть пословица «Лучше, чтобы у соседа было меньше, чем у тебя больше». Говоря серьезно, эти деньги отражают и политическое влияние, и то, как функционирует общество. Если у кого-то больше денег, то со временем, наверное, этот человек станет еще богаче. Поэтому мой выбор отражает мое понимание социально-экономической динамики в мире.

Й. Роин: Очень интересно. То, что людей волнует, «сколько денег у других», свойственно не только людям в Украине. Для многих важно то, что есть у вас и как это можно сравнить с тем, что есть у других.

Кто-то выбрал другой вариант?..

Голос из аудитории: В 1-м варианте емкость рынка больше, и, соответственно, я смогу, если захочу, зарабатывать больше. Больше рынок — больше возможностей.

Й. Роин: Это верно. Оба варианта вполне себе возможны. Но задумаемся, в чем отличие представленных миров?

В 1-м варианте у вас больше всего в абсолютном выражении, но только половина того, что есть у других. Если вы заботитесь только о своем абсолютном уровне благосостояния, этот вариант лучше всего.

Во 2-м у вас в два раза больше, чем у других, но меньше, чем в 1-м мире. Если вы заботитесь о своем положении относительно других, этот вариант для вас лучше.

В 3-м у каждого меньше, чем в 1-м и во 2-м, но у всех одно и то же равное количество. Если вы предпочитаете равенство, вы, скорее всего, выберете именно этот вариант.

А кто-нибудь выбрал 3-й вариант?.. Между прочим, я заметил (это пока за рамками строго научного исследования), что среди моих студентов число тех, кто выбирает 3-й вариант, растет. Интересное явление. Те, кто предпочел 3-й вариант, думают, что «равенство хорошо само по себе». Другой аргумент: «12 000 — это хорошо. Потому что все начнут с одной исходной позиции. А тогда уже можно принять все остальное, мы все начнем с одного уровня. И это будет справедливое начало».

Есть и иная логика: «Если бы только у меня было 25 000, а у всех по 50 000, то, значит, у всех жизнь лучше и, следовательно, больше возможностей. Когда-нибудь и я получу часть этих возможностей».

Еще можно сказать так: «Мне не важны другие люди, меня волнуют только я и то, что я могу купить за свои деньги». В этом случае, если вам вообще неинтересны другие люди, можно тоже выбрать 1-й вариант, потому что 25 000 — это больше, чем 24 000.

А во втором варианте человек явно задумывается о своей позиции относительно других людей. В любом случае полезно подумать, какой из вариантов выбрать.

Но знаете, что еще важно? Неравенство важно само по себе во многих отношениях. Если мы о чем-то судим — о развитии, прогрессе, об обществе, — мы должны размышлять не только о каких-то средних показателях развития, но и о распространении развития в обществе. Вопрос этот непростой. Нельзя сказать, что вот это распределение идеально. Однако, как мне кажется, это хорошая отправная точка для того, чтобы сказать, что распределение благ в обществе существенно. А дальше уже можно спорить и обсуждать, как распределять, как стоит распределять, что надо сбалансировать, что поощрять, насколько это справедливо, насколько возможно и т.д.

Экономисты зачастую отбрасывали такого рода размышления, говорили, «это философский вопрос» или «это политический вопрос, нам это неинтересно». Мне же кажется, что неравенство влияет на развитие экономики — иногда через политику, иногда при выборе правильных возможностей. То есть явление неравенства надо обязательно обсуждать по ряду причин, включая и рыночные.

Как следует определять эти понятия?

Есть много рассуждений о том, каким должен быть «правильный способ» думать об этом. Например, 1-й вариант лучше, чем 2-й. 2-й лучше, чем 3-й. Можно и так, почему бы и нет?

Вы, может быть, слышали об итальянском экономисте и социологе Вильфредо Парето и его критериях роста общественного благосостояния. Согласно ему, движение в сторону оптимума возможно лишь при таком распределении ресурсов, которое увеличивает благосостояние по крайней мере одного человека, не нанося ущерба никому другому. По Парето, «всегда предпочтительнее ситуация, когда хотя бы один человек находится в лучшем положении».

Что здесь важно? Важно понять, что если мы сравниваем два общества (две ситуации в обществе или две какие-то позиции) и если в одной ситуации у каждого положение такое же, как у другого, то есть «никто не хуже», то именно это надо выбирать. Звучит вроде бы логично.

Но вернемся к нашей таблице выбора. Итак, какой мир и какие деньги вы бы предпочли:

1. У вас 25 000, у других 50 000?
2. У вас 24 000, у других 12 000?
3. У каждого по 12 000?

Представим, что вы взяли эти деньги, считая их единицей измерения благосостояния. Тогда, по критерию Парето, 1-й вариант, конечно, лучше, чем два других. Почему? Потому что 25 000 лучше, чем 24 000, а у всех остальных 50 000, и это лучше, чем 12 000. Но что-то здесь не так с логикой.

Дело в том, что нас не волнуют только абсолютные деньги. Нас волнует и относительное положение относительно других людей. Вполне возможно, что кто-то выберет 24 000, если только у него в этом случае больше, чем у остальных. И поэтому мы не можем делать выбор, руководствуясь лишь абсолютным количеством денег. И обычно мы на самом деле так не думаем. Однако есть много ситуаций, в которых политики, например, говорят, защищая тех, кто очень сильно разбогател: «А какая тебе разница, что они богатые, если от этого никто не обеднеет?»

Причин на самом деле много. Одна из них — люди, может быть, ощущают себя бедными, когда кто-то богатеет. Другая причина (и, возможно, она сложнее) — с течением времени наличие огромного богатства (больше, чем у других) может привести к ситуации, когда у вас в разы больше возможностей, чем у других, и поэтому в следующем периоде вы получите еще больше. Или: большие деньги делают вас более влиятельным в политике, вы можете менять правила в своих интересах, и тогда, опять же, со временем это приводит к неравенству.

Я хочу сказать, что существует много разных типов аргументов, хотя они, может быть, не до конца продуманы. А очень важно быть точным.

Но что мы подразумеваем под «бедностью»?

Важно различать *абсолютную* и *относительную* бедность.

Абсолютную можно описать с помощью вопроса: «Сколько людей находится ниже некоторого фиксированного (абсолютного) уровня?» Например, 1 доллар в день.

Относительную же можно описать с помощью вопроса: «Сколько из этих людей находится ниже общего уровня в обществе?» Например, сколько людей живет менее чем на 60% среднего дохода (определение бедности в Швеции и ЕС)?

Оба способа измерения имеют право на жизнь, и нельзя сказать, что один способ более «правилен», чем другой; это зависит от рассматриваемой ситуации.

Неравенство важно и по другим причинам. Поговорим о развитии неравенства и его связи с функционированием общества.

Неравенство — в чем, между кем и как его измерять?

В чем?.. Обычно в реальном доходе. Потому что доход важен для здоровья, благополучия, счастья и т.д.

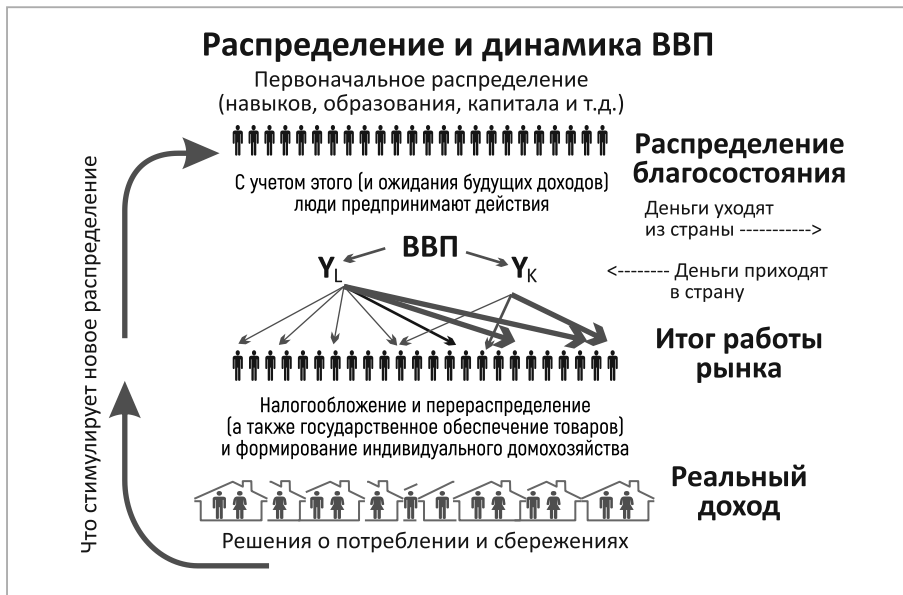
Неравенство между кем? Чаще всего между всеми людьми в обществе (с учетом бытовых обстоятельств, т.е. чистого дохода). Или между отдельными группами лиц, например, «все взрослые» или «все лица трудоспособного возраста». Или между мужчинами и женщинами и т.д.

Как измерить неравенство? Существует однозначный индекс — коэффициент Джини, статистический показатель степени расслоения общества данной страны или региона по какому-либо изучаемому признаку. Можно измерять и по доле дохода (доля дохода верхних 10% или нижних 50% и т.д.). Обычно это делается ежегодно с поправкой на паритет покупательной способности и т.п.

О неравенстве говорят в ситуации, когда легко сказать, что «вот это не равно этому». Но о каком неравенстве идет речь? Неравенстве чего? Чаще всего мы говорим о денежном неравенстве, то есть о неравенстве доходов.

Еще один аспект неравенства — между кем? Кого с кем мы сравниваем? Неравенство между молодыми или старыми, неравенство между разными этническими группами? Неравенство между мужчинами и женщинами? Есть огромное количество групп, из которых можно выбирать. Я обычно рассматриваю неравенство между людьми — беру всю популяцию и смотрю, сколько у людей денег, и тогда рассматриваю, как живут те, у которых денег много, и те, у которых их меньше. Все это можно измерять различными способами.

Слайд 10

Перед вами картина того, как функционирует экономика. Конечно, тут все упрощено. Те из вас, кто сталкивался с моделями экономического развития, узнают тут некоторые черты, которые используются во многих подобных моделях. Обычно экономисты рассматривают экономику как что-то, что состоит из двух или трех основных ингредиентов, — это люди и вещи, включая инфраструктуру, дороги, деньги, здания, патенты, финансовую систему. Все это называется «капиталом» в широком смысле. То есть в экономике есть рабочая сила и есть капитал. И иногда

еще отдельно упоминаются технологии. Это уровень сложности капитала, это то, как мы организуем функционирование своего общества. И на основании этих составляющих что-то происходит, люди используют те вещи, те материалы, которые у них есть, для того, чтобы выполнять что-то, что мы называем работой, когда что-то производится. Это создает экономическую ценность. А это, в свою очередь, приводит к тому, что мы в итоге измеряем, когда говорим о ВВП. И это представляет собой основу двух типов доходов в обществе: первый — это трудовой доход, а второй — доход на капитал. На слайде вы видите стрелки разной толщины, которые указывают на то, что одни люди зарабатывают больше, другие — меньше. И то же самое можно сказать в отношении дохода с капитала: у кого-то много капитала, и они на нем много зарабатывают.

Есть еще и другие уровни — налогообложение, перераспределение, формирование домохозяйств. И далее люди потребляют, экономят, откладывают, и все повторяется. Это основа большинства экономических моделей развития.

Слайд 11

На слайде 11 акцент делается на том, *какую часть* от всего дохода получает более богатая группа в обществе. К примеру, возьмем всех этих людей, разделим их в зависимости от дохода — с одной стороны, на тех, у кого доход меньше, с другой — у кого больше. И тогда мы можем сказать: 10% самых богатых людей вот здесь, и тогда мы видим, какую часть всего дохода получают 10% самых богатых людей.

Разные «бедные»

Кривые показывают средний показатель стран: Австралия, Дания, Германия, Япония, Новая Зеландия, Сингапур, Швейцария, Канада, Финляндия, Ирландия, Малайзия, Норвегия, Испания, Великобритания, Китай, Франция, Италия, Нидерланды, Португалия, Швеция, США

За последние 100 лет, с начала эпохи индустриализации, мы кое-что узнали о развитии ВВП. Данные этой диаграммы — реальные, им я посвятил немалую часть своих исследований. Базовая картинка свидетельствует о том, что 150 лет назад неравенство внутри стран было огромное, даже по сравнению с сегодняшним днем. Самые богатые зарабатывали гораздо больше, чем самые бедные. На протяжении XX века это неравенство сократилось, и сокращалось оно приблизительно до 80-х годов. А потом снова начало расти. Не везде, и не везде уж очень сильно, но в некоторых странах, например, в США, выросло значительно. В Европе — меньше. В Швеции рост неравенства очевиден, но это рост с очень низкого изначального уровня.

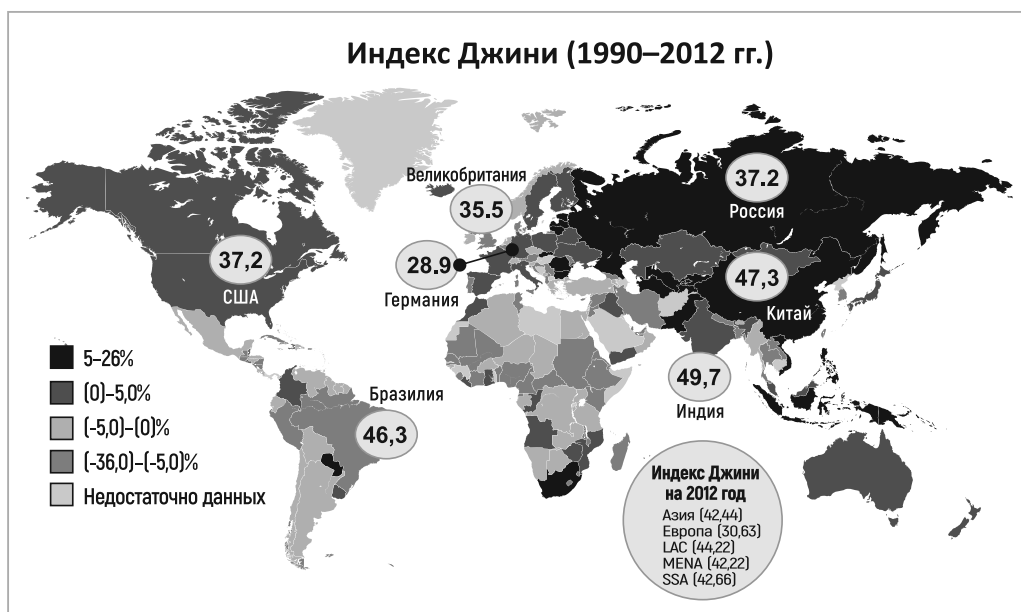
Есть два названия и две разные формы, которые предполагает эта диаграмма. В принципе, они сводятся к двум теориям. Одна из них в последние годы вызвала оживленные споры. Кто слышал про французского экономиста Тома Пикетти? Некоторое время назад он написал книгу, которая стала обсуждаться чрезвычайно активно и даже попала в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс». Что на самом деле крайне необычно — 800-страничная книга, посвященная развитию неравенства, вдруг становится бестселлером! Тома Пикетти стал очень влиятельной фигурой. В своей книге он, в частности, обращает внимание на то, что общество движется в сторону роста неравенства. Те, у кого много

капитала, зарабатывают все больше, больше и больше, и происходит *концентрация* капитала. Предполагается, что в будущем эта концентрация будет расти. Понятно, что этот процесс отбрасывает мир назад, в ту же ситуацию крайнего неравенства, что существовала еще до XX века. По Пикетти, неравенство во многих странах XX века графически выглядит как буква U, то есть какое-то время оно заметно сокращалось, а потом опять стало резко возрастать. И Пикетти задается вопросом: что с этим можно делать? Нынешняя тенденция противоречит прежним представлениям, например, Саймона Кузнецу, утверждавшего в 50-х годах, что динамика неравенства будет развиваться в обратном направлении. По Кузнецу, в ходе индустриализации неравенство росло, но затем сократилось.

Я полагаю, что в 50-х годах высокое неравенство и последующее его резкое сокращение объясняли продолжающимся развитием в странах. А Пикетти смотрит на мир уже с сегодняшних позиций. И мы сегодня говорим про неравенство в условиях роста неравенства и соответствующим образом к этой теме подходим.

Слайд 13

Рост неравенства внутри стран (хотя не во всех) с 1990 г.

Источники: Solt Database. База данных Солта, подсчеты МВФ

Примечание: LAC = Латинская Америка и Карибский регион; MENA = Ближний Восток и Северная Африка; SSA = Центральная и Западная Африка

1) Изменения индекса Джини отображены в процентах. Недостающие показатели взяты из наиболее недавних наблюдений

На этой карте страны помечены цветом. Красным и оранжевым те, где неравенство выросло с 90-х годов. Два региона, где неравенство сократилось, — Африка и Южная Америка. Но важно еще и видеть направление развития, то есть различать *уровень* развития и *направление*

развития. Когда мы говорим об уровне развития и задаем вопрос, где в мире самое высокое неравенство, оказывается, что это как раз Южная Америка. В Африке и Южной Америке неравенство понемножку начало сокращаться. По сравнению с тем, сколь большим оно было раньше.

А где равенство больше всего? В бывшем Советском Союзе, Китае, скандинавских странах. Это были общества, построенные на равенстве. Но именно в этих регионах стало нарастать неравенство.

Слайд 14

Глобальная конвергенция внутристранового неравенства

В большинстве стран, где неравенство выросло особенно заметно, прежде уровень равенства был выше среднего. Большинство стран, в которых неравенство снизилось, начинали с уровня неравенства выше среднего. В целом наблюдается тенденция к уменьшению неравенства.

Есть много интересных и сложных вопросов о том, как измерять неравенство в обществе, которое обществом с рыночной экономикой не является (такие как Советский Союз и Китай). Что в этих странах означает «неравенство», если там все распределяется, исходя не из рыночных отношений, не из денежных взаимоотношений? Говорить о неравенстве в таком случае сложно. Это вопрос очень важный. И наверняка у многих из вас есть интересные мысли на эту тему...

В плане равенства то, что мы видим на глобальном уровне, — это конвергенция внутри стран. Общая ее траектория такова:

Становление равенства в мире Распределение прироста реальных доходов с 1988 г.

Здесь другой вариант иллюстрации того, что произошло с глобальным распределением доходов за последние десятилетия. Создатели этой картинки представили себе, что стран нет вовсе и мы просто смотрим на мир как на единое сообщество людей, так, как если бы жили в одной стране. И смотрим, насколько бы выросли доходы для разных частей этого распределения. Мы видим, что для достаточно большой доли относительно бедного населения Земли (не самых бедных, а относительно бедных) доход вырос достаточно серьезно. Такова, к примеру, траектория развития Китая, Индии. Это страны, где люди раньше находились в самом низу всемирного распределения, но у них доход достаточно серьезно вырос в процентном выражении. Те люди, у которых был самый низкий уровень во всем мире, в *глобальном смысле* относительно богаты. То есть это люди, которые бедны в западных странах и США, — европейские бедняки, американские бедняки. Эти люди на диаграмме в самом низу (линии синего цвета). И их же в *глобальном смысле* можно отнести к самым зажиточным 25%. Это низкооплачиваемые кадры, например, в США, их доход не вырос. Но на самом вершине распределения доход вырос значительно. Таких людей много во всех странах мира, больше всего их в Европе и Америке. Здесь есть и новые миллиардеры, разные олигархи, которых тоже относят к этой группе.

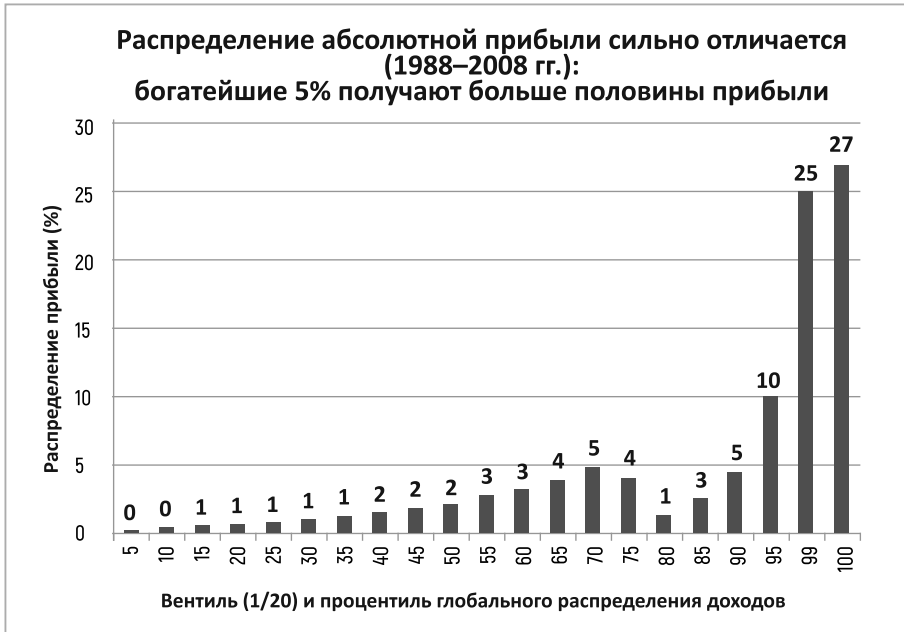
Я хочу подчеркнуть еще вот что. Глядя на эту картинку, часто говорят: «Смотрите, сейчас в мире гораздо больше равенства! Потому что у бедных самый высокий рост доходов». И еще проговаривают (не всегда открыто) нечто вроде: «Бедным на Западе нечего жаловаться! Радуйтесь

тому, что у вас *есть то, что есть!* Не будьте эгоистичными!» На самом деле это глупо по многим причинам.

Вот посмотрите на эту диаграмму. Та же самая схема, которую мы видели, но сейчас отражает распределение абсолютных денег.

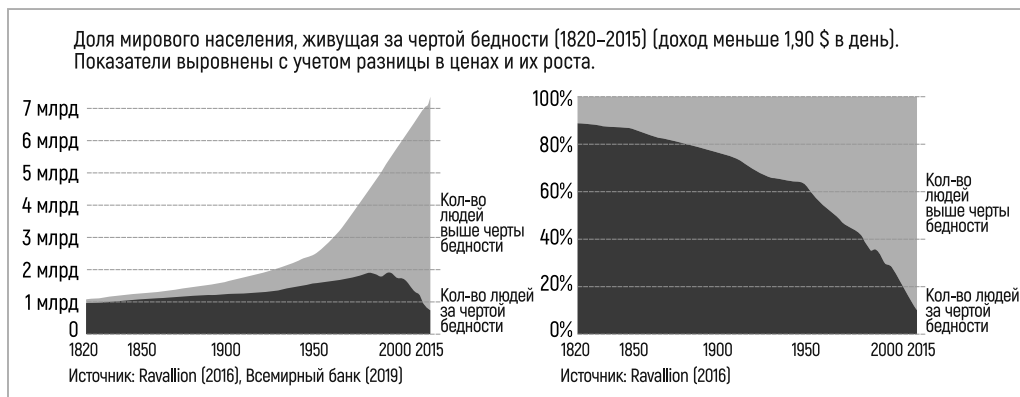
Слайд 16

Распределение абсолютной прибыли сильно отличается (1988–2008 гг.)

То есть можно представить себе, что все доходы, которые росли за последние 30 лет, разделили на 100 частей и распределили эту сотню среди населения всего мира. В этом случае все выглядит удивительно. Что произошло с теми, кто находился по схеме внизу распределения? Раньше, казалось бы, они так много получали. А произошло следующее: они начали с очень низкого уровня, например, зарабатывали меньше одного доллара в день (общепринятый порог абсолютной бедности). Но если начинаешь с одного доллара и получаешь дополнительно один доллар, получается прирост в 100%. В абсолютных деньгах этот прирост совершенно не впечатляющий. Я не говорю, что, дескать, плохо, если эти люди стали больше зарабатывать, — хорошо, конечно, получать вместо одного два доллара, но утверждать, что эта картина якобы свидетельствует о том, что преимуществами глобализации в первую очередь пользуются бедные, некорректно.

Численность и доля населения мира в показателях абсолютной бедности (1820–2015 гг.)

Судя по данным диаграммы, более половины всего прироста достается самым богатым людям!

В порядке предварительного заключения отметим следующее:

- За последние десятилетия абсолютная бедность снизилась во всем мире.

- Глобальное распределение доходов среди всех людей стало, скорее всего, более равномерным.

- В то же время в большинстве стран возросло неравенство (но не везде одинаково, есть различия внутри ОЭСР/ЕС).

Связаны ли эти тенденции? Да, возможно, но не в тривиальной форме. Вряд ли глобальные процессы дают простые ответы...

Так почему же нас все это волнует?

Вот несколько выдержек из доклада комиссии Центра американского прогресса (*Center for American Progress*) 2015 года.

«Некоторые причины очевидны; большинство из нас заботится о равенстве, справедливости и правосудии как таковом. Хотя есть и другие причины...»

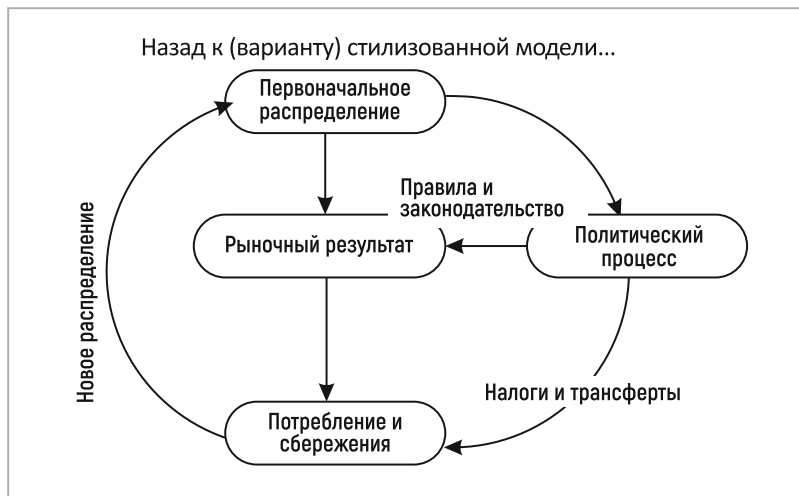
История говорит нам, что общества добиваются успеха, когда плоды роста распределяются между всеми. В самом деле, ни одно общество никогда не было успешным без большого процветающего среднего класса, который разделял бы идею прогресса...

Некоторые <...> страны, обеспечившие экономический рост, сделали это таким образом, что большинство их граждан остались не в лучшем положении. Это экономическая проблема, которая грозит стать проблемой для политических систем этих стран и для самой идеи демократии».

На мой взгляд, если мы думаем о прогрессе в обществе, нам нужно думать о распределении различных ресурсов. Явно и очевидно, что если

происходит развитие, благодаря которому мы становимся богаче, и это богатство достается только небольшому числу людей, многие будут недовольны таким развитием. Почему все должны радоваться прогрессу или тому, что люди называют «прогрессом», если они чувствуют, что этот прогресс на них не распространяется? Иначе говоря, независимо от того, что мы считаем прогрессом, мы должны по крайней мере работать за то, чтобы прогресс более или менее равномерно затрагивал пусть и не каждого, но по возможности большее число людей. Однако, во-первых, это не происходит автоматически, не распространится прогресс каким-то волшебным образом на все общество. А во-вторых, если имеет место *слишком* неравное распределение на протяжении *слишком* длительного времени, это приведет к очень негативным последствиям. С помощью стилизованной модели я проиллюстрирую эти положения.

Слайд 18

Как бы мы ни представляли себе начальную точку, понятно, что в каждой начальной точке у нас есть некий начальный уровень распределения. Есть разные ресурсы, есть разные уровни дохода, разное образование. Есть определенное распределение. И, исходя из этого распределения, люди могут предпринимать действия, что-то делать. Это я называю «исходом функционирования рынка». То есть люди думают: «Что я могу сделать с моими ресурсами? Вот у меня есть нечто, и что-то я с этим сделаю». И это приводит к какому-то рыночному результату, который в конечном счете позволяет мне что-то потреблять, что-то делать, инвестировать в образование или еще во что-то, открыть фирму. То есть создает изначальное распределение на следующий период.

Естественно, все, что происходит, происходит не в вакууме. Это происходит в обществе, где есть правила, законодательные рамки, которые влияют на то, что «можно», а что «нельзя» в широком смысле.

И не забудьте о политическом аспекте любого процесса

Если у людей есть большие начальные ресурсы, они могут оказывать очень серьезное влияние на политический процесс. Они могут принимать такие решения, которые соответствуют не интересам всего общества, а направлены на то, чтобы гарантировать защиту их личных интересов.

Я могу говорить на эту тему долго... Но остановлюсь, чтобы перейти к вопросам.

Будем живыми...

Евгений Беляев: Как вы можете прокомментировать столь фундаментальные различия в предпочтениях нашей аудитории по поводу выбора, например, третьего варианта ответа?..

Йеспер Роин: Может быть, стоит спросить у самой Ингеборг Брейнес, нашего эксперта, почему и она выбрала 3-й вариант? А что, вас это сильно удивило? Да, и я, впрочем, тоже удивлен, но, возможно, мое удивление связано с моими собственными предрассудками. Я уже говорил, что прежде очень мало людей выбирали 3-й вариант, однако с совсем недавнего времени мои студенты, в основном Стокгольмской школы экономики, неожиданно все больше склоняются к, скажем так, эгалитарным ценностям. Может быть, для тех, кто приехал из Восточной Европы, из

России, сама идея «мы будем бороться за равное общество» заключает в себе какой-то негативный оттенок.

Ингеборг Брейнес: Мне кажется, люди должны получить то, что им необходимо. И должны давать, исходя из того потенциала, который у них имеется. Меня ужасно злит неравенство сегодня, особенно неравенство, от которого страдают Юг и дети. Мы сегодня проводим линию между финансами и экономикой. И финансы становятся более важными, чем та работа, которую ты выполняешь. Очень много людей страдает. Например, женщины обладают двумя процентами всего, что есть в мире. Я думаю, мы должны слушать Пикетти. И, кстати, в Норвегии это различие, этот отрыв растет еще больше. 400 самых богатых людей Норвегии в этом году стали миллиардерами. А некоторые из них мультимиллиардерами. Той «зеленой» Норвегии, что я видела на вашем слайде, ее больше нет. А бедность, голод на Юге выросли в связи с пандемией до небес.

Юрий Сенокосов: Я хочу процитировать Джорджа Оруэлла. Это скорее философский ответ на вопрос. Он сказал: «Духовное наследие человечества передается дальше не потому, что вас кто-то услышал, а потому, что вы сами сохранили рассудок». Когда возникает ситуация, подобная той, в которой мы сейчас находимся и которую переживаем как «острокритическую», начинает звучать нечто подобное тому, о чем написал Оруэлл в «1984». Мы перестаем... не все из нас, но, в принципе, мир перестает понимать ситуацию, в которой он оказывается, трагическую ситуацию. Мы сегодня слышали в выступлении Ингеборг, как медленно вызревала идея мира и каким образом все это снова рухнуло. Поэтому когда человек отваживается об этом сказать, даже если не надеется быть услышанным, но сохраняет рассудок, а рассудок — это не нечто сверхъестественное, а то, что объединяет людей, когда они чувствуют, что они еще *живые*, то такой человек прав. Я бы так ответил на заданный вопрос — за рамками экономики.

Изабелла Наговица: Как в разных странах люди отвечали на подобные вопросы? Есть ли какие-то исследования на этот счет?

Йеспер Роин: Не думаю, что проводились такого рода сравнительные исследования, и уж точно не было таких исследований по проблеме неравенства. В разных странах задаются разные вопросы, и если бы мне нужно было обобщить известные мне результаты, я бы отметил, что в большинстве стран, вне зависимости от уровня неравенства в государстве, большинство опрошенных отвечают, что общество *слишком* неравно. В некоторых странах, особенно в странах с высоким уровнем неравенства, богатые не понимают, что они богаты, а бедные не понимают, насколько они бедны. Многие из тех, чьи доходы попадают в топ-10% или топ-5%, называют себя средним классом, то есть думают, что их

ниша где-то в середине распределения. Они не осознают, насколько относительно привилегированными являются. А те, кто располагается во второй половине распределения по доходам (по крайней мере, в Швеции), тоже считают себя средним классом, хотя на самом деле они бедны. Люди сравнивают себя с теми, кого они видят вокруг себя.

Вячеслав Косинеров: В вашей сегодняшней презентации большого материала не прозвучало слово «колониализм». Как вы считаете, какую роль он сыграл в формировании того мира, полного бедности и неравенства, который мы имеем на сегодняшний день, и существует ли он сейчас?

Йеспер Роин: Чтобы ответить на ваш вопрос, пришлось бы провести еще одну такую презентацию. Могу предложить два комментария на эту тему.

В определенных кругах популярно мнение, что Запад разбогател, украв необходимое у «глобального Юга», у колоний, и на этом история закончилась. Этот подход мне не близок. Мы не можем сказать, у кого было больше всего колоний, объяснить, почему богаты те, кто сегодня богат.

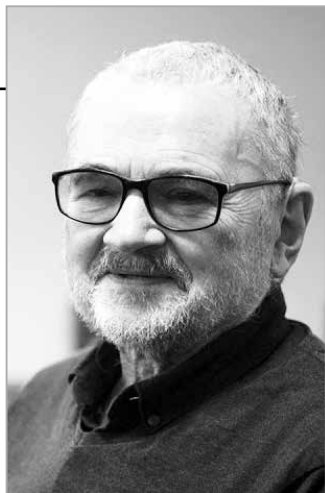
С другой стороны, многие люди, особенно экономисты, недостаточно оценивают важность колониализма и мало внимания обращают на этот фактор. Ведь природных ресурсов добывалось очень много, и это повлияло на экономическое развитие в богатых странах. Я уж не говорю о моральных аспектах колониализма.

Можно посмотреть на определенные аспекты институционального развития колониальных регионов. В литературе по экономической истории проводится разделение между такими колониями, где что-то просто добывалось, и там не было никаких поселений, никто там не жил, и колониями, где поселялись люди, создавали какие-то свои организации, институты. Но, опять же, есть разница между этими организациями или институтами. В некоторых странах, например, в Австралии, Новой Зеландии, США, Канаде, развитие шло в более инклюзивном, демократическом ключе. А, скажем, в Южной Америке институты больше обслуживали богатую элиту. Различия обычно были связаны с тем, какие именно ресурсы, какие ископаемые имелись в данной стране.

Что мы имеем на сегодня? Я думаю, это зависит от того, какого определения колониализма вы придерживаетесь. В частности, происходила ли при колонизации эксплуатация чего-либо? Но можно сказать определенно, что много компаний используют пробелы в законодательстве, связанном с добычей природных ресурсов, пробелы в трудовом законодательстве. Если мы включим этот факт в определение колониализма, колониализм действительно продолжается. Хотя уже не тот, что был в прошлом.

Утром 24 февраля 2022 года президент РФ В. В. Путин объявил о начале **спецоперации** по демилитаризации и денацификации Украины. Между тем синонимы русского слова «война» — борьба; столкновение; поход, кампания, нашествие, бомбардировка; кровопролитие — не оставляют никакого сомнения в том, что Россия продолжает в Украине настоящую войну.

Начинаем публикацию дневниковых заметок известного философа, живущего в Киеве, **Анатолия Ахутина** об этой войне. Они писались и пишутся, по его словам, в разные дни с разным настроением и представляют собой нечто вроде философского дневника.

Анатолий Ахутин,
философ, Киев

Война и интеллект

У нас в Украине война. Российские войска без объявления войны вторглись в Украину. Все в российской политике двулично, лукаво, шkodливо. Крым захватывали «зеленые человечки» неведомого происхождения, план «Новороссия» мимикрировал под «гражданскую войну», которую свободолюбивые народы, «донбасцы» и «луганцы», ведут против Украины, где власть захватили майдановские бандеровцы и нацисты. Вот и теперь война не объявлена, а города по всей Украине обстреливают ракетами, бомбят жилые кварталы, больницы и школы, уничтожают людей, оккупируют территории и бесчинствуют на них — в ходе «военной операции» без правил и сроков...

Я живу в Киеве. В нашем районе пока относительно тихо. Все дни и полночи смотрю картины бедствия, слушаю новости и ободряющие речи. И снова, и снова поверх всей боли, поверх возмущения российской ложью, граничащей с клиническим безумием, поверх разговоров постоянно в голове: о чем тут говорить?! Нет, никаких сложностей, никаких вопросов. Ясно как солнечный день: есть, безусловно, виноватые и, безусловно, не виноватые. Эта война черно-белая. Тут все просто. Это не по ту сторону добра и зла, а однозначно зло против добра. Зло во всей бесстыдной откровенности уничтожающего ничто, а добро во всей простоте добра, которое помещается в рюкзачок беженца. Девушка-беженка, прошедшая с большой собакой на плечах 17 км, и солдаты, обстреливающие

бегущих стариков, женщин, детей, насилующие, мародерствующие. Войска, не дающие провезти в Мариуполь воду, еду, лекарства...

А я сижу вот в тепле и сытости, читаю фейсбук, участвую в спорах друзей и коллег, пытаюсь прийти в сознание... Находясь в таком безответственном бытовом расположении среди войны, тем более чувствую ответственность. Участвовать в волонтерстве по разным причинам не могу, вот и остается только место ответчика перед войной-обвинителем.

В результате сложился некий текст вроде философского дневника. Это не статьи, не книга в проекте, это дневник, связанный одним сюжетом, но без плана и последовательного развертывания темы. Сюжет этот — интеллект как ответственность.

I

Удивительную силу сопротивления оказывают российские интеллектуалы, когда встает вопрос об ответственности граждан за войну, связанную их «городом-государством». Казалось бы, интеллект и есть то в человеческом существе, что усложняет его существование ответственностью. Но прах «интеллигенции» вместе с ее гражданственностью, общественностью и прочей публицистикой мы давно стряхнули, и каждый занялся интеллектуальным трудом. Общество разошлось по традиционным конфессиям и интеллектуальным профессиям, оставило место общественного самосознания пустым. Власть с благодарностью заняла это место, разместила там оружие массового поражения сознания пропагандой и время от времени приглашает интеллектуалов к соучастию.

Выражение «прийти в себя» на русском синонимично выражению «прийти в сознание». Это что значит? Да просто: ты в себе, когда не в беспамятной захваченности, не слит самозабвенно с обстоятельствами, а отстранен от них, находишься (находишь себя) в отношении к ним, в ответе за них и за себя в них. Обычно мы живем бессознательно (как и все вокруг). Работы, заботы, страсти, отдыхи... — привычное дело. Но вот вдруг обычный ход дел прерывается, обстоятельства озадачивают. Бывает, что человек не злится на помехи, а озадачивается. Бывает, что человек останавливается в этой озадаченности и задумывается. Вот тут-то он — человек — и приходит в себя. Иногда — впервые. Приходит и удивляется: что происходит? Где ж он был до сих пор? Вроде бы кругом привычные занятия, занимающие все время, — лекции, симпозиумы, конференции, дедлайны... — а ты вдруг смотришь на все, как Толстой на оперу.

Человек приходит (вынужден прийти) в себя, когда привычный мирный мир вдруг взрывается войной. Твой мир твоей войной. И первая реакция: это не моя война! Но война не стихийное бедствие и не ведомственное предприятие, это событие политическое, полисное, коллективное. Она на деле вовлекает весь «полис» твоего привычного мира в

войну. Она вбрасывает каждого, кто мирно сжился со своим миром... нет, не обязательно в окопы, а в самого себя, приводит в себя (= в сознание) и ставит человека — со всеми его верами, убеждениями, занятиями, привычками — под вопрос. Вопрос не «кто победит?», а «что под угрозой?», «о чем идет дело?», «чем мы тут занимаемся?». Надо отвечать. Надо отвечать, но интеллект наш занят нашими занятиями, профессиональными вопросами, он не учен ответственности за наш мир, поставленный под вопрос войной. Для профессионального интеллекта война — помеха, и все. Войну ведут они, а не мы против кого-то там, зачем-то, не наше дело.

Между тем событие войны дает нам шанс прийти в сознание, в себя. Война не стихийное бедствие, не несчастный случай, а внезапное обнажение «удела человеческого»: человек — существо, мыслящее не потому, что одарено какой-то рациональной способностью, а потому, что это существо-под-вопросом, обитающее в мире-под-вопросом. Странное, отстраняющее от захватывающей жизни и ее увлекательных дел бытие под вопросом — таково собственное (!) место человека в странном событии бытия. Обживание этого странного — неуместного — места и называется собственно мышлением, экзистенциальной энергией интеллекта.

И вот ведь что удивительно: те самые люди, кто связал свою судьбу с интеллектуальной деятельностью, занимают глухую оборону, когда событие войны (причем войны, в свою очередь, необычной, здесь и сейчас — мы видим и увидим еще — речь идет не о территориях и завоеваниях, а об агрессии на само существо человечности) требует ответа от них, от профессиональных интеллектуалов.

Весь мир затаив дыхание ждет твоего ответа, решения, а ты бормочешь: это не я, это воля непросвещенного народа, это происки политиков, это вон тот, который узурпировал, оккупировал...

И вот урок. Интеллект, насколько он специализируется в своих профессиональных ячейках, насколько встраивается в научную индустрию, в машину по производству диссертаций, научных трудов, международных конференций, отказывается исполнять свой основной долг: держать ответ за себя, за человека как виновника и соучастника исторических событий. Интеллект отчуждает от себя эту работу, передает ее философствующей публицистике, политической журналистике и пропагандистскому мифотворчеству. Предательство интеллектуалов не в релятивизации истины (аналитика начал как раз входит в суть интеллекта), а в отстранении от экзистенциально-политической ответственности. Отложенная ответственность легко узурпируется первым попавшимся демагогом. Он властвует и действует той самой силой, которую профессионалы оставили за дверьми своих кабинетов, чтобы не мешала. Они поэтому несут прямую ответственность за действия своих политиков.

II

*Чем была матушка филология и чем стала! Была
вся кровь, вся нетерпимость, а стала пся крив,
стала — всетерпимость...*

О. Мандельштам

Когда хлеб исчезает, на прилавке остается ценник. Так появляются «ценности»: здесь что-то было, что именно — мы забыли, но что-то ценное. Вот стоит церковь. Там кто-то жил. Кто — забыли, но помним, что-то сакральное, священное (что это такое, можно справиться у Рудольфа Отто, он написал об этом книгу, книгу перевели на русский, можно заняться) — словом, ценное. Вот лежит книга, там что-то важное сказано, но что — мы забыли, помним только, ценное, поэтому издадим большим тиражом полное собрание сочинений с комментариями.

Так существует теперь «Великая русская культура». Она жила, билась, страдала, пела, голосила пропаганду, несла околесицу, молвила пророчества, спивалась, умирала — теперь на ее месте только эмблема ВРК, портреты в классе, набор юбилейных дат, несколько имен, строчек, напевов, которыми перекликаются (перемигиваются) ее владельцы. И чем крупнее и ярче буквы на этом ценнике, чем жирнее позолота на картонке, тем более гулко отзывается пустота на прилавке. Там что-то было, но что — мы забыли...

Ах нет, как же мы забыли, когда всю жизнь посвятили ее изучению. Мы издали комментированные ПСС, более ста толстых томов «Литнаследства», мы были пушкинистами, цветаево- и мандельштамоведами, археологами их родословных, социологами их быта, начитанными знатоками интертекстов, математическими филологами. Мы написали библиотеку исследований и диссертаций. Написали портреты, отлили медали, построили храм. Там кто-то жил...

Нет, в этом храме никто никогда не жил.

Он построен нами из «звуков сладких», изученных дотла, и «молитв» для наших наслаждений. На берегах пустынных волн, в широкошумных дубровах, вдали от «житейского волнения», в обителях наших трудов и чистых нег мы перебирали листы дорогих первоизданий, но смотрели на них, «как души смотрят с высоты на ими брошенное тело», мы считали слоги, мы писали свои ЖЗЛы, энциклопедии, анализы и «Всемирные литературы». «Наш уголок я убрала цветами...», портретами, цитатами из даром доставшегося добра. За окнами, правда, бывало шумно и тревожно (как вот сейчас), но каждый должен делать свое дело, оберегать свою душу от пены ненависти на губах и быть уверенным в том, что большое Добро как-нибудь само собой непременно победит зло, стоит только подождать.

Правда, поэты, писатели, мыслители — герои наших исследований — в минуты роковые (а в истории все минуты роковые) бессмертные пили

не из исследований и юбилейных собраний. Они на славу и добро не надеялись и от мятежей и казней не отмахивались. Там, в изучаемом «предмете», стоит операционный стол и шестикрылые хирурги-серафимы вершат свою операцию по пробуждению человека в себя.

«Слово о полку», «Борис Годунов», «Медный всадник», «Возмездие», «Двенадцать», «Поэма без героя», «Век мой, зверь мой», «Чевенгур», «Доктор Живаго»... — тоже своего рода исследования. Но мир, которым захвачено внимание и который сказывается в «сладких звуках», парадоксально оказывается совсем не сладким. Здесь Обида поднимается от курганов, совесть тяжкая карает. «Ужо тебе, строитель чудотворный!» — восклицает человек из-под имперских копыт. Здесь «стоит над миром столб огня» и «ветер-ветер на всем белом свете», «как пред казнью бил барабан» приближающегося XX века, и позвонки его сломанного хребта можно склеить только своей кровью, а люди «кругом и навсегда огорченные», здесь и сейчас «колеблется земли уклад: они хоронят Бога»...

«Понять» тут плотно сплетено с «быть». Это понимание участное, понимание интеллектом как органом, собирающим все существо человека в восприятие происходящего. Восприятие происходящего, принятие в себя, чтобы дать разразиться в себе — в мысли, чувстве, слове... — и собрать, схватить, поймать в смысл. (Ах, если бы ницшевская «музыка» не сбивала слух Блока в пушкинской речи!)

Чтобы роковое историческое событие не только разразилось, но и сказалось, могло осмыслиться, чтобы его откровение не прошло впустую перед нашей слепотой и глухотой, глаза, уши, сердце, душа, ум и все, чем там только ни снабжен человек к восприятию и понимающему вниманию, должны быть отверсты: глаза беспощадно раскрыты, празднословный язык разных «ведений» вырван и уголь, пылающий огнем, водвинут в понимающее средоточие.

Есть интеллектуалы, чья совесть сегодня взволнованна. Они спрашивают ее: «От меня чего ты хочешь?» Мне, больному, слабому и нерешительному очкарику, идти на площадь, где тебя через секунду заберут? Писать бесполезные петиции или, наоборот, мужественно не писать и не подписывать верноподданнические челобитные? Рвать последние волосы в покаянии?

Но почему бы в разговоре с совестью не прислушаться к своему профессионально развитому органу — интеллекту? Почему бы не призвать к ответу то самое, чем ты искусно владеешь, — интеллект? Только на время отвлечь его от профессионального занятия и занять тем, что происходит. Использовать его не для инфантильных отнекиваний и не для того, чтобы предъявлять свое алиби теоретика, наблюдающего со стороны, а по сути идущего дела, в котором ты так или иначе — соучастник. Воспринять, принять в себя роковую минуту истории во всей ее требовательной вопросительности, принять и попытаться дать ответ. Себе, нам, всем — как и положено ответственному и общезначимому интеллекту.

III

Сегодня в Киеве затишье. Позволю себе отвлечься еще дальше.

В предыдущем фрагменте нетрудно было распознать тему заметки М. Бахтина «Искусство и ответственность». Красота, в которую ходят, чтобы отдохнуть, эстетически насладиться и отмыться вечностью от грязи времени, красота, которая оставляет жизнь безобразной и пошлой, сама становится пошлой чертой опошленной ею жизни. Не случайно жрец Аполлона меж людей ничтожных мира всех ничтожней. «Искусство и жизнь не одно, — заключает Бахтин свою заметку, — но должны стать во мне единым, в единстве моей ответственности».

Но ведь то же самое можно сказать и о науке. Тем более что она своими открытиями, изобретениями и всей современной техникой не только прямо вторгается в жизнь, но и занимается ею, организует, направляет. Ответственность за это энергичное и преобразующее вторжение должна быть очевидной. Сегодняшняя «Критика практического разума» должна бы изменить смысл «практического» на «научно-технический» и поставить на место «ноуменальной свободы» могущество знающего и умеющего. Роберт Юнг в «Ярче тысячи солнц» рассказывает, что Энрико Ферми, участвуя в подготовке испытания первого атомного взрыва в Аламогордо 16 июля 1945 года, будто бы говорил коллегам: «Не надоедайте мне со своими угрызениями совести. В конце концов, это — превосходная физика (*the thing's superb physics*)». Правда, при виде выращенного с его участием гриба ужаснулся. Так что науко-техническая практика все же не вытесняет кантовскую практику ответственной свободы и самосознания человека — практику этической вменяемости. Кнопки и курки нажимают люди, все прочее сделает физика. Современная война — это война машин, ракет, бомб, беспилотных камикадзе... Но с двух сторон эта физика вписывается в этику, встраивается в человека: человек нажимает кнопку, и масса людей — отнюдь не солдат — гибнет. Впрочем, говорят, что ненадежную, субъективную, обремененную моралью мысль несовершенного человека со временем можно будет заменить интеллектом искусственным, сразу мыслящим объективно. Человек со своим совестливым сознанием отодвигается в дальние закоулки Машины и освобождается от ответственности за то, что делает Машина с людьми на другом ее конце. *Nothing personal!*

Мы вспомнили Канта. А ведь его «критики» могут служить симптомом, может быть, даже диагнозом переживаемого «кризиса». 7 мая 1935 г. Э. Гуссерль прочитал в Вене доклад под названием «Кризис европейского человечества и философия». Речь шла о странном субъекте: «европейском человечестве» или «европейской культуре». Потом в книге речь пойдет о «европейской науке», видимо, средоточии кризиса культуры. Ответ философии, то есть воли к интеллектуальной ответственности человека за свое бытие, Гуссерль видел в своей феноменологии. Как бы

Шандор Чудаи (Sandor Csudai). Война на улицах Киева, февраль 2022

там ни было, но именно философию Гуссерль понял (по-платоновски припомнил) как мышление в ответственности, как мысль, отвечающую в кризисе, на суде (с которого ведь, как мы знаем, все и начиналось). Так в чем же суть кризиса, в который попало европейское человечество?

У Канта три критики... Философия на пути к построению своей разумной метафизики (универсального ответа) критически различает три различных сферы, три способа «применить разум»: чистый разум теории, который строит и изучает мир как мир природы — всеобщей, объективной необходимости; практический разум этики, который свойствен существам разумно решающим, вменяемым, ответственным, — мир свободы, и еще одну сферу, столь же априорно первоначальную, — способность суждения, для которой нет теории и нет нравственного долга. Эта способность, взятая отдельно, конституирует эстетику как самостоятельную сферу культуры, но также еще и сферу телеологического мышления, мышления в модусе «как если бы».

Не пугайтесь, я не собираюсь здесь входить в бесконечные подробности и тонкости (хотя там-то вся суть дела). Показательно (как симптом) это разделение в началах, корнях разума. Есть мир, представленный в теоретической экспериментально-математической науке со своим априорным схематизмом, обеспечивающим всеобщность и необходимость ее суждений. Есть иной мир: мир практического разума человека — сомневающегося, размышляющего, выбирающего, решающего — сфера морального долженствования, базирующаяся ровно на том, что логически не может попасть в сферу теоретического разума: автономия свободной причинности и нравственно-правовые законы этой автономии. Наконец, еще третий мир: способность свободных эстетических суждений, суждений вкуса, — не необходимых, как в науке, не категорических, как в этике. Это тонкие суждения собеседников в салонах, на вернисажах, за столом... Незаинтересованное, необязательное удовольствие от игры изысканных вкусовых рефлексий.

Итак, перед нами наука, озабоченная доказуемыми истинами и объективными законами, но этически безответственная, хотя, возможно, со своей внутренней этикой (правила дискуссий, долг доказательств) и эстетикой (красивая теория, изящный вывод...). Затем эстетика, свободная как от истины, так и от морали. Своеобразный этический лозунг этой эстетики: «Мир может быть оправдан только эстетически», как *Gesamtkunstwerk*. Ну и отдельно этика, которая не следует ни из природы с ее законами, ни из красоты, терпящей любое зло, лишь бы вписывалось в картину или разрешалось в результирующей гармонии.

Но ведь есть не только те сферы, которые критически различает Кант, а сам Кант, его разум, различающий разные разумы: чистый (теория), практический (этика) и эстетически судящий (искусство). Как относится критик к неизбежному кризису такого раскола? В пределах какого разума происходит этот раскол на Истину со своей Красотой, но вне Добра, Красоту вне Истины и Добра, Добро вне Истины и Красоты? Может быть, это ошибка Канта и стоит вспомнить древний идеал цельного знания, где истина, добро и красота — одно?

10–16 апреля 2022 г.

*Александр Фукс,
журналист, писатель,
г. Петрозаводск*

«Города центра и запада Украины будут разрушены...»

Напоролся на телеграм-канал некоего Сладкова. Отставной старлей, пять лет служил в армии, тридцать лет работает военным журналистом, был во всех горячих точках. Видно, что любит это дело. Сейчас ходит по Донбассу, снимает разруху, беседует с пленными и каждый день выкладывает в телеграм свои размышления. Такой как бы истинный патриот России. Военная косточка. Настоящий мужчина.

Не помню уже, как меня угораздило угодить на его канал. Прошел по какой-то ссылке, открыл и оторопел. Сладков показывал Мариуполь. Уничтоженный город. Руины. Обломки домов, в которых до прихода российских денацификаторов жили обычные мирные люди. Такие же, как мы с вами. Такие как его мама или жена. Не захватчики, не оккупанты и не эсэсовцы, а просто родители и дети. И вот он снимает это варварское истребление города, а внизу размещает пост, где спрашивает, нужно ли показывать такое миру. Спрашивает и сам же отвечает, что да, нужно. Пусть, пишет, смотрят в Киеве и во Львове, в Черкассах и Полтаве, Тернополе и Черновцах. Потому что «если город не сдастся, его уничтожают».

Этот настоящий мужчина не рассказывал, что украинцы бомбят себя сами. Нет. Он прямо, просто, по-военному признает, что это делаем мы. «Города центра и запада Украины будут разрушены, если сопротивление российским войскам случится, — сообщает истинный патриот России. — В общем, мы принесем им Русский мир».

Мой папа родился в двух минутах ходьбы от Одесского оперного театра. Он часто вспоминал, как в детстве ходил туда на все спектакли. В каждый наш приезд в Одессу мы обязательно навещали папин

бывший двор на Дерibasовской, потом заворачивали за угол и любовались театром. Мы ходили к Дюку Ришелье, гуляли по бульвару, спускались по Потемкинской лестнице. Любимые улицы Ильфа и Петрова, Бабеля и Утесова, Багрицкого и Жванецкого, скверы, где бродил Пушкин... Я так понимаю, если одесситы не захотят сдаться, Русский мир все это уничтожит?

Россия готова разбомбить Львов и Черновцы с их уникальной архитектурой? Готова, если верить решительному военкору Сладкову, стереть с лица земли Киев? Софийский собор, Андреевский спуск, Крещатик — их ждет судьба Мариуполя? Ну да, чуть не забыл: если города не сдаются, их уничтожают. Фашисты не смогли, а Россия сможет. Потому что мы не фашисты.

«Мы, когда захотели, пришли, когда захотели, ушли, — гордо сообщил бывший старлей Сладков. — И вернемся именно тогда, когда захотим». Это он о территории другой страны. Не «кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет», а, вообще, наоборот. Сами с мечом придем. Сами убьем. И это пишет человек, выросший в стране, которая клялась, что ненавидит любую агрессию.

Я стал листать его канал. В одном из следующих постов он недоумевал, почему мы цацкаемся с врагами. «Мы воюем, чтобы победить, или специально оперируем, чтобы, лавируя среди мирных объектов и гражданских жителей, найти оружие и нацистов? Мля... Моя мысль: бить надо до нокаута». А в следующем тексте он хотел найти того гада, который убедил президента России вместо нормальной войны начать спецоперацию. Мариуполь, Харьков, Ирпень, Сумы, Днепр, Луцк, Бородянка — это все лавирование среди мирных жителей в поисках нацистов и оружия. Сладкову хочется большего.

И ладно бы это был один такой герой. Ну бывает. Не наигрался человек в детстве в войну. Или, наоборот, так долго играл, что навсегда остался в черно-белом мире эльфов и орков. Можно было бы не обращать на него внимания. Но ведь он не один. С центральных каналов важные, наделенные властью мужчины в пиджаках кричат о необходимости «вдарить по-настоящему». Режиссер Бортко кричит, что украицисты перешли точку невозврата и мы должны отомстить за наш утонувший крейсер. Причем официально крейсер вроде утонул сам. Флагман Черноморского флота. Сам. Но мы должны отомстить. Кому? Нептуну? Нет. Украине!

Эсер Миронов, бывший геолог и исполнитель добрых подкостерных песен, требует бомбить мозговой центр нацизма, чтобы убить Зеленского. Маленький и некогда безобидный любитель бадминтона, президентозаменитель Медведев тоже вдруг возжелал крови и лютует в телеге не по-детски. РИА «Новости» публикует статью о необходимости деукраинизации Украины, потому что, по мнению автора, национальное

Луис Квинтеро (Luis Quintero). Цепь. 2005

самосознание неизбежно приводит украинцев к нацизму. Русских не приводит. Даже, наоборот, добавляет духовности и доброты. А украинцев надо растворить как нацию в добром Русском мире.

А что творится в соцсетях! Милые домохозяйки, дожарив оладушки, бегут к компьютерам, чтобы бить по клавишам, вымещая на них свою ненависть к «нацикам» и «фашистам». Откуда? Откуда столько злобы? Я бы понял, если бы напали на нас. Если бы наши дома разрушали ракетами и по нашим дорогам ездили танки. Если бы разоряли наши города и убивали наших детей. Тогда такую озлобленность можно было бы понять. Но ведь мы ударили первыми.

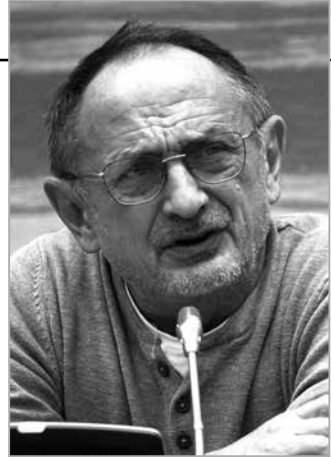
Мужчина в телевизоре рассказал телезрителям о причинах, и телезрители охотно и безоговорочно ему поверили. Никто из них не испытывал украинского «нацизма» на себе. Никто не видел вживую пресловутых необандеровцев. Ни над кем не пролетали знаменитые отравленные птицы. Никто не видел в окошко продвигающееся на восток НАТО. И Байден ночью не кусал никого за пятки. Все эти чудовища впрыгнули в головы российского обывателя прямиком из черного ящика.

И этого оказалось достаточно.

17 апреля 2022 г.

О политическом конфликте*

В последнее время я часто думаю, что мы как политологи уже все что можно написали про те политические режимы, с которыми имеем дело. Они исследованы вдоль и поперек, все диагнозы поставлены. Вопрос теперь переносится целиком в область политической философии. Ибо только с позиции политической философии можно ответить на вопросы, почему, какими силами, в какой исторической перспективе, на основании каких универсальных принципов сменится нынешний режим. Политическая философия позволяет отрефлексировать основные базовые понятия, на которых стоит политический мир.

Александр Морозов,
журналист, политолог

Вражда — отец всего?

Политический конфликт — базовое понятие политической философии. С одной стороны, как и все базовые понятия, он совершенно прозрачен, очевиден, явлен каждому, но именно поэтому он требует некоторого *разматывания*, концептуального разматывания. Из-за своей очевидности.

Что такое политический конфликт? Очень коротко намечу весь его исторический контекст. Начать надо вот отсюда.

Несомненно, самые ранние письменные источники, которыми мы располагаем и которые описывают какую-либо политическую жизнь, борьбу за власть или борьбу за ресурсы, опираются на идею *мира*, на идею отсутствия конфликта. Для любых общин не было ничего более ценного, чем сохранение какого-либо мира и единства, особенно во времена, когда насилие было непрерывным и борьба за ресурсы шла между племенами.

Поэтому совершенно радикально прозвучал один из знаменитых фрагментов из сочинения Гераклита. (Мысли Гераклита, как известно, легли в основание европейской мысли как самый ранний и яркий ее пример.)

* Статья подготовлена по тексту выступления на семинаре в Варшаве 7 ноября 2021 г.

У него есть 80-й фрагмент, который звучит примерно так: «Вражда — отец всего». В течение примерно 15 столетий с этим тезисом никто не мог примириться. Он звучал неимоверно радикально. При том, что сохранилась римская литература, которая вся была наполнена описаниями раздоров, разладов, мятежей, заговоров, все они квалифицировались как нечто негативное. Как то, что должно быть как можно быстрее преодолено. Как то, что должно быть вытеснено. И, разумеется, сам конфликт, его ход и его последствия должны были как можно скорее вытесниться из коллективной памяти. Чтобы можно было жить дальше. Таким образом, конфликт был (с точки зрения мышления об этом, рефлексии) маргинализован, вытеснен.

Вслед за распадом из-за трагических конфликтов Рима и осмыслением этого распада пришла христианская традиция. Примерно между 500-м и 1500-м годами — то есть до Макиавелли еще целое тысячелетие! — доминирующая мысль внутри теологии и даже внутри светского мышления того времени сводилась к следующему: ни в коем случае не допускать разделения! Самый страшный, смертный грех — это разделение, распад... Обосновывалось это в первую очередь с опорой на Священное Писание. И сама церковь как главный источник мысли того времени стояла на том, что разделение — самое страшное из всего, что может произойти; оно чревато расколом. Тем самым церковь владела серьезным инструментарием для борьбы с конфликтом.

Разумеется, все это время происходили конфликты, имело место насилие, борьба. Но я сейчас веду речь не о самой *истории*, а о том, как она интерпретировалась и как мысль боролась с этим. То есть речь о дискурсах, о политическом языке.

Метафора, пережившая века

Когда Макиавелли стал описывать возникшую во Флорентийской республике ситуацию, его практики и рекомендации для республики и для итальянских князей времен XVI века прозвучали совершенно революционно. Настолько революционно, что на протяжении примерно следующих двух столетий Макиавелли квалифицировали как человека аморального, как некое жуткое исключение из европейской мысли того времени. Было написано множество трактатов с целью опровергнуть ход его мысли.

А мысль его, формулируя кратко, заключалась в следующем: правитель не может полностью соответствовать концепции добродетели, потому что он имеет дело с людьми, а те *сами* не являются добродетельными и часто являются *злонамеренными*.

Макиавелли, как сейчас уже принято считать, вовсе не был проводником политического аморализма, отнюдь нет! Он сохранял представление о морали. Но считал, что правитель должен следовать не

Якопо Пальма Младший. Аллегория войны Камбрейской лиги – Венецианско-папский союз. 1590

добродетели как таковой, а *доблести*, то есть *virtue* — важному понятию этой философии. Доблесть предполагает, что правитель, как писал Макиавелли, действует «иногда как лев, а иногда как лисица». Эта метафора льва и лисицы дожила до сегодняшнего дня. На нее часто ссылаются и в наше время.

Есть второй, короткий и важный, сюжет, связанный с конфликтом. Известно, что Аристотель опирался на определенную модель власти. Модель очень простая. Аристотель считал, что существует три приемлемые формы правления. В центре — монархия, олигархия и демократия, они для него располагались как бы на одной линии.

Монархия — понятно: это когда правит один. Такое было уже в античности. Человек может править долго, бесконечно долго, и он может править хорошо, достойно.

Точно так же при олигархии. При олигархии правит группа аристократии, которая может менять своего лидера. Это в какой-то степени похоже, может быть, на Рим эпохи консулов, когда Сенат, избранный из патрициев, правил и менял консулов.

И, наконец, демократия. Демократия — это когда у вас есть избирательное право, пусть и с каким-то оговоренным цензом, в выборах участвуют многие люди, и эти люди избирают своих представителей.

Слева и справа от этой схемы Аристотель расположил две модели, которые являлись, с его точки зрения, чем-то, что *мешает* хорошему правлению, порождает конфликты. По одну сторону монархии находилась *тирания* — это «плохая монархия». А с той стороны, где демократия, находилась охлократия.

Эта конструкция так или иначе присутствовала во всей дальнейшей теории конфликта и стабильности общества. Почему?

Вернемся к эпохе Макиавелли. Тогда случилось великое событие в европейской политической истории, первое такое великое — Венецианская республика. И сами венецианцы, и флорентийские авторы пытались осмыслить, почему же так хорошо, так стабильно, без долгих конфликтов, без долгой гражданской войны, без кровавых заговоров внутри, почему так долго существует Венецианская республика. В трактатах середины XVI века сами венецианцы и флорентийцы писали, что найден баланс всех трех аристотелевских форм власти. Есть в Венецианской республике, с одной стороны, элементы демократии, то есть все горожане участвуют в каких-то электоральных процедурах. Есть элементы олигархии, потому что есть Большой Совет. И еще есть наверху правящий дож с соответствующими полномочиями. То есть все три аристотелевских элемента присутствуют, и они гармонизированы.

И вот на этом месте, собственно говоря, и зафиксировалось то, с чем мы до сих пор имеем дело. Прошло почти шесть столетий, а мы продолжаем опираться в стремлении избежать конфликта на ту же модель и на баланс ее элементов. И всякий раз, когда мы говорим, что демократия, или «институциональный дизайн» общества, гарантирует бóльшую стабильность, чем что-либо иное, мы возвращаемся всего-навсего к той модели, которая уже была прописана венецианцами.

Но когда, в какой момент мы фиксируем, что конфликт перестает быть маргинальным и становится встроенным в понимание истории как нечто позитивное? Когда конфликт легитимизируется в сознании действующих акторов? То есть когда люди не просто воспринимают конфликт как нечто случившееся, что должно быть поскорее закончено, что истощает силы, приводит к деградации общества? И когда, собственно говоря, конфликт стал восприниматься как творческая сила истории?

Это довольно важный и драматичный момент в нашей интеллектуальной истории, истории той части человечества, в которой живем мы с вами.

Созидающий может быть добр?

Несомненно, что это произошло достаточно поздно. Конфликт в позитивном виде — это всего-навсего 1793 год, якобинство. Якобинство было и остается по сей день самым важным примером, развилкой важного спора. Возможно ли бесконечное насилие по отношению

к политическим противникам? Можно ли рассматривать политический конфликт как позитивный, если при нем происходит прямое истребление противника?

И якобинство не случайно надолго стало метафорой всего этого. Ленинизм опирался на якобинство, постоянно возвращаясь к опыту Робеспьера. А еще в конце XIX века Жорж Сорель выступил с и вовсе радикальной интерпретацией. Он сказал, что политическая субъектность появляется только в результате насилия. Очень, конечно, радикально, но за этим радикализмом стоит какая-то реальность. Что все очень хорошо чувствовали.

Вторая половина XIX века — это прекрасные времена. Европа переживала экономический подъем, не было больших войн, наличествовали прогрессизм, позитивизм. Человечество как никогда ждало наступления прекрасного будущего: Жюль Верн, научные открытия и все такое. Казалось, что мир будет стоять вечно. И в это же время возникает марксизм, в котором политический конфликт едва ли не впервые интерпретируется как вещь *обязательная*, встроенная в историю, и она, собственно, и приводит к изменению общества. Причем конфликт большой силы — классовый конфликт.

Однако одновременно или вскоре после этого и рядом с этим ключевую для XX века роль в том, что произошло, сыграл не только марксизм, но и Фридрих Ницше. Он, как известно, выступил с идеей, что борьба за ценности носит предельный характер и не может быть никакого примирения в вопросе о ценности. Созидающий не может быть добр, созидающий — беспощаден. Таков фундаментальный тезис Ницше.

Все это в результате привело к тому, что в первой половине XX века мы пережили нечто абсолютно беспрецедентное — то, с чем в таком масштабе не сталкивалось человечество. С чем же оно столкнулось? Оно столкнулось с тем, что возникли и оформились две супервлиятельные концепции, включающие конфликт внутрь политики. Причем не просто конфликт, а конфликт, предполагающий насилие. И не просто насилие — а *массовое* насилие.

Одной такой концепцией был ленинизм. И не только он, но и близкие ему изводы левой мысли того периода. Ленинизм, как мы хорошо знаем, ясно ставил акцент: существуют такие группы, такие классы, примирение с которыми невозможно. Эти группы — они в такой философии выступают как не просто враги и не просто противники, они выступают как метафизические, *экзистенциальные* враги. Экзистенциальный враг — это враг, с которым ты несовместим *вообще*. Ты можешь примириться с врагом в этот исторический период, ты можешь заключить с ним какой-то договор, тем не менее внутри твоей жизненной философии твое сосуществование с ним несовместимо. И поэтому в отдаленной перспективе предполагается *исчезновение* этого врага. Исторически ли он исчезнет или мы его истребим, но его не будет.

Понятно, что вторая лидирующая концепция конфликта уходила корнями в постулаты Сореля, и ленинизм во многом опирался на Сореля и на якобинство. Но с другой стороны, и нацизм, как ни странно, отчасти опирался на Сореля. Рецепция Сореля существовала и в итальянском фашизме, и в немецком.

Вторая рецепция была связана с именем Карла Шмитта — знаменитого немецкого правоведа, философа, который, собственно, и обосновал вот это фундаментальное переосмысление политической жизни. Политическая жизнь, с точки зрения Карла Шмитта, — это не сотрудничество, не коммуникация. Политика начинается там, где вы можете четко проложить границу между понятиями «друг» и «враг». «Враг» в этой конструкции у Шмитта — что здесь тоже важно — опять же, носит экзистенциальный характер. Да, у нацистов был другой враг, тем не менее сама структура врага, его описание предполагали истребление.

Можно ли из реальности «вынуть» насилие?

Первая половина XX века была одной большой войной, и когда массовое истребление со всех сторон закончилось, «рука бойца колотить устала», период завершился так же, как в свое время Тридцатилетняя война завершилась Вестфальским миром. Первая половина XX века завершилась созданием новой мировой системы. И перед интеллектуальным классом встал важный вопрос: можно ли вообще помыслить себе дальше какие-то модели общества, в которых конфликт (и не просто конфликт, а конфликт со взаимным истреблением) не был бы *онтологически* встроены внутри политики? Онтологически — то есть как бытие, как реальность. Можно ли из этой реальности вынуть насилие? И если можно, то за счет чего? Каким образом можно радикально снизить конфликтность, свойственную политике?

Было несколько важных идей и несколько важных имен. Хотя, строго говоря, здесь можно назвать только два существенных имени. Одно имя вы хорошо знаете: это Юрген Хабермас, сформулировавший концепцию, на которой сегодня все продолжает стоять. Концепция предполагает, что мы, люди, в состоянии образовать некую публичную сферу, поддерживать ее совместными усилиями, поддерживать коммуникацию внутри этой сферы. И она будет работать таким образом, что разломы, конфликтные линии, линии раздора, которые сейчас существуют между нами, могут быть преодолены. За счет определенного институционального дизайна внутри самой публичной сферы, за счет определенной роли медиа, определенной роли парламента, определенной роли гражданских институций. И мы будем, несмотря на возможные противоположные позиции, находить компромисс, который позволит сохранять гражданский мир и стабильность.

Второй значимой фигурой стал Ральф Дарендорф, социолог немецкого происхождения, работавший потом в Лондоне и возглавлявший

одно время Лондонскую школу экономики. Автор трех книг о конфликте, он ставил перед собой важную цель: попытаться осмыслить роль конфликта таким образом, чтобы он носил позитивный характер внутри развития общества. Да, может быть, это было некоторой формой неомарксизма, но если марксизм в его классическом изводе всегда доводил конфликт до конца, до крушения старого общества, то Дарендорф пытался построить теорию, которая показала бы, что конфликт определенного типа, если он не выходит далеко за рамки, очень *важен*, его нельзя элиминировать, нельзя выводить.

Вот на этих благополучных идеях Хабермаса и Дарендорфа мы, люди планеты Земля в той ее части, где мы находимся, благополучно просуществовали примерно 60 лет после Второй мировой войны.

А заключительная часть моего выступления сводится к следующему: просуществовав 60 лет с опорой на Хабермаса, в значительной мере с опорой на нашу человеческую усталость от войны, от конфликтов и от тех интеллектуальных теорий, которые ставят конфликт и борьбу с врагом в центр своей проблематики, мы, по всей видимости, подошли к началу нового этапа. Он сегодня фиксируется слева, справа большинством публицистов, социологов. Сформулирую то, о чем сегодня идет речь.

Пробужденная поляризация и культурные войны

Все видят *вновь пробуждающиеся силы поляризации*. Поляризация — это как бы внутренняя сторона конфликта. Конфликт предполагает раскол. А раскол — последняя фаза поляризации. Так вот, на наших глазах на протяжении последних пяти лет слово «поляризация» стало главным в европейском политическом словаре. Сейчас очень много пишут о том, носит ли нынешняя поляризация характер «культурных войн», *culture wars*. Да, это культурные войны. Как они описываются? Они описываются по трем позициям. Есть культурные войны, касающиеся политики памяти. Есть культурные войны, касающиеся идентичности. И есть культурные войны, касающиеся моральных вопросов. Всего три группы. Когда начались культурные войны в Европе, те и в том виде, в каком мы их наблюдаем сегодня?

По всей видимости, надо считать, что в Европе культурная война началась около 2003 года, когда началось обсуждение вопроса, можно ли включить слово «Бог» в европейскую конституцию. Ну, европейская конституция не состоялась, провалилась. Дискуссия была очень мощной, в нее многие включились. То был слабый такой, начальный момент культурных войн. С 2003 года и затем в 2010-м, 2011-м годах началась мощная поляризация во Франции, которая фиксируется как культурная война.

Но если культурные войны прежде, в *прошлом*, строились вокруг «обратного» (то есть шла, например, культурная борьба за десегрегацию

в Соединенных Штатах, за расширение прав каких-то групп), то теперь культурная война, как она описывается, характеризуется тем, что обе стороны в этой войне уже покинули пространство той самой хабермасовской публичной сферы.

Внутри хабермасовского публичного пространства предполагалось, что обе дебатирующие стороны стремятся аргументировать свою позицию и тем самым *переубедить* своего оппонента, и само это *переубеждение* как форма диалога является фундаментальным в послевоенной концепции. То, что мы видим сейчас, уже не переубеждение. Перед нами две стороны, каждая из которых не стремится переубедить противоположную сторону, а стремится квалифицировать ее с помощью *диффамации*, попросту говоря — описать ее как *неполноценную*.

То есть борьба идет таким образом: если у нас на одном конце сторонники снесения памятника какому-нибудь американскому герою XIX века, а на другом плече находятся те, кто считает, что сносить памятник не надо, между ними сегодня *нет* никакого диалога в классическом смысле слова. Между ними идет борьба на уничтожение, но — в культурной сфере. И абсолютно вся полемика между разными сторонами, чего бы она ни касалась (вакцины, например), мы прекрасно видим, что полемика идет по модели культурной войны, в которой никто никого ни в чем не хочет убеждать, а хочет *заклеймить*. Тем самым формируется как бы классическая модель друга-врага, классическая модель раскола. И перед нами — пробужденный конфликт. Примерно так, как это описал в своем романе Исигуро*. Роман о пробуждении дракона, очень красивый. Роман о том, что есть вещи, о которых история как бы забывает, но через какое-то время они пробуждаются снова.

И завершу свое выступление я следующей мыслью. Перед нами все-таки стоит историческая задача — каким-то образом избежать дальнейшей поляризации. Это, собственно говоря, единственное, что вообще представляет какой-либо интерес. Потому что, на мой взгляд, если дальше будет продолжаться процесс, который идет, процесс окончательного выветривания послевоенного интеллектуального наследия, если мы энергично последуем за теми силами, которые говорят нам, что мир вступил в эпоху новой неопределенности, что теперь все правила игры должны быть пересмотрены, что мир должен заново на новых условиях о чем-то договориться, а при всем при том осуществляется всего-навсего сознательная поляризация отдельных обществ или таких больших пространств, как Европа... С этим, собственно, кто должен справиться? Только мы. Потому что только мы тут и живем, больше никого нет. И нет никого из вчерашних. И никакой Хабермас нам уже не помощник, хотя он еще жив, хотя он и сам видит то же, что мы. И пишет сейчас о том же, о чем я говорю.

* Речь, очевидно, идет о романе Кадзуо Исигуро «Погребенный дракон». — Прим. ред.

Карел Непраш (Karel Nepraš). Великий диалог. 1966

Если мы не будем справляться дальше, то нас ждет нечто, подобное катастрофе начала XX века.

И отсюда — мой вопрос. Как бы вы обозначили основную конфликтную тему сегодняшнего дня?

Между чем и чем поляризация является очень существенной, затрагивающей многих людей? Есть много тем — наши медиа так устроены, — которыми в нас выстреливают. Сегодня мы возмущаемся однополыми браками или одобряем их. Завтра мы задаемся вопросом, надо ли вставать на колени перед черными американцами, или этого делать не надо. Точно так же мы являемся свидетелями культурных войн вокруг политики памяти, то есть интерпретации недалекого прошлого соседних народов и даже внутри одного народа. И так далее.

Так вот, мой вопрос: что, на ваш взгляд, является наиболее опасным элементом современных культурных или общественных конфликтов, интеллектуальных войн, в отдаленном будущем грозящих обернуться опаснейшим конфликтом? Что будет с этим конфликтом дальше, к чему он приведет?

Юрий Сенокосов

О философских изобретениях

В связи с продолжающейся войной и ее последствиями встает непростая для европейцев (и не только), но решаемая задача и одновременно проблема.

Задача — научная и техническая — восстановления разрушенной в Украине материальной и социальной инфраструктуры — условий человеческой жизни. И проблема духовной преемственности и единства человечества.

Убедительного ответа на современные глобальные проблемы разоружения, изменения климата, пандемии не существует. Для этого нужно четкое осознание важности более тесного сотрудничества и общения граждан на региональном и глобальном уровне.

Человеческий ум обладает способностью преодолевать любые трудности и препятствия.

Напомню о нашем девизе нашей Школы «Обществу граждан — гражданское просвещение!». Цель гражданского общества — сохранять либерально-демократический характер стран, в которых оно существует.

В авторитарных государствах современное гражданское общество рождается в противоборстве с репрессивным законодательством и коррумпированной бюрократией. Без гражданской морально-нравственной и правовой основы осуществить переход в иное состояние авторитарное государство не способно.

Задача гражданского просвещения — утверждать жизненные ценности и развивать человеческие способности осмысления происходящего. Только это может гарантировать выживание человечества в XXI веке с его технологическими, экологическими и политическими вызовами и угрозами.

Школа гражданского просвещения — это место определения ценностного основания экономики, политики, социальных отношений. Ее слушатели обсуждают ценностные основания демократического

устройства общества, следуя девизу архитектора Европейского союза Жана Монне: «Мы не создаем коалиции государств, мы объединяем людей».

Наша Школа — место для дискуссий и размышлений о смысле человеческой жизни в эпоху интернета и возросшей потребности в просвещении. Ее задача в наведении языковых мостов между лидерами разных культур, но примерно одного поколения, одного призвания и близких приверженностей.

Школа является международной, и другой она не может быть по определению. В противном случае она теряет смысл. Отсюда каждый семинар Школы — международный.

Политика — это всегда сочетание ценностей и интересов.

И напомним об универсалистском духе целей и принципов, провозглашенных после Второй мировой войны в Уставе Организации Объединенных Наций, а затем — во Всеобщей декларации прав человека.

Можно ли вернуть сегодня утраченное доверие к ООН? И насколько готова эта организация сама противостоять новым угрозам — изменению климата и пандемии, не говоря уже о продолжающейся гонке вооружений и вторжении России в Украину?

Смогут ли современные государства делегировать для преодоления этих угроз и понимания проблемы часть своих полномочий наднациональному политическому институту? Время покажет, но первые шаги в этом направлении уже были сделаны.

24 апреля 2021 г., в Международный день многосторонности и дипломатии во имя мира, группа из более чем 150 международных гражданских организаций (сегодня их уже более 200 и более 150 членов парламентов) опубликовала петицию к Организации Объединенных Наций, требующую включить гражданское общество в процессы глобального управления. Петиция начинается словами «Мы, народы» (отсылающими к первой строке преамбулы Устава ООН) и призывает ООН осуществить три конкретные реформы.

Во-первых, создать Гражданскую инициативу мира, которая позволит вносить в повестку дня Генеральной ассамблеи ООН или Совета Безопасности ООН свои предложения, если они достигли определенного порога народной поддержки.

Во-вторых, создать Парламентскую ассамблею ООН, которая сможет лучше отражать разнообразие взглядов людей со всего мира (см. www.democracywithoutborders.org).

В-третьих, создать пост Посланника ООН по вопросам гражданского общества, который будет ответственным за реализацию более инклюзивной стратегии по взаимодействию гражданского общества и ООН.

Таким образом, авторы петиции предлагают в условиях глобального кризиса *включить в процесс реформирования ООН международное гражданское общество*, когда цель и смысл достижения цели совпадают,

так как они задаются нашими желаниями и потребностями, которые политики называют интересами.

А цели, свободные от эмоционально-чувственной заинтересованности человека, существуют? Да, это цели моральные, диктуемые нашим разумом. Человек свободен, когда действует исключительно ради морального долга. Но жить по правилам только морали он не может.

Есть ли выход из этого тупика? Есть — в появлении мирового права. Для этого и был создан в 1945 году Совет Безопасности ООН — для преодоления законодательных норм и правил суверенных государств, позволяющих проводить и оправдывать политику репрессий и насилия как против собственного народа, так и народов соседних государств. Однако исторический опыт свидетельствует о неэффективности этого института и ставит на повестку дня необходимость создания международной системы безопасности на основе мирового права. Учитывая склонность современного человечества к самоубийству.

Возможно ли это? Возможно, если наряду с существующей Генеральной ассамблеей ООН, членами которой являются представители государственных институтов, появится гражданская Парламентская ассамблея ООН.

Характеризуя в романе «1984» своего героя, Джордж Оруэлл пишет: «Он был одиноким духом, вещающим правду, которой никогда никто не услышит. Но пока он говорит ее, преемственность каким-то неизвестным образом сохраняется. Духовное наследие человечества передается дальше не потому, что вас кто-то услышал, а потому, что вы сами сохранили рассудок».

Всем знакомо чувство беспомощности, когда оказываешься в ситуации бессилия. И радуешься, если в это время появляется кто-то, чтобы помочь. Случай с Оруэллом именно такой.

В «Википедии» есть статья «Хронология изобретений человечества», поражающая резко увеличившимся после XVII века числом научных открытий и множеством выданных патентов на технические изобретения, характеризующих эпоху Нового времени. За три века (XVIII–XX вв.) в десять раз!

То есть перед нами **знание**, явно свидетельствующее о том, что оно влияет на образ и качество человеческой жизни. Но удивительно, что в XX веке стремительно растет население на планете в тех странах (в Китае, Индии, Африке и т.д.), где сохраняется традиционный **образ** жизни, а ее **качество**, возрастая, меняется в странах так называемого Запада. Почему? Благодаря «философским изобретениям».

«Ведь мы не можем сегодня мыслить так, как если бы не было, скажем, Декарта или Канта, — говорил Мераб Мамардашвили во время одной из наших с ним бесед. — Выполнение логической операции еще не означает выполнения акта мысли. Это может быть и псевдоакт... Лишь после спонтанного возникновения таких автономных образований,

которыми являются **философские изобретения**, появляется сама возможность помыслить то, что я мыслю» (Идея преемственности и философская традиция // Историко-философский ежегодник. М., 1989).

Почему для нас важна идея преемственности и о каких изобретениях идет речь?

О платоновской идее общественного блага, декартовской процедуре радикального сомнения «Я мыслю, я есть», кантовских критиках, феноменологической редукции Гуссерля.

Философских изобретений, в отличие от научно-технических, немало, и все они так или иначе воспроизводят античную парменидовскую интуицию **бытия** как мысли. Когда мыслить и быть — одно и то же. «Мысль о бытии есть способ бытия мысли», — говорил Мераб. А это значит, что мысль и то, что помыслено, и есть Свет, или смысл Света, и есть Истина, или смысл Истины...

Однако со временем развитие науки и техники, как известно, вытеснило «бытие» и привело к появлению понятия «объект» и так называемой объективной реальности. А затем мышление и реальность расходятся и состояние мышления, обращенного к реальности, вообще перестает соответствовать потенциальной природе того, каким оно было. Так произошло в гитлеровской Германии и в СССР.

Возвращаясь же к Пармениду, можно задать вопрос о «тайне» тождества бытия и мышления, или, другими словами, о «философской вере без оснований» (без цитат из Библии), потому что когда мы в мысли, мысль есть именно то, чего мы не видим, но посредством чего видим все остальное, считая это реальностью. И на этом пути из своего тела и души (мысли, чувства, воли, желаний) ткем пелену рефлексивных объективаций, продуктом которых и являются наши понятия и т.д. Это самый трудный пункт для понимания, что такое мысль. Тут и возникает фундаментальная разница между тем, как мы совершаем акт мышления, и тем, что совершается в самом этом акте, не замечая (привожу еще одну фразу Мераба), что «наша мания мыслью заменять акт жизни мешает нам понять происходящее».

То есть, совершая акт мышления, казалось бы, сознательно, мы оперируем знаками и предметно-логическими образованиями, но при этом через нас действует что-то другое. И поэтому мысль как таковая, когда она становится предметом философствования, ни для кого не предназначена. Она не для просвещения, если человек сам не предпринял для этого личных усилий. То есть не отличил хотя бы раз в своей жизни понятие мысли от самой мысли, и, следовательно, твоя задача, когда она озарила тебя, попытаться каким-то усилием удержать ее, чтобы оставаться человеком.

Таким образом, вопреки всем научным и техническим изобретениям, используемым как во имя добра, так и зла, философские изобретения помогают сохранять человечность как таковую.

И возвращаясь к Дж. Оруэллу. Поскольку сказанное автором знаменитого романа имело отношение к теме нашей беседы с Мерабом об «идее преемственности и философской традиции», я процитировал его в самом начале беседы. Спустя более 30 лет содержание этой беседы можно свести к следующим тезисам:

- «Философские изобретения» имеют в западной культуре столь же важную, если не большую сегодня роль, чем научно-технические изобретения и открытия. Наша беседа была не диалогом или интервью, а, скорее, мастер-классом о понимании отношения к прошлому и будущему. Или, другими словами, о понимании «вечного настоящего». Так как речь шла не о сознании о чем-то, каком-то опыте, а о том, что можно назвать опытом самого сознания в состоянии «я есть — я мыслю».

- «Не потому, что вас кто-то услышал» и «не потому, что вы услышали кого-то другого до вас» — это и есть свидетельство преемственности, подтверждающее, что «вы сохранили рассудок», который позволяет эмпирически далекому стать близким, а близкое связать с будущим. Не случайно такие чувствительные люди, как Мандельштам, говорили о дальнем собеседнике. И это не вопрос психологии. Вся проблема дальности и близости завязана здесь на **предпосылочное отношение к любым содержаниям**, которые могут возникать и которые являются реализованными мыслительными возможностями.

- То есть здесь возникает такая связка: мы живы в том мыслительном акте, который выполняем сейчас, если держим живыми, а не умершими в тексте своих предшественников. Если жив Кант, если мысленно мы держим Канта живым, то живы и мы. И это есть бесконечная длительность сознательной жизни. Ее бессмертие.

- Язык может быть разным. В разных культурах он не только разный, но и к тому же меняется. Хотя говоримое на первый взгляд неотлично от думаемого.

Наша Школа не о профессии, а о понимании смысла получаемой профессии. И наша гражданская задача — помочь думать живой голове, а не надеяться на создание искусственного интеллекта, искусственной головы.

Охота на Гутерриша

28 апреля, в то время, когда Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш вел переговоры в Киеве, столица Украины была обстреляна ракетами. Одна из них упала в километре от гостиницы, в которую после переговоров должен был вернуться Генсек ООН. В это же время переговоры в Киеве проводил и премьер-министр Болгарии.

Ситуация усугубляется тем, что накануне Гутерриш провел переговоры с Путиным в Москве. Ракеты посланы как бы ему вдогонку.

Генеральный секретарь ООН — фигура во многом символическая. Он не опирается на силу какой-то державы или военного союза. Но он имеет нравственный авторитет политического лидера человечества. Его выбирает Генеральная ассамблея ООН после одобрения Советом Безопасности, и выбирает, как правило, консенсуально. Генеральный секретарь — символ политического единства всего человечества. И вот жизни этого человека решил угрожать Путин столь демонстративным образом, приказав обстрелять в этот день ракетами центр Киева.

Как и сама фигура Генерального секретаря ООН, так и этот обстрел Киева имеют символическое значение. Охота на Гутерриша, конечно, не предполагала его физического уничтожения. Да и практически сделать такое было нереально. Охота эта предполагала иное — показать всему человечеству, что на него путинской России наплевать, что кремлевский диктатор глубоко презирает и саму ООН, и это самое человечество. На такой шаг не решался даже Сталин и ни один из следующих за ним правителей СССР. Не решался вообще никто.

Воистину демоническая ненависть к человечеству, проявившаяся в охоте на Генсека ООН, — это то совершенно новое, что внес в мировой порядок самозванный правитель России.

Андрей Зубов,
доктор исторических наук,
профессор

В действии этом нет никакого смысла. Оно никого не напугало. Но оно еще больше возмутило весь мир, еще больше сплотило его в противостоянии не только российской агрессии в Украине, но и в противостоянии путинской России как таковой.

Последние часы ознаменовались несколькими важнейшими проявлениями такой небывалой никогда прежде консолидации мирового сообщества против одной страны. Еще недавняя любовь, а потом снисходительность к России сменились совершенно железным ей противодействием.

Обе палаты конгресса США проголосовали за ленд-лиз для Украины. Это небывалое со Второй мировой войны решение (о том ленд-лизе я рассказывал в мае 2017 года в лекции в «Новой газете») было единогласно принято в сенате и 417 голосами против 10 в палате представителей. Республиканцы и демократы, трамписты и байденисты голосовали вместе. Небывалое в политической жизни США явление, и оно является свидетельством невероятного сплочения американского общества в противодействии российской агрессии.

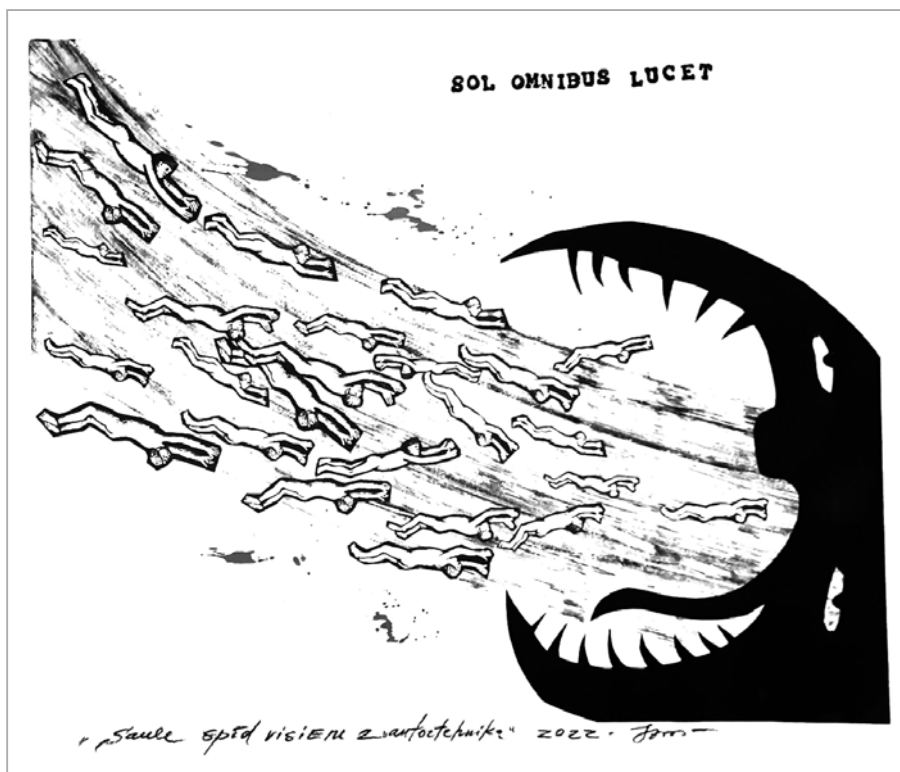
Такое же сплочение проявил накануне и немецкий бундестаг, где решение о поставке в Украину тяжелых вооружений поддержали все партии, кроме крайне левых и крайне правых. Социал-демократы правящей коалиции и христианские демократы оппозиции были единомышленны в его поддержке. В итоге почти 600 голосов за при 100 против.

Министр иностранных дел Великобритании только что заявила на официальном обеде у лорд-мэра Лондона, что целью коалиции является освобождение всей Украины, включая Донбасс и Крым. И мировое сообщество аплодировало этому заявлению.

А перед тем на встрече министров обороны 41 страны, состоявшейся на американской военной базе Рамштайн (Германия), было фактически провозглашено создание антипутинской коалиции всех развитых стран мира — от Ирландии до Японии, от Норвегии до Австралии, от Израиля до США.

Такого единомышленника мир не знал никогда — ни в войнах против Наполеона, ни в Первой, ни во Второй мировых, ни в корейской войне. Путин столкнулся лицом к лицу со всем человечеством, и как знак, что он принимает вызов человечества, он послал русские ракеты на Киев, когда в нем находился Антониу Гутерриш. С точки зрения психологии политики последнее действие кремлевского диктатора — истерическая кульминация. Запугивание сверхновым оружием накануне — тоже истерика.

Мир уже дал понять Путину, что он его угрозы не боится и в случае любых попыток применить оружие массового поражения ответ мирового сообщества будет сокрушительным и для России губительным. Думаю, что этот ответ услышал если не сам Путин, то его ближайшее

Ина Воронцова. *Sol omnibus lucet* – Солнце светит всем. 2022

окружение. Запугать человечество не удавалось еще никому, ни Наполеону, ни Гитлеру, ни Сталину. И Путину не удастся.

Мир демонстрирует такое единодушие и такую решительность в противостоянии попыткам его запугать, что теперь уже совершенно ясно — за свою жизнь человечество будет бороться до конца, а не просить пощады у агрессора. И кто выйдет победителем в этой борьбе — нет никаких сомнений, сомнения только в цене победы. Возможно, для человечества цена эта будет велика, но охотиться на генсеков ООН более не будет позволено никому и никогда.

Тот случай, когда *never is never*.

29 апреля 2022 г.

*Станислав Кучер,
российский журналист,
общественный деятель*

О вероятности войны с Западом

Карибский кризис — оазис пацифизма по сравнению с тем, где мир сейчас. Я неисправимый оптимист, однако позитивный настрой никогда не мешал мне рассматривать разные, вплоть до самых пессимистичных, варианты развития событий и делать прогнозы. Не скажу, что, исходя из этих прогнозов, я всегда принимал разумные жизненные решения, однако сами прогнозы — особенно в отношении глобальных тенденций и событий — сбывались почти всегда.

До 2012-го я просто критиковал власть. С 2012-го я со всех доступных площадок предупреждал о том, что страна уверенно идет к диктатуре и мракобесию и если этому не помешать, результатом станет или распад государства, или война с Западом, или и то и другое, вместе взятое в любой последовательности. Понятно, что видел и позитивные сценарии, озвучивал их, надеялся на лучшее, но чем дальше, тем сильнее становилась уверенность в том, что это лучшее случится с Россией только после чудовищно болезненной трансформации. Вплоть до поражения в войне, которую развяжет либо Путин, либо те, кто придет сразу за ним (сейчас, понятно, об этом говорят или думают везде — от кухонь до Кремля).

До февраля этого года я гнал мрачные мысли по-дальше, в том числе из почти суеверного желания «не накаркать», а сам планировал вообще перестать высказываться на актуальные политические темы, сосредоточившись на «работе в долгую», то есть на вопросах развития человеческого потенциала и духовного роста.

Я и сейчас уверен, что это главное и за всеми нашими бедами стоит тот простой факт, что, грубо говоря, дух не успевает за материей, то есть прогресс личности отстает от прогресса технологий, и в результате

власть-деньги-оружие оказываются в руках эгоцентричных параноиков и моральных уродов. Однако теперь, после 24 февраля, «в долгую» и «в короткую» смешались воедино. Есть все шансы, что прогрессом духа заниматься скоро будет почти некому, поскольку слишком многие окажутся заняты войной и выживанием в прямом смысле обоих слов.

Я снова хочу и буду рад ошибиться, но, на мой взгляд, большая, с применением всех видов оружия, война России с Западом сегодня точно вероятнее и ближе, чем полет на Марс или даже Евро-2024. И чем быстрее и глубже это понимание поселится в сознании каждого, тем выше вероятность ее избежать. Притом что шансов меньше, чем кажется.

Спокойно, без эмоций. Висящее на стене ружье должно выстрелить. Доказательство тому — вся история человечества, а самое свежее и кровавое — война в Украине. Сколько народа, в том числе успешного и продвинутого, смеялось над «кликушеством» американцев (Ксения Анатольевна, как вы там?) в январе-феврале? Притом что, казалось, все было очевиднее некуда. Уничтожение оппозиции, мифологизация истории, годы насаждения украинофобии, милитаризация общественного сознания, обнуление Путина, покушение и посадка Навального, истеричная риторика со всех трибун и — вишенка на торте — 150 тысяч войск на границе с Украиной. Все вместе это не могло не привести к войне, вопрос был только в конкретной дате.

Понятно, что до последнего войны с Украиной не хотели многие в российской элите, в том числе те, кто потом был вынужден ее поддерживать, — но ничьи желания и позиции уже значения не имели, вагонетка уже летела по рельсам вниз, набирая скорость, остановить ее можно было, только взорвав рельсы. Так бывает со всеми большими войнами — мозг отказывается верить, что «такое может случиться на моем веку», ищет и находит «транквилизаторы» в виде аргументов типа «это только демонстрация силы», «игра мускулами», «даже если начнется, будет быстро и не страшно», «началось, но они там все одумаются», «продолжается, но сюда точно не докатится».

То же самое экстраполируем на ситуацию Россия — Запад.

О популярных среди дряхлеющих чекистов мыслях, что «уж если России суждено уйти, то пусть она хлопнет дверью так, что стены затрепещат у всего здания», я говорил в эфире «Коммерсантъ FM» лет 5 назад. «На миру и смерть красна», «Мы-то в рай, а они просто сдохнут» — сейчас эту любимую путинскую мантру уже вовсю повторяют пропагандоны, а вслед за ними черт знает сколько россиян. Гоп-фашизм и антиамериканизм, торжество которых мы наблюдаем, — это выпущенный из бутылки джинн, который уже живет своей жизнью и строит свои планы на мир. Мои коллеги-политологи и экономисты часто недооценивают значение витающих в воздухе ожиданий, притом что именно ожидания, напомню, играют первую скрипку на любой бирже. А ожидания сейчас самые что ни на есть неприятные и тревожные у всех, кроме уже совсем

поехавших крышей фанатиков. Пассаж Симоньян «Или мы выиграем войну с Украиной, или Третья мировая» — не просто угроза. Это уже в мозгах миллионов.

Главным триггером большой войны России с Западом, разумеется, остается война в Украине. Взрывы уже гремят на территории России, воздушная тревога уже звучит в городах российского Юго-Запада. Каждый день мы читаем новости о новых поставках оружия в Украину, а решение США открыть Киеву ленд-лиз обещает сделать военное поражение России реальностью скорее, чем казалось. Я не знаю, как на самом деле обстоят дела с информированием Путина о реальном положении дел на фронте, но то, что решение запугать весь мир ядерной атакой принято, — факт. Ни Лавров, ни тем более Симоньян и Соловьев без путинской отмашки на эту тему слова не скажут.

Один в один повторяется февральская история. Сначала: «Да не дай бог!», потом: «Если не уступите, то все возможно», затем речь «начальника» о том, что «нам не оставили другого выхода».

Можно, конечно, чисто гипотетически предположить, что коллективный Запад испугается и «сдаст» Украину, но даже это не отменит неминуемое вооруженное столкновение с путинизмом, а только немного отсрочит его. В мировых столицах это хорошо понимают и готовятся к худшему. А когда к худшему уверенно готовятся все, вероятность оказывается на уровне погрешности. Карибский кризис, повторю, — оазис пацифизма по сравнению с тем, где мир сейчас.

Хороших новостей три.

Во-первых, даже в самом худшем сценарии на планете еще много мест, которые никто не станет бомбить. Там, правда, в основном непроходимые леса, джунгли, горы, пустыни, океан или вечная мерзлота, но напрасно, что ли, мы все смотрели голливудские и не только фантазии на тему жизни выживших? Оптимизм наше все, да и продвинутые мастера утверждают, что реинкарнация все же есть.

Во-вторых, я могу ошибаться и очень надеюсь, что это как раз тот случай.

В-третьих, в России может произойти чудо, которое остановит войну. Чудо, напоминаю, это не когда бог исполняет волю человека, а когда люди своими руками делают невозможное.

Почему именно демократия*

Давайте начнем с того, что я очень рад всех вас видеть в моем любимом городе, о котором принц Чарльз, когда я, провожая его в аэропорт, спросил: «Как вы находите наш город?», сказал: «This is an imperial city». Я не ответил ему тогда, так как ответ пришел мне в голову позже: я все-таки предпочитаю жить не в блестящем имперском городе, а в сияющем счастьем провинциальном городе или региональном центре с глубоко укоренившейся демократией. Я полагаю, что вы тоже так думаете.

Однако путь к демократии очень сложен. Когда мы начинали этот путь, используя то окно возможностей, которое открылось, мы все говорили: «Хоть в лаптях, но на свободу!» А когда оказались на свободе, спрашивали: «А где наши новые ботинки?» Лена абсолютно четко определила суть жизни в демократическом обществе: она становится труднее, но приятнее.

Название моего выступления: «Почему именно демократия». Это очень актуальный вопрос. Но прежде чем ответить — «почему люди должны жить в демократии?» — все-таки сначала надо ответить на вопрос: «Почему это сейчас так актуально?» Наверное, вы знаете, ведь собравшаяся здесь аудитория, мне кажется, чрезвычайно интересная. Поэтому я рискну говорить по возможности короче.

Так почему же сейчас вопрос о демократии стал таким актуальным? Потому что демократия катится с горки вниз. Если за время пандемии две трети стран мира ограничили свои демократические права и свободы, то это в какой-то степени подтверждает мое высказывание.

Но тем не менее есть и другие признаки.

Валдис Биркавс,
доктор юридических наук,
основатель Латвийского
общества юристов;
премьер-министр Латвии
(1993—1994),
министр иностранных дел
Латвии (1994—1999),
министр юстиции
(1999—2000);
член Мадридского клуба

* Выступление на семинаре в Юрмале 19 марта 2022 г.

Замечательная книга Патрика Дэнэма «Почему проиграла либеральная демократия» (*Patrick J. Deneen. «Why Liberalism Failed»*). Одно название чего сто́ит!

И вторая книга — ученого из Сингапура Кишора Махбубани «Победил ли Китай?» (*Kishore Mahbubani. «Has China Won?»*). Я слушал его конференцию в Zoom. Он вместе с европейскими экспертами и экспертом из Гонконга вел дискуссию, доказывая, что Китай — это будущая форма управления мира, потому что он (Китай) *доказывает* свое преимущество. Он лучше справляется с ковидом, он вытаскил из бедности сотни миллионов людей. Он так развил свои технологии, что обгоняет США по количеству публикаций в научных журналах на темы, связанные с искусственным интеллектом. Он же, Китай, — уже на Луне!

Я открываю журнал *The Economist*, и что я читаю? Высшее руководство Китая — не сам Си Цзиньпин, с которым я встречался два раза, а уровнем чуть ниже, — говорит: «Китай — это истинная демократия, потому что он отвечает чаяниям народа, он вытаскил народ из бедности, он советуется с народом». И хотя прямо в этой статье или интервью китайского руководителя это не сказано... Ведь китайцы исторически считают, что легитимацию власти кто дает? Вы все, я думаю, ответите однозначно: народ, демократия, выборы. А китайцы думают: «Да, демократия дает легитимацию власти, но не дает компетенцию». А в Китае компетенция дает легитимацию власти.

И вот мой любимый Кишор из Сингапура говорит: «Я читал лекцию в Колумбийском университете и после лекции увидел, что один из китайских студентов (с которым я был знаком до этого) очень грустен и чем-то озабочен. Я спросил его, почему он такой грустный, что случилось, а он говорит: “Я окончил университет *вторым*. И меня не примут в коммунистическую партию, они принимают только первых”... Те, кто жил в Советском Союзе, знают, какие были коммунисты, среди которых был и я.

Получается, что мир как бы раздумывает: что же делать дальше? Ведь демократия — это и популизм, и слабые правительства, и коррупция. Я могу часами перечислять и анализировать недостатки демократии, но все равно хочу жить в демократии. Я могу назвать 12 шагов, которые ведут прочь от демократии. Все эти 12 шагов на моих и на ваших глазах совершала Россия. А ведь Оруэллу приписываются слова, что диктатура может быть установлена тихо, спокойно, незаметно. И люди соглашались. Если сейчас разбирать эти 12 шагов, мы потратим довольно много времени. Но это индикаторы, которые вы должны знать. Потому что следить за тем, как делается первый шаг в этом направлении, я должен здесь, в Латвии, до сих пор.

Ведь как мы начинали? Мы начинали, конечно, на ура. Пришли самые лучшие — и коммунисты, и беспартийные, и все за независимость. Это было легко. Это было честно. Это было вдохновенно. Но как только

вы вступаете в демократию, в какую ситуацию вы попадаете? Вы можете мне сказать, что есть справедливые политические решения? Нет! Справедливых политических решений вообще не бывает. Политические решения просто не бывают справедливыми! Это — демократия. Но при авторитарном режиме политические решения изначально несправедливы. Вы можете почувствовать, в чем разница? При демократии политические решения несправедливы. При автократии они всегда несправедливы.

Дело в том, что у демократии всегда есть инструменты, при помощи которых она пытается решить социальные проблемы. А таких социальных решений, которые удовлетворяют всех, не бывает. Значит, когда вы в стране будете решать вопросы о том, когда наступят демократические перемены, в первую очередь вы должны будете определить политическую общину, которой вы даете право голоса — пассивного и активного, то есть [право] избирать и быть избранными.

Мы в Латвии споткнулись на этом вопросе уже в первые дни независимости и не решили этот вопрос до сих пор. Потому что: «Ведь речь идет о безопасности государства, как же можно дать бывшим чекистам право быть избранными? Конечно, надо отсечь их! А русские?! Их тут столько понаехало, как же дать им [эти права], это же будет другой парламент, который проголосует: “Обратно в Россию!”» Вот вам первая несправедливость.

А потом вы будете принимать закон о выборах. «Как же сделать так, чтобы вот этих — они мне не нравятся — как-то отсечь, подальше от власти? Давайте установим барьер — их мало пока, поставим, как в Турции (было 10%, не знаю, как сейчас)». Мы, моя партия, выиграли самое большое количество [мест в парламенте] в истории довоенной и послевоенной Латвии. Никто до сих пор не смог превзойти этот результат! 36 мест из 100 в парламенте. До войны у социал-демократов было 33 места. Но у меня все равно было правительство меньшинства. Потому что один депутат пошел в туалет; другой, который должен был голосовать «против», — заснул; а мой друг из другой партии проголосовал за меня. Демократия!

Так вот. Мы установили 4% — это хороший барьер. В довоенной Латвии не было барьеров вообще. Тогда в парламент прошел один выдвинувший сам себя кандидат, а когда он попал туда, взял взятку 60 000 латов, за что его, правда, осудили. Это было до войны. Было 4%. Мы решили ближе к 2002 году, чувствуя свою силу, увеличить барьер до 5%. Я сам уже отказался от руководства партией, потому что сосредоточился на внешней политике — на НАТО и Евросоюзе. Установили 5% — и партия проиграла выборы с результатом 4,99%. Есть пословица: «Не рой яму другому — сам в нее попадешь». Так оно и случилось.

Но мы проходили через этапы. И они неизбежны в любом обществе, которое становится на путь демократии. Это первоначальный период.

Знаменитый совет Джона Кеннеди: «Не спрашивай, что твоя страна может сделать для тебя. Спроси себя, что ты можешь сделать для нее». Такая была атмосфера. Я думаю, в чем-то похожа эта атмосфера и в Украине. У нас это был период, в котором мне посчастливилось быть на первых позициях. Это был период политического романтизма.

Потом наступил период, когда люди поняли, что партия — это инструмент власти, и стали задавать вопросы: «Что я могу сделать для партии? Как привлечь больше голосов? Как привлечь деньги? Как привлечь то-то и то-то?» Это тоже нормальный принцип.

Потом в обществе становилось все очевиднее, что начинается расслоение: кто-то становится богатым, кто-то бедным, и что же делать? Тогда возник вопрос: а что мне с этого? Что я могу сделать в этой ситуации для себя? Это абсолютно нормальный вопрос для каждого человека, но когда его задают политики... а этот вопрос начали задавать себе политики, и политика превратилась в... Посмотрите, что сейчас происходит во многих странах, в том числе и в Латвии!

Я вас предупреждаю об опасностях демократии. Возникают картели. Политические партии как бизнес. Раньше были кадровые партии, массовые партии, потом — партии «Хватай всех, лишь бы проголосовали». А потом наше государство по инициативе президента поступило как бы очень демократично и, чтобы развивать демократию, начало финансировать партии из бюджета. Теперь возникают группы, которые рассматривают попадание в парламент. Они должны преодолеть 4% (вернулись к 4-процентному барьеру) или 2% (не попадая в парламент), и тогда они получают от государства довольно солидное финансирование. Что это дает? Конечно, это помогает поддержать демократию. Но образуются группы, которые хотят получать четыре года дармовые деньги. Они должны только создать партию «Хватай-кого-хочешь». А поскольку у нас в парламенте обычно пять-шесть-семь партий и все заинтересованы в этих деньгах, они даже друг друга не хотят особо критиковать, потому что создают картель: «Не подпустим других, а сами будем продолжать качать деньги»...

Не буду больше критиковать демократию. Все равно демократия хороша! Демократия — это unfinished business. Это ежедневная работа. Каждый день, на каждом выступлении, на каждой конференции, в каждом поступке вы решаете демократические вопросы. Демократия не дается легко.

То, что происходит сейчас... Об этом реально трудно говорить. У меня такое чувство — как во время или после чтения некоторых книг Габриэля Гарсиа Маркеса, особенно небольшого его романа «Палая листва». У Маркеса в романах происходит сдвиг во времени, ты чувствуешь его. Настоящее застревает. Застревает! Настоящее — это ведь всегда и горизонт будущего. А настоящее — застревает... И прошлое начинает

развиваться быстрее и перекрывает это настоящее. Это как грозовая туча на горизонте, закрывающая горизонт. Это ужасное состояние!

Мир прошел через три волны демократизации. Вы, наверное, знаете: Сэмюэл Хантингтон, первая волна, вторая волна, могу рассказать, как они происходили... Давайте остановимся на третьей волне демократизации — после 1975 года, когда Португалия, Испания стали демократическими. А потом и 90-е годы, и Россия. Но Хантингтон ведь пишет, что каждая демократическая волна — это прилив и отлив, реверсивное движение. И это реверсивное движение частично перекрывает положительную волну демократизации.

Когда в 1918 году образовалась Латвия, это был период... ведь первая волна по Хантингтону закончилась фактически в 1922-м, то есть мы «заскочили» в первую волну на последней стадии. Но поскольку затем была реверсивная волна, то в середине 30-х годов установились авторитарные режимы. И Улманис совершил в Латвии переворот. Вторая волна нас вообще не коснулась, потому что это было для нас самое темное время, а для мира — деколонизация. Следующая — волна 90-х, которую мы частично пережили, а некоторые из вас родились в это время... У этой волны реверс начался уже давно. Реверс начался (не по Хантингтону — он умер в 2008-м, а уже по его последователям) в 2006 году — это было даже до финансового кризиса. А потом финансовый кризис, затем пандемия, а сейчас война... Вы знаете, что это?

До того, как война началась, в мировых источниках информации о чем рассказывалось? Creative destruction — созидательное разрушение, artificial intelligence — искусственный интеллект. Главные темы. Это наши горизонты будущего. А что мы видим? Не creative, а real destruction! Не artificial intelligence, а поток грязных фейков, загрязняющих сознание человека! И разве из этого есть выход?

Конечно, есть! И где же он? А зачем же у нас демократия? Это и есть выход! Потому что он дает нам возможности *искать*. В нем у нас есть главное право — *добиваться*, чтобы те, кто нам не нравится, ушли от власти. Чтобы мы своих представителей приводили к власти. Чтобы мы в полном объеме смогли использовать наши демократические свободы и права.

Давайте проведем мысленный эксперимент: насколько вы демократичны? Я не буду ни у кого спрашивать ответа, но проведу знаменитый мысленный эксперимент Джона Ролза — выдающегося политического мыслителя XX века. Я накрою вас занавесом неведения. Знаете, что это такое? Представьте себе: начало нового дня, новой эры вашего государства. (Мы были в такой ситуации — это реально, это у вас тоже будет.) И вы должны выбрать принципы управления собственным государством. Перед вами — три варианта выбора, три принципа. Но до этого вы должны забыть, кто вы — женщина, мужчина, богатый, бедный...

активист или пацифист, черный или белый. Вы *ничего* о себе не знаете. Вы должны выбрать *принцип*, а не думать о том, как это отразится на вас. И перед вами — три варианта выбора. Вы должны решить... как бы это лучше сформулировать... примете ли вы решение (я говорил, что нет справедливых политических решений), которое причинит несправедливость наименьшему количеству людей... Вернее, размышления должны быть о другом: вы допускаете такое решение, которое дает приносит наибольшую пользу наибольшему количеству людей, а значит, какая-то маленькая часть людей не получит эту пользу. Это первый принцип: «наибольшее счастье для наибольшего количества людей».

Второй принцип. Вы допускаете несправедливость и решаете вопрос в пользу самых необеспеченных — тех, кто родился «не в той семье», кто получил инвалидность, кого бросили родители или чьи родители наркоманы. В общем, вы решаете в пользу тех, у кого изначально уже все плохо.

Третий вариант. Вы допускаете все варианты несправедливости, но даете возможность развиваться тем, кто трудится в поте лица, кто талантлив, усерден, кто добивается успеха.

И надо выбрать только один принцип, потому что в конечном итоге только один из них работает наиболее успешно.

Принцип «в пользу необеспеченных» якобы реализовался в Советском Союзе, когда все распределяли. А «наибольшая польза для наибольшего количества людей» — это же Гитлер реализовал для немцев! И остается только принцип, который реализовали американцы, хотя Фукуяма после своей блестящей книги о конце истории (я с ним встречался в Восточном Тиморе в миссии ООН и мы говорили об этом) следующую книгу написал об упадке демократии в США. Это еще раз показывает, что только демократия дает возможность как-то максимально включить, мобилизовать силы общества для решения сложнейших вопросов и даже уйти от первородного греха демократии. А какой ее первородный грех? *Тирания большинства*, которую слабая политика пытается решить референдумами.

Мне нравится высказывание Черчилля: «Американцам надо верить! Они всегда правы, потому что они находят правильное решение после того, как испробовали все остальные». И это факт.

А мы в Латвии использовали выборы без процентного барьера, государственный переворот, 4-процентный барьер, 5-процентный барьер...

Надо *каждый день работать* и иметь чувствительнейший индикатор, который будет свидетельствовать об отклонении, и реагировать, когда отклонения только появляются.

Священные писания, литературные каноны*

Юрий Слёзкин,
профессор докторантуры
Калифорнийского
университета в Беркли,
член Американской академии
искусств и наук

Когда я в 1983 году поступил в аспирантуру Техасского университета, единственным обязательным курсом на историческом факультете была история западной цивилизации. Так было практически во всех американских университетах. На моей первой после аспирантуры работе я читал два лекционных курса по истории западной цивилизации каждый семестр, сотням студентов. Стэнфордские студенты тогда уже скандировали: *Hey, Hey, Ho, Ho, Western Civ Has Got to Go*, в каких-то журналах начали появляться статьи о том, что западную цивилизацию придумали в начале XX века в Одессе, на Малой Арнаутской улице, но альтернативы не было: западная цивилизация считалась фундаментом гражданского воспитания и культурной идентичности.

Прошло тридцать пять лет. От курсов этих ничего не осталось, а словосочетание «западная цивилизация» исчезло из академической жизни и политической риторики. Уильям Макнилл, автор замечательной и ныне почти забытой книги «Восхождение Запада», опубликованной в 1963 году, определил цивилизацию как «крупнейшее сообщество, объединенное общим литературным канонem и представлениями о человеческом поведении, сформированными этим канонem». Если в качестве эксперимента применить это определение к списку основных мировых цивилизаций, составленному Сэмюэлом Хантингтоном, то получится следующая картина. Китайская, японская, индийская и исламская — бесспорно, цивилизации, африканская и латиноамериканская — бесспорно, не цивилизации, православная — не вполне цивилизация, а западная

* 24 ноября 2021 г. Из цикла лекций в поддержку Сергея Зуева и Московской высшей школы социальных и экономических наук «Шанинские среды».

цивилизация осталась в прошлом. Современный Запад — самый мощный союз в истории человечества, но общего литературного канона у него больше нет. Революция, которая началась четыреста лет назад, кажется, подходит к концу.

С появлением письменности некоторые тексты становятся каноническими, фундаментальными или «священными» в значении абсолютной истинности. Среди них мы видим в первую очередь записи избранных мест из устного репертуара (жреческие наставления, сценарии ритуалов, мифы происхождения, песни и связанные с ними эпические, лирические и драматические традиции). Другая категория — священные, или «классические», тексты, связанные с именами учителей и пророков, отвергнувших или реформировавших царящую ортодоксию: Конфуция, Будды, Сократа, Иисуса, Мухаммеда и др. Самые крупные и продуктивные каноны, в том числе те, которые Макнилл называет «цивилизационными», сочетают в одном пакете большое разнообразие жанров и значительно отличаются друг от друга по содержанию, объему, специфике чтения и т.д.

Христианство, как известно, выросло из иудейского канона. Западная его часть рано выделилась в особый мир. Римская церковь, в отличие от коптской, эфиопской, сирийской, грузинской, армянской и различных славянских церквей, которые проповедовали христианство в переводах на местные языки, утвердила латынь в качестве единственного сакрального языка. Это привело к появлению относительно сплоченной наднациональной интеллектуальной элиты и устойчивого канона, сочетавшего христианские тексты с греко-римской классикой, выстроенной вокруг Гомера и Вергилия. В политически раздробленном регионе то обстоятельство, что канон повествовал о чужом прошлом на языке, который не был ни для кого родным и (в отличие от санскрита, арабского и классического китайского) не претендовал на статус священного оригинала, было скорее преимуществом, чем недостатком. Так или иначе, на протяжении тысячи лет христиане латинского обряда читали одни и те же книги или слушали их в различных пересказах — то есть были, согласно Макниллу, цивилизацией, объединенной священными текстами.

Были, а потом перестали быть.

В XVI веке революция в книгопечатании и совместные усилия гуманистов и протестантов подорвали позиции латинской Библии. Благодаря переводам Священного Писания жители Западной Европы наконец догнали армян, славян и других христиан в деле сакрализации национальных языков. Примерно в то же время французский язык начал успешно конкурировать с латынью в сфере высокого искусства: классицисты победили классиков, язык французского короля стал языком французской поэзии, а язык французской поэзии стал «латынью современности».

Но если латынь была нейтральным инструментом, то французский язык давал преимущество одной из европейских стран. Одну из самых радикальных революций в истории западного христианства совершили главные соперники французов, объединившиеся в 1707 году в Королевство Великобритания: изобретение Макферсоном «шотландского Гомера» стало международной литературной сенсацией, источником вдохновения для гердеровской филологической революции и образцом для бесчисленных подражаний.

Исландские саги, «Песнь о Роланде», «Песнь о Сиде», «Песнь о Нибелунгах», «Беовульф» и прочие подобные тексты были извлечены из библиотек и возведены в ранг национальных сокровищ. «Слово о полку Игореве» было вовремя найдено, некоторые другие рукописи — более или менее искусно подделаны, а бытовавшие устно сказания — записаны и в той или иной форме опубликованы. В Финляндии врач по имени Элиас Лённрот написал «Калевалу», в Эстонии врач по имени Фридрих Крейцвальд написал «Калевипоэг», а в Латвии офицер русской армии по имени Андрей Пумпур написал «Лачплесис». Все они говорили от лица нации. «Калевала» содержал значительное число переработанных цитат из народных песен, «Калевипоэг» — незначительное, а в «Лачплесисе» их не было вовсе. Все эти тексты, как и многие другие, подобные им, лежат в основании национальных канонов и продолжают генерировать новые версии и интерпретации, став в некотором смысле фольклором.

Но большинство новых и обновленных европейских наций последовали примеру Англии, канонизировав не текст, а писателя Нового времени, величие которого равно величию его творений или значительно превосходит его. Первым современным бардом стал бард первой современной нации: канонизация Шекспира началась с научных изданий его сочинений в 1710-е, проникла в школьное образование в 1720-е, въехала в виде бюста в Вестминстерское аббатство в 1741-м и превратилась в полнокровное бардопоклонство в ходе экстравагантного шекспировского юбилея 1769 года — с речами, декламацией, пушечными салютами, звоном колоколов, открытием памятника и перетягиванием каната между двумя командами шекспировских героев.

Три года спустя во Франции по инициативе Вольтера прошли первые мольеровские торжества. В течение последующих полутора веков у большинства европейских наций появились свои собственные национальные поэты и породившие их (или порожденные ими) золотые века. Итальянцы и грузины обратились к Средним векам, выбрав Данте и Руставели. Испания, Португалия и Голландия стали нациями эпохи Возрождения и канонизировали имперскую ностальгию, выбрав Сервантеса, Камоэнса и Вондела.

Но большинство стран нашли национального поэта среди ныне живущих или недавно умерших. Гёте и Шиллер в Германии, Андерсен в

Дании, Бёрнс в Шотландии, Йоунас Хадльгримссон в Исландии, Маха в Чехии, а также Пушкин, Мицкевич, Петёфи, Эминеску и Шевченко были коронованы при жизни или вскоре после смерти. Некоторые поэты шли по пути Вергилия и сознательно старались стать Гомерами (или шли по пути Камозэнса и сознательно старались стать Вергилиями). Некоторые переводили с этой целью Гомера, Вергилия, Шекспира и других канонических поэтов. Многим помогла романтическая репутация и ранняя, часто насильственная смерть; все они стали объектами культа до официальной канонизации. Почти во всех случаях официальная канонизация начиналась с открытия памятника и окончательно оформлялась в системе образования.

Поскольку большинство национальных культур основано на культе родной речи, почти все культурные святые — писатели, известные как родоначальники или реформаторы национального языка и литературы. Но есть и исключения. В Финляндии партнером «Калевалы» и главным культурным героем национального возрождения является Сибелиус, в Польше Шопен не отстает от Мицкевича, а в Чехии Сметана и Дворжак конкурируют с Махой. В Голландии иконография золотого века представлена в первую очередь в живописи, и со временем первенство перешло от поэта Вондела к Рембрандту. В Италии Рафаэль и Леонардо ни в чем не уступают Данте. Все эти синкретические каноны — разновидность традиционных ритуальных действий, в которых сочетались слово, музыка, танцы, маски и различные украшения. Но как в аграрную, так и в индустриальную эпоху во главе канона находится текст, а в центре национальных систем образования — чтение. Ни искусствоведение в Италии и Голландии, ни музыковедение в Чехии и Польше не являются обязательными предметами, а литература наряду с историей является. Причем школьные программы по истории обычно вплетают отечественную историю в некоторую версию всемирной истории, в то время как литература остается преимущественно или исключительно «родной». Музыка и живопись относительно мобильны, литература привязана к языку.

Главным исключением стали, как это часто бывает, родоначальники и ранние фавориты. Франция замечательна тем, что ни один из их кандидатов не одержал решающей победы. Большинство новых канонов были направлены против французской культурной гегемонии, романтизм противопоставлял себя французскому классицизму. Во Франции потребность в доморощенном Гомере не ощущалась столь остро. Отчасти по этой причине французская элита не смогла достичь консенсуса: несмотря на пышные юбилеи и массовые кампании, Рабле так и не стал французским Сервантесом, Мольер — французским Шекспиром, а Гюго — французским Пушкиным. Политическая цена оказалась слишком высокой, а раскол внутри элиты — слишком глубоким. Французская революция еще не кончилась.

А общеевропейская революция национализации — одновременно антифранцузская и антихристианская — к началу XX века в основном завершилась. Бывшие западные христиане перестали читать одни и те же книги. Английский термин *Christendom* («христианский мир») вышел из употребления еще в XVIII веке; на смену ему пришла «Европа» с размытыми восточными границами. У каждой нации был свой пантеон, свой национальный поэт и своя система образования, построенная на национальном каноне. Роль скреп играли национальные писатели основных западноевропейских государств (в первую очередь Шекспир, Данте, Гёте и Сервантес) и разрозненные остатки греко-римского канона. Причем скрепы эти, в отличие от христианских, ограничивались подготовкой элит.

В конечном счете рукописные священные тексты аграрных монархий сменились печатными литературными канонами национальных государств. Произошел возврат к племенному язычеству, причем интересно, что хотя революция эта была преимущественно буржуазной, роман — главный жанр европейской буржуазной культуры — очень слабо представлен в национальных пантеонах. В центре большинства канонов находятся формы, пришедшие из устной культуры: драма, эпос и лирическая поэзия.

Западная элита распалась на неравные единицы. Словенцы построили свою национальную культуру на культе поэта Прешерна, но мало кто за пределами Словении когда-либо о нем слышал. С другой стороны, самый главный раскол христианской Европы наконец был преодолен. Культы Шевченко и Эминеску структурно и функционально аналогичны культуам Сервантеса и Шекспира. Памятники Пушкину в Москве и Камюэнсу в Лиссабоне были открыты одновременно, в июне 1880 года. И в той, и в другой церемонии участвовали тысячи правоверных читателей. И тот, и другой поэт универсальны, потому что национальны. И тот, и другой создали национальный литературный язык и выстроили вокруг себя национальный золотой век. И того, и другого читают — и почитают — в школе и дома.

Впрочем, у Пушкина есть одна особенность. Прешерна не знают за пределами Словении, поскольку о ней за ее пределами вообще мало что известно. Что касается крупных и способных к национальной экспансии культурных сообществ, то они обычно успешно продвигают своих героев, будь то Шекспир или Гёте. Постхристианский литературный канон (там, где он еще существует) в основном состоит из сыновей великих держав, и Россия в нем хорошо представлена — но не Пушкиным. Это делает нашу любовь к Пушкину еще более страстной и интимной: мы его понимаем, а иностранцы — нет.

Впрочем, они понимают саму идею национального поэта, даже если не одобряют наш выбор. Европейская экспансия сопровождалась почти повсеместным распространением литературных культов и канонов: от

Дан Во (Danh Vo). Мы, люди. Фрагмент. 2011–2016

Тагора в Бенгалии до Нгуена Зу во Вьетнаме и Хосе Рисаля на Филиппинах. В Иране возросла интенсивность культа «Шахнаме» Фирдоуси, а в Китае канон в начале XX века расширился за счет новой художественной прозы. В Латинской Америке к сохраняющимся культам Сервантеса и Камоэнса присоединились культы Хосе Марти, Пабло Неруды, Габриэля Гарсиа Маркеса и других. Друг Бродского, Дерек Уолкотт, получил Нобелевскую премию за гомеровский эпос об острове Сент-Люсия.

В сегодняшнем мире культурные сообщества, располагающие сакральными письменными традициями, можно разделить на три основные категории. Первая — национальные государства со своими литературными канонами, национальными эпосами и поэтами. Вторая — сообщества, объединенные священными писаниями, которые так или иначе связаны с фигурами пророков, учителей, сказителей и законодателей. Какие-то из этих традиций (в т.ч. китайская, индийская, иудейская, буддистская, христианская и исламская) подпадают под макнилловское определение цивилизации, какие-то по причине их малого размера не подпадают. Какие-то принято называть религиями, какие-то — нет. К текстам, объединяющим такие сообщества, можно отнести собрания сочинений Маркса и Энгельса, которые в XX веке конкурировали с пророческими и национальными канонами. Тексты, приписываемые харизматичным правителям XX века, в том числе «Краткий курс истории ВКП(б)» Сталина, «Маленькая красная книжица» Мао, «Зеленая книга» Каддафи и «Рухнама» первого президента Туркмении Ниязова, функционировали как священные писания, но не пережили своих авторов. Наконец, третья категория — общества, организованные вокруг культа легально-политических документов. Здесь речь идет еще

об одной революции в истории бывшего латинского христианства. Государство, образующее сегодня центр современного Запада и производящее его основные мифологемы, является мессианско-политическим, а не национальным. США импортировали некоторые элементы бардопоклонства бывшей метрополии и предприняли несколько попыток создать собственный канон («Песнь о Гайавате» Лонгфелло написана в размере «Калевалы», а некоторые авторитеты активно лоббировали канонизацию Марка Твена, в первую очередь сам Марк Твен), но фундамент национальной культуры США образуют политические тексты: Конституция и Декларация независимости. Отсутствие племенной и культурной однородности компенсируется демонстративным поклонением политическим институтам и символам. Вернее, компенсировалось до недавнего времени.

Американские университеты отказались от христианско-классического канона примерно в одно время с европейцами. Но вместо того чтобы заменить его литературным пантеоном (нетрудно представить себе Лонгфелло в роли Пушкина, а Марка Твена и Мелвилла в роли Толстого и Достоевского), они учредили курсы по истории западной цивилизации, понимаемой как предыстория американского либерализма. Списки рекомендованной литературы включали в себя Библию короля Якова, отдельные греческие и римские тексты в переводе, классиков европейской философии, начиная с Платона, и избранные места из крупнейших европейских литературных пантеонов. В подавляющем большинстве таких списков американской литературы не было. В отсутствие формализованного национального канона в школах большее место, чем в Европе, занимала латынь, а в домах — Библия.

После Второй мировой войны США встали во главе так называемого свободного мира, сильно расширившего бывший христианский мир и западную цивилизацию, но организованного по-прежнему вокруг «атлантического» ядра. Под влиянием американской модели часть западноевропейских элит стала двигаться в сторону общезападной политической риторики, но после культурной революции и деколонизации 1960-х годов и победы романтического антилиберального мультикультурализма в 1980–1990-е годы и она начала размываться. На смену «свободному миру» пришла универсальная идеология прав человека, то есть идея распространения американского (изначально протестантского) либерализма на все человечество. Роль сакрального текста стала играть Всеобщая декларация прав человека и другие морально-юридические документы.

Однако вскоре ситуация снова изменилась. Сегодняшний Запад, с одной стороны, называет себя международным сообществом, соразмерным всему человечеству, а с другой — представляет собой военно-экономический союз, направленный против тех, кто (по малопонятным причинам) выступает против него. Союз этот, что очень важно,

объединяет под одной крышей два чуждых друг другу мира: этнический национализм государств Новой (или Восточной) Европы, опирающихся на романтические национальные каноны образца XIX века, и космополитизм Старой Европы, в первую очередь протестантской, а также США и других бывших колоний британских поселенцев, культивирующий этническую солидарность внутренних меньшинств и вновь прибывающих мигрантов в рамках делегитимации собственных исторических сообществ (в том числе национальных пантеонов, сакральных политических текстов и того, что осталось от общезападного литературного канона).

Все это очень похоже на Советский Союз 1920-х годов: коренизация ранее угнетенных народов и денационализация русского ядра империи. «Великодержавный шовинизм» преодолевался при помощи самодисциплины и пролетаризации; национализм угнетенных — при помощи национального строительства со стороны государства. Но в советском случае эта политика была чисто инструментальной и декларировалась как временная. Уступки национальной форме должны были привести к росту социалистического содержания, вплоть до полного отмирания наций и государства при коммунизме.

На Западе сто лет спустя сочетание сакрального национализма окраин и запретного национализма ядра не встроено ни в какую внятную идеологию будущего братства и ограничивается самоочищением и институциональным ограничением носителей унаследованных привилегий. В этом контексте чрезвычайно продуктивной оказалась победившая в Германии идеология национальной вины, построенная на сочетании христианской и фрейдистской исповедальности. Впервые в истории общества ритуально объединяются, не празднуя победы и оплакивая поражения, а любясь на себя в зеркале коллективного раскаяния. И в то же самое время ритуально разъединяются, отказывая себе в общем прошлом и подразделяя граждан на группы, имеющие и не имеющие права на племенную солидарность. (И одновременно, тоже впервые в истории, деконструируют деление человечества на мужчин и женщин.) Глобализация требует жертв. Вернее, глобализация требует победы коллективного Запада и вместе с тем создания на месте коллективного Запада автономных, взаимозаменяемых, ничем не связанных индивидов.

Итак, на смену рукописным священным текстам аграрных монархий пришли печатные литературные каноны национальных государств и сакральные легально-политические тексты колоний поселенцев, а те, в свою очередь, сменились артефактами и цифровыми технологиями, не привязанными к определенным ограниченным сообществам. Жители западных метрополий перестали быть «людьми писания», как это называется в Коране. Западная цивилизация перестала быть осмысленным понятием и предметом изучения. Запад есть, а слова нет.

Йинка Шонибаре (Yinka Shonibare). Схватка за Африку. 2003

Тем временем идеологические оппоненты Запада — Китай, Иран, Индия, исламский мир — остаются чрезвычайно сплоченными в макнилловском смысле цивилизациями, спаянными книгами, которые члены этих сообществ продолжают читать в школе и дома. При этом существенно, что на Западе эти тексты в круг школьного чтения не входят. Глобализация означает включение голосов внутренних меньшинств и иммигрантов, но не образцов других цивилизационных канонов. Ни «Рамаяна», ни «Беседы и суждения» Конфуция, ни Коран, ни «Шахнаме», ни «Сон в красном тереме» в списки рекомендованной в школах литературы не входят. Глобализация глубоко провинциальна.

Что касается России, то русский литературный канон без труда победил марксизм и по сей день отлично себя чувствует (насколько я могу судить, не живя в России). В соревновании с «Евгением Онегиным» у Маркса и Ленина не было никаких шансов. К началу 1930-х годов советская система образования этот факт признала и больше не оспаривала, не говоря уже о советских читателях, начиная с тов. Сталина. В том, что касается литературного канона, Россия больше всего похожа на восточноевропейские этнократии, но есть одно отличие: наш Пушкин лучше всех.

Владимир Гельман.
*Авторитарная
 Россия. Бегство от
 свободы, или Почему
 у нас не приживается
 демократия.*
 М.: Говард Рорк, 2021.
 336 с.

Ретроградные физиономии

*Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить?
 Я скажу, что свету провалиться,
 а чтоб мне чай всегда пить.*

Федор Достоевский

Книга Владимира Гельмана, одного из лучших российских политологов, была написана и издана еще до начала «спецоперации» России в Украине. Я не знаю, изменил ли бы автор свою диагностику сейчас, после того как российский авторитарный режим предстал перед исследовательским сообществом — да и не только перед ним — в новом, весьма неординарном свете. Честно говоря, сам я не думаю, что в этом насыщенном и пронизательном тексте нужно что-то менять; в конце концов, современные эксцессы — всего лишь закономерный венец той эволюции, которую посткоммунистическая Россия претерпела за последние тридцать лет и которая мастерски представлена в книге. Кроме того, кто же мог предвидеть происходящее ныне? Сам Гельман вполне трезво отдает себе отчет в том, что прогностические функции политологического знания изрядно переоценены: «Хотя для специалистов в области социальных наук нет, кажется, более востребованной деятельности, нежели прогнозирование будущих событий и процессов в стране и мире, и от политологов широкая публика ожидает прежде всего прогнозов, их познавательная ценность крайне сомнительна» (с. 281). Иными словами, любое политологическое описание действительности заведомо неполно; а раз так, то исправлять или дополнять уже написанное — бессмысленное дело.

Действительно, провидеть политические процессы наперед невозможно, поскольку никакие умственные силы не позволят составить такую математическую модель, которая учитывала бы абсолютно все факторы, предопределяющие будущность той или иной ситуации. И что, наверное, самое главное, вопреки всем высокоумным рассуждениям о рациональном выборе, агентах и принципах, а также дилеммах коллективного действия, ни один политолог

не в состоянии узнать, что происходит в премудрой голове той или иной «великой личности» и на какие пароксизмы своеволия эта личность будет способна, особенно если ей удастся полностью отвязаться от общества. В принципе, о наличии подобной проблемы политическая наука хорошо и давно знает. Так, сопоставляя демократические системы с авторитарными, автор отмечает, что если демократии научились блокировать монополизацию власти худшими из своих политиков, то автократии вопиюще уязвимы перед лицом подобных рисков: «Многим из них (особенно персоналистским автократиям) не присуща “защита от дурака”» (с. 34). Это важно, поскольку в последнее время дураки тучно слетаются на власть даже в тех системах, которые уже основательно привыкли к народоправству (вспомним хотя бы США недавней поры, да и некоторые другие западные демократии тоже). И вот уже почти и не сказка: живешь себе более или менее спокойно и беззаботно, как вдруг ни с того ни с сего, говоря словами великого писателя, преданного монархиста и чуткого исследователя человеческого своеволия Федора Достоевского, «среди всеобщего будущего благоразумия возникнет какой-нибудь джентльмен с неблагородной или, лучше сказать, с ретроградной и насмешливою физиономией, упрет руки в боки и скажет нам всем: а что, господа, не столкнуть ли нам все это благоразумие с одного разу, ногой, прахом, единственно с тою целью... чтоб нам опять по своей глупой воле пожить!» («Записки из подполья», VII). К сожалению, модели неограниченной власти, со временем неминуемо дичающие из-за вседозволенности, в изобилии плодят таких «джентльменов» большего или меньшего калибра. «Это бы еще ничего, но обидно то, что ведь непременно последователей найдет: так человек устроен», — добавляет классик тут же. И это чистая правда, сторонников могут быть целые миллионы.

Собственно говоря, все повествование Гельмана именно об этом. Он методично и скрупулезно препарирует нескладного российского Левиафана (автор самолично признается в любви к медицинским метафорам), показывая, что и откуда у этого чудища взялось. Неспособность России совладать с демократией была ожидаемой по целому ряду причин, но самой главной из них, по мнению автора, оказалась незаинтересованность посткоммунистических элит в утверждении демократических правил игры. Это понятно: извлечение нефтегазовой ренты гораздо удобнее без таких обременений, то есть в той здоровой атмосфере, когда парламент не галдит, радио и телевидение продвигают только правильные вещи, а нормальной оппозиции нет вообще. Сделав подобное открытие, автор вынужден с грустью заключить: «Российские правящие группы управляют страной для того, чтобы расхищать ее как можно дольше и как можно больше» (с. 93). Неудивительно, что на каждой исторической развилке наши элитные группировки выбирали «поворот не туда», сворачивая не поближе к демократии, а прочь от нее. Причем важно

подчеркнуть, что эту дорогу начали столбить отнюдь не вчера и даже не позавчера: это случилось два десятилетия назад, когда Борис Ельцин, первый президент «свободной России», назначил себе преемника.

Гельман не церемонится с Ельциным: по его мнению, свердловский обкомовец вообще не понимал, что такое демократия и как она работает, а под «демократа» его подверстали бесшабашные августовские путчисты. С этим трудно спорить, поскольку о несостоятельности Ельцина как демократического лидера безапелляционно говорят как минимум два факта: во-первых, спланированный и осуществленный им разгон легитимно избранного депутатского корпуса в 1993 году, который к тому же сопровождался стрельбой в Москве, а во-вторых, его политическое завещание, через несколько лет представившее России молодого и энергичного местоблюстителя президентского кресла. Уже после двух этих вещей, грузно лежащих на совести Бориса Николаевича, на дрейфе России к демократии можно было ставить крест. Ведь по-настоящему демократические лидеры свои парламенты из танков не расстреливают, а теневому преемству предпочитают гласные выборы с неясным и негарантированным исходом.

Все остальное было следствием этих родовых травм. В заключительной части книги, ругательски изругав нынешний российский режим, автор все же подбрасывает читателю что-то вроде надежды. Тот факт, что демократии в России никогда не было, по его словам, вовсе не означает, что ее никогда и не будет. Это, разумеется, утешение, хотя, по правде говоря, довольно слабенькое. Изъян его обусловлен тем, что подобная перспектива противоречит магистральному тренду, который обозначается современными учеными-политологами как «третья волна авторитаризации»: сегодняшний мир, вступивший в полосу давно невиданной турбулентности, возлагает растущие надежды на диктаторов и автократов, наделяя их все большей властью, и в результате «ретроградные физиономии» лезут практически из всех углов. И наше общество шагает здесь в ногу со временем. Соответственно, часть суши, обитатели которой продолжают наслаждаться демократическим правлением, социальным государством и либеральными ценностями, сжимается подобно ослиной шкуре из известного романа. Кроме того, Гельман отдает себе отчет и в том, что российский авторитаризм, и без того особенный во многих отношениях, обладает в придачу ко всему ядерным оружием, а это не может не сказываться на политических процессах как в самой стране, так и вокруг нее. Наконец, даже если бы всего упомянутого оказалось маловато, чтобы напрочь отвадить последних оптимистов от демократических надежд, то начало повторного освобождения украинской земли от нацизма безоговорочно поставило жирный крест на остатках либерального прекраснодушия, столь неподобающего моменту.

Фотография протестной акции в Москве. 2021 г.

А поэтому давайте прекратим фантазировать, приняв как печальную аксиому то, что Россия и впредь на обозримую перспективу останется авторитарной, причем при любом раскладе — и в том случае, если соседские бандеровцы будут посрамлены и повержены, и в том случае, если им все-таки удастся уцелеть перед гневом российского правителя и его верного народа. Возвращаясь в начало рецензии, стоит повторить: книга Гельмана настолько хороша, что даже после 24 февраля в ней не нужно переписывать ни одной строчки, несмотря на то, что нынешнего сюрреализма автор, разумеется, не мог даже и представить. Как, впрочем, и любой из нас. Начинается эпоха своеволия, в которой бывшие правила пристойной политики не значат почти ничего. Отныне все будут заваривать собственный чай — вот только бы в итоге свет и в самом деле не провалился бы.

Андрей Симбицев

*Дмитрий Травин,
научный руководитель
Центра исследований
модернизации
Европейского
университета
в Санкт-Петербурге*

От Ельцина до Путина.

Два взгляда в прошлое из нашего времени

Две вышедших почти одновременно книги. Обе написаны журналистами. И обе посвящены долгой эпохе формирования современной России. Но написаны они совершенно по-разному. В одной — много сомнительных фактов, но много и увлекательного чтения. В другой — все факты известны, проверены, обдуманы, но автор сторонится скандальных политических интриг, предпочитая медленно и кропотливо рисовать картину преобразований.

Странные мемуары Валентина Юмашева

Книга Ильи Жегулёва «Ход царем. Тайная борьба за власть и влияние в современной России от Ельцина до Путина» (М.: Говард Рорк, 2022. 365 с.) получилась довольно странной. По большому счету это даже не неожиданная книга журналиста Ильи Жегулёва, а давно ожидавшиеся мемуары политика Валентина Юмашева, известного тем, что он был главой администрации президента Бориса Ельцина и одной из тех крупных фигур, что привела на президентский пост Владимира Путина. Жегулёв подробно записал все, что рассказал ему Юмашев, но при этом добавил кое-что из своих собственных политических расследований.

Прочсть «Ход царем» было бы, конечно, любопытно каждому, кто интересуется политикой. Не заскучаешь. Но как к этой книге относиться по прочтении, непонятно. Мемуары Юмашева, как любые мемуары политического деятеля столь высокого ранга, стали бы тем важнейшим документом, который серьезные исследователи в будущем использовали бы для написания истории современной России. И Юмашев вполне мог бы мемуары своей рукой написать, благо в прошлом он сам был журналистом и подготовил для

Ельцина три тома президентских мемуаров. Но вот возникает вопрос: почему для Ельцина он их сделал, а для себя не смог? Удивительно. И даже печально, поскольку «мемуары Юмашева» в изложении Жегулёва следует признать документом лишь с оговорками. «Мемуарист» может в случае чего сказать, что журналист не так его понял или даже специально исказил какую-то мысль. И историк не сможет ни один приведенный в книге факт в полной мере считать фактом «от Юмашева», т.е. от непосредственного участника событий.

Впрочем, поскольку никаких сенсаций это увлекательное чтение не содержит, то вряд ли все же можно счесть большой бедой появление посредника между мемуаристом и читателем. Я лично, как только купил книгу, сразу взялся за главу, описывающую приход Путина к власти, и ничего принципиально нового для себя там не обнаружил. Все приведенные факты давно известны, а объяснение причин прихода к власти Путина вряд ли можно счесть удовлетворительным. Сохраняется ощущение, что главное по-прежнему от нас скрывают. И в общем-то ничего удивительного в этом нет: не лучшее сейчас время для того, чтобы без всяких умолчаний раскрывать суть событий 1998–2000 гг. Нынче и за раскрытие гораздо менее значимых тайн можно головой поплатиться.

Если кратко, то, согласно Юмашеву и Жегулёву, кроме Владимира Путина в качестве преемника просто некого было предложить нашей стране. Мол, для России это оказался лучший вариант из всех возможных в середине 1999 г. Борис Немцов тогда не смог бы выиграть выборы из-за предшествующих скандалов, а Евгений Примаков, Юрий Лужков или Геннадий Зюганов были плохи по целому ряду причин.

Увы, подобное объяснение может счесть убедительным лишь самый невзыскательный читатель. Дело в том, что в реальной политике любое крупное назначение становится результатом острой политической борьбы. А уж «назначение» президентского преемника тем более. Даже книга Жегулёва (и этим, кстати, она хороша) вся выстроена на демонстрации острейшей борьбы за власть, происходившей как до, так и после «назначения» преемника. Автор показывает разные группы влияния с разными стратегическими целями и механизмы принятия решений — иногда жестких, иногда компромиссных. И лишь при анализе появления Путина на самом вершине властной пирамиды ничего подобного Юмашев с Жегулёвым нам не демонстрируют: само собой как-то все получилось с «назначением» царя.

На страницах 185–186 строка за строкой идет какая-то невероятная для такой в целом весьма серьезной книги чушь. «Происходившее в России в августе 1998 года Кремль воспринимал как катастрофу, и Степашин с ее последствиями явно не справлялся». Что имеется в виду? Что Степашин должен был разгрести авгиевы конюшни политического и экономического кризиса за те три неполных месяца, что находился на посту премьера? Такой вывод можно втюхать читателю «Комсомольской

правды», но в серьезной книге это выглядит нелепо. Ни Ельцин, ни Юмашев, ни Волошин не могли ожидать от Степашина результатов за такой короткий срок. Ясно, что сняли его не за ошибки. А за что? Нет ответа.

«Волошин говорит, что не помнит, кто именно предложил Ельцину Путина. Понятно, что это было совместное решение». Невозможно не помнить такое. Это абсолютно исключено. Подобные судьбоносные для жизни страны решения принимаются после тщательного анализа и перебора возможностей. Тот, кто предложил Путина, должен был обосновать эту кандидатуру и в реальной действительности столкнуться с целым рядом вопросов (если не возражений), поступивших от соратников. В итоге после обсуждения все наверняка запомнили бы, кто Путина предложил. Но Волошин, увы, предпочитает не помнить. Почему? Нет ответа.

«По словам одного из тех, кто принимал тогда решение, так получилось, что и выбора особенного не было. <...> То есть Путин — от безысходности». Что за странный вдруг оборот появляется — «одного из тех, кто принимал решение»? Его принимали Ельцин с дочерью, Юмашев и Волошин. Это всем известно и в данной книге не опровергается. Трое из них (кроме покойного Ельцина) беседовали с автором книги и не укрывались за словами «один из...». Почему кто-то в данном случае все же укрывался? Или был еще один человек, который участвовал в принятии судьбоносного решения, но так и остался в тени? Нет никакого ответа.

Читаешь — и кажется, будто листы из книги вырваны в самом интересном месте. Причем вырваны не слишком аккуратно: клочки бумаги торчат, но что они от нас скрывают, узнать уже невозможно. Поэтому если вы все же хотите книгу эту купить, то читайте ее спокойно, с самого начала и без надежды на сенсацию. При таком чтении кое-что интересное в ней обязательно обнаружится.

Для меня наиболее познавательным был откровенный рассказ о том, как живут сильные мира сего после отставки, если ничего не наворовавали. «Семью Юмашевых обеспечивают друзья. Благодаря им Юмашевы живут безбедно, фактически не имея источников дохода. Деньги им дают просто так» (с. 334). Дальше подробно рассказывается о том, кто и как давал, причем Юмашев предоставляет читателю даже теоретическое обоснование такого благородного поведения друзей. «Пока они зарабатывали, я пахал и не зарабатывал ничего. У меня возможности такой не было, поскольку я был человеком на госслужбе. <...> Я пытался помогать создавать в стране нормальную атмосферу для развития тогда еще молодого бизнеса. Например, чтобы на них не лезли без причины и без повода силовики» (с. 335).

Эта логика может выглядеть странной в глазах тех, кто за каждую копейку дерется, но мне представляется, что так примерно в нашей жизни

и бывает. Бывший политик получает синекуру, на которой очень богатым не станешь, но жить безбедно можно. Юмашев, правда, отрицает, что продолжал, получив финансовую поддержку, решать для друзей какие-то вопросы, пользуясь своим влиянием, и это мне уже кажется сомнительным. Обычно бывшие политики «мелкие услуги» своим щедрым друзьям все же оказывают. Но как было в данном случае, судить не будем.

Тот, кто мало читал о «тайной борьбе за власть и влияние в современной России», найдет для себя еще много интересного в книге «Ход царем». Тот, кто читал много, скорее всего, пролистнет за ненадобностью те страницы, которые не содержат изложения ненаписанных мемуаров Юмашева. Но в целом книга Ильи Жегулёва говорит нам о том, что не настало еще время для обстоятельного анализа той эпохи, которая началась с подбора преемника в 1998–1999 гг. Главные политические игроки помалкивают либо на ключевые вопросы отвечают лишь общими словами. Риски для них слишком высоки. Чрезмерная разговорчивость может вызвать весьма неприятные последствия, причем лишение должностей, синекур и разнообразных доходов — это еще не самое страшное, что может произойти.

Хроника пореформенной жизни

Фундаментальный том Дениса Терентьева «Россия. Книга перемен. 1990–2020. Как мы менялись от “Макдоналдса” до коронавируса» (СПб.: Петербург — XXI век, 2021. 752 с.) совсем не похож на «Ход царем». Терентьев написал хронику нашего пореформенного тридцатилетия, выделив в каждом из прожитых Россией лет ряд важнейших событий, о которых сегодня следует вспомнить.

Много лет назад я сам написал книгу, выстроенную подобным образом («Очерки новейшей истории России. 1985–1999»). Это была попытка показать, как развивался процесс реформ в те годы, когда преобразования у нас действительно осуществлялись. Но в той моей книге был сделан явный акцент на анализе разных экономико-политических событий. Будничная жизнь страны оставалась «за бортом». Моя книга была посвящена скорее жизни элит, определяющих ход перемен, чем жизни народа, который в эти перемены должен вписаться. И хотя книга получилась неплохая, я сразу подумал, что у какого-нибудь историка 2050-х гг., не видевшего судьбоносных лет своими глазами, она может создать однобокое впечатление. Денис Терентьев написал, по-моему, книгу, в которой дается иной взгляд на вещи. В ней не так уж много анализа тех процессов, которые трансформировали Россию, но очень много того важного «фона», на котором шли перемены.

Вот, например, многолетний телевизионный проект «Дом-2». О нем много знают обыватели, но мало пишут серьезные аналитики. Велика

вероятность, что этот феномен исчезнет из поля зрения историков будущего. А ведь «Дом-2» за 16 лет накрутил около 6 тысяч выпусков. Это мировой рекорд, который вряд ли когда-нибудь падет» (с. 377–378). Без исследования подобных явлений мы никогда не поймем нашего общества. «Дом-2», — иронично отмечает Терентьев, — стал символом русской застенчивости — смотрят все, но никто не признается» (с. 379).

Автор «Книги перемен» — не специалист в телевидении и массовой психологии. Сам он дает о «Доме-2» лишь краткий очерк, напоминая читателю, чем было это явление, и приводя отдельные шокирующие фразы участников программы. Но такое напоминание очень важно. Если писать лишь о событиях, происходящих в «верхах», Россия «низов» так и останется непознанной.

А вот пример из жизни «верхов», которые, правда, по своему восприятию мира удивительным образом сливаются с «низами». Очерк о так называемом «путинском гламуре» и его забытом уже нынче символе Оксане Робски. Переход от эпохи непрехотливых «братков» «лихих девяностых» к эпохе, когда эти братки или их жены с детишками хотят выглядеть аристократами, тоже является важнейшей проблемой для понимания современной России. «Каждая третья девушка, которая звонит в службу психологической помощи, жалуется на то, что никак не может найти богатого мужа. Но это прекрасный антидот против классовой ненависти», — справедливо отмечает автор книги, демонстрируя тем самым связи проблематики гламура с проблематикой социально-экономического устройства общества.

Старые проблемы исчезают, зато появляются новые. Один из очерков книги Дениса Терентьева посвящен майору милиции Евсюкову, перестрелявшему спяну людей в 2009 г. Это ведь была не случайность, а одна из важнейших черт пореформенной России. «За первые 8 лет XXI века в России осуждено 14 тысяч милиционеров, в том числе 634 за убийства» (с. 476). Государственная структура, которая поглощает большой объем бюджетных денег под тем предлогом, что общество необходимо защищать, сама становится опасна для общества.

Есть много такого рода острых примеров в «Книге перемен». Ее, наверное, трудно читать подряд: от корки до корки. Книга напоминает скорее энциклопедию проблем, с которыми столкнулась Россия за последние тридцать лет, чем целостное повествование, которое хочется быстро изучить целиком. Но мне думается, что подобную энциклопедию наших успехов и неудач надо иметь в своем книжном шкафу. И время от времени надо обязательно к ней возвращаться. Поскольку то, с чем мы будем сталкиваться в следующее тридцатилетие, во многом определяется событиями прошлого.

23 апреля 2022 г. у памятника Свободы в Риге прошел митинг «Русский голос против войны». Представители русскоязычного сообщества Латвии собрались, чтобы выступить против вторжения Российской Федерации в Украину.

59-й день войны

С момента вторжения Российской Федерации в Украину прошло 58 дней. Сегодня 59-й день войны.

Я надеюсь, каждый из нас понимает, что война в Украине и наше участие в ней — это не спринт, а марафон. Это тяжелая борьба людей за свободу, жизнь, свою землю.

Трагично и почти невыносимо то, что здесь, в центре Европы, происходит геноцид, преднамеренное уничтожение нации, убийства, пытки, изнасилования женщин и детей, депортация людей на территорию страны-агрессора, разрушение городов.

Война в Украине высветила также то, чего Латвия не сделала. У нас нет сплоченного, единого общества. Чтобы такое общество стало реальностью, мы должны много работать.

Единство нации — это когда нужды народов страны уважаются, принимаются и ценятся. Способность Латвии к диалогу и сотрудничеству — это наша задача и наша ответственность.

Защищая Украину, мы должны говорить с русскими людьми по всему миру и стараться рассеять туман в их головах, связанный с кремлевской пропагандой. Люди не должны соглашаться быть частью этого варварства и насилия. Надо целенаправленно разъяснять людям всю ложь и лицемерие этой пропаганды.

Призываем всех политических лидеров использовать свою власть и по возможности активно защищать Украину.

Единая нация рождается в результате тесного сотрудничества, на основе общих человеческих ценностей, доверия, заботы, а не исходя из разделения на «мы и они». Лозунгов недостаточно — мало сказать, что у нас есть общие ценности. Мы должны думать о том, как мы будем реализовывать эти ценности изо дня в день!

Мы должны выйти из зоны комфорта. Будет неудобно. Будет трудно сначала. Но это даст нам возможность расти и стать другими, это сплотит нас и приведет к единению.

*Илзе Дзеновска,
медиатор, эксперт
по разрешению
конфликтов,
магистр по
вопросам мира и
справедливости*

*Чулпан Хаматова,
актриса*

Совесть, благородство и достоинство

У меня это премьера — я первый раз выступаю на митинге. Я не умею этого делать. Я умею хорошо говорить чужие тексты, присваивать их, чувствовать их.

Я не очень хорошо умею формулировать и говорить свои тексты. Но зато я умею чувствовать. И сегодня, как и многие люди, я чувствую невероятную боль. И с этой болью невозможно справиться. Невозможно представить себе, что чувствуют сейчас украинцы. Невозможно жить дальше и делать вид, что жизнь продолжается.

Это митинг «Нет войне!» И, конечно же, нет войне. Потому что «да» войне не может быть априори. Ни под каким видом никогда не может быть «да» чужому горю, чужой боли, чужой смерти, чужим ранениям и бедам детей. Этого не может быть! Это — какое-то искажение реальности, в которую попала моя родина. Такого не может быть!

Я точно знаю, что в России достаточно большое количество людей, которые чувствуют так же, как я. Многие, у кого была такая возможность, уехали. У кого нет такой возможности — остались, но продолжают чувствовать горе и боль за все то, что сейчас происходит в Украине, за эту бесчеловечную войну, которую начала Россия. (Меня поправили: не Россия, а Владимир Путин и российская власть.)

Но я — тоже Россия. Это моя страна, моя родина, и я ее очень люблю. Я — тоже часть этой страны. И я категорически не приемлю того, что от моего имени сейчас делает моя родина. Я призываю [нашу] новую «алию» — людей, вынуждено уехавших из России, — помогать друг другу, быть вместе, протягивать друг другу руку помощи, формировать другое представление о русских, о русской культуре за пределами нашей родины.

Я очень благодарна Латвии за эту возможность, за то, что мы здесь, что мы в безопасности. За то, что я могу стоять на этой сцене и говорить о том, что я чувствую, не боясь никаких последствий. Я, конечно, боюсь последствий, потому что у меня в России — наш любимый фонд «Подари жизнь». И от каждого моего выступления в свободном пространстве к ним туда прилетают толпы хейтеров и волны агрессии. Но тем не менее я не могу молчать, не могу носить в себе эту боль и делать вид, что ничего не происходит.

Спасибо вам большое! Простите за эту сумбурную речь. Я прочитаю «чужой» текст — прекрасного Булата Окуджавы.

*Совесть, благородство и достоинство —
вот оно, святое наше воинство.*

*Протяни ему свою ладонь,
за него не страшно и в огонь.*

Лик его высок и удивителен.

Посвяти ему свой краткий век.

*Может, и не станешь победителем,
но зато умрешь как человек.*

*Виктория Матисон,
художница*

Слова победы

Мы наделили солнце красотой,
и юностью траву,
и сострадание — светом.
Мы называем бой, стенание и вой —
войной
мы называем это!

Там смерти день
и ночи суета,
там всё, что нас страшит,
но не пугает.
Страх целен,
страх предохраняет,
лишь трусость — гибель для души.

Назначен день и час, и Мир придет,
твоей ногой
траву лишь приминая.
Закончен будет в Украине бой,
мы знаем —
Победой!

Он закончился тогда,
когда ступил безумца шаг на землю.
Там трусы жгут чужие города
им чуждо всё,
их милость не приемлет

И мира общий кровоток
отвергнет вымысел кровавый,
и станет новым ужасом Восток,
но Запад скажет: Нет,
и Север их не примет,
не примет Юг,
не примет их никто,
кто говорит словами
и делами.
Хотите жить —
уйдите, как вода,
что только вниз течет
подземными путями.

TABLE OF CONTENTS

No. 2 (85) 2022

TO THE READER

Life's Challenges and Dangers
Yuri Senokosov 5

FEATURE ARTICLE

Volodymyr's Zelensky's Interview
to Russian Journalists 10

Neutrality Scenarios and Potential
Reference Points for Ukraine
Alexander Goltz 26

The Rise of Populism and the Rebirth of
Democracy
Sławomir Sierakowski 32

GLOBAL ECONOMY

Why We Care About Economic
Development
Jesper Roine 45

WAR DIARIES

The War and Intellect
Anatoly Akhutin 70

"The Cities of Ukrainian Central and
Western Regions Will Be in Ruins"
Alexander Fuks 78

VIEWPOINT

On Political Conflict
Alexander Morozov 81

HISTORICAL EXPERIENCE

On Philosophical Inventions
Yuri Senokosov 90

Hunting Guterres
Andrey Zubov 95

How Possible Is a War with the West
Stanislav Kucher 98

Why Democracy, Exactly?
Valdis Birkavs 101

Holy Scriptures, Literary Canons
Yuri Slezkine 107

BOOKS

Retrograde Mugs
Andrey Simbirtsev 116

The Counterpoint
Dmitry Travin 120

NOTA BENE

The 59th Day of the War
Ilze Dzenovska 125

Conscience, Selflessness and Dignity
Chulpan Khamatova 126

Words of Victory
Victoria Matison 128

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

О НОВОЙ ПОСЛЕПОСТСОВЕТСКОЙ ЭПОХЕ

Наши авторы:

Анатолий Ахутин

Андреас Буммель

Владимир Жбанков

Андрей Колесников

Иван Крестев

Елена Лукьянова

Сергей Медведев

Михаил Минаков

Александр Морозов

Славомир Сераковский

Андрей Симбирцев

Дмитрий Травин

Вольфганг Шуссель

ISSN 2592-897X